

**ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033**

**ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033**

**МЕТРО 2033:
ЭХО УМЕРШЕГО МИРА**

Автор идеи — Дмитрий Глуховский

Echo zgasłego świata
Wybór najlepszych opowiadań polskich fanów
Uniwersum Metro 2033

Перевод с польского Сергея Легезы, Леонида Добкача

Редакторы перевода — *Анна Калинин, Ринат Таштабанов,
Юрий Харитонов, Виктор Лебедев, Дмитрий Ермаков*

Оформление обложки — *Илья Яцкевич, Алексей Устьянцев*
Карта — *Леонид Добкач, Илья Волков*
Составители — *Юлия Дидух, Доминика Пичинская*

Серия «Вселенная Метро 2033» основана в 2009 году

Метро 2033: Эхо умершего мира: [фантастические рассказы] / сост. Ю. Дидух, Д. Пичинская; [пер. с пол. С. Легезы, Л. Добкача]. — 155 с. — (Вселенная Метро 2033).

ISBN 978-83-65315-35-9 (PL)

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского — культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж — полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Двадцать лет назад мир погиб в ядерном огне. Редкие выжившие рыщут по мёртвым развалинам, надеясь отыскать что-нибудь полезное. Но зачастую на их долю выпадают такие испытания, с какими лучше никогда не сталкиваться. Цена проигрыша — смерть. Не только своя, но и многих других. И где бы не жил, надо бороться, надо сражаться и всегда оставаться человеком. Если не выйдет — над умершим миром пронесётся лишь бездушное эхо.

Встречайте третий польский сборник рассказов! Вас ждут тринадцать историй от верных поклонников серии и бонусный рассказ от председателя жюри, первого автора, написавшего о Польше, Павла Майки. Скучно не будет!

© Д.А. Глуховский, 2016
© Коллектив авторов, 2016
© С. Легеза, Л. Добкач, перевод, 2016
© Издательство «Insignis», 2016

ПАВЕЛ МАЙКА ГОРНЫЙ

Январь 2033

1

Зима в Новой Гуте — ад.

Солнце на несколько месяцев почти полностью исчезает за толстым покровом тёмно-синих туч, ещё наполненных пылью, выброшенной в выси двадцать лет назад мощным ударом Пожара. Её не так много, чтобы досаждать уцелевшим сильнее, чем пронзающий до костей мороз или стаи оголодавших людей и животных. Но она остаётся мрачным напоминанием. А порой, когда сильные ветра гонят воздух с востока, оттуда, где упала бомба, становится она ещё и опасной.

Гражданам Федерации запрещено пользоваться огнём в сχροнах. Слишком мало осталось топлива, экономят на всем. Да и пожар мог бы всех убить. То, что в более тёплое время года означало бы катастрофу, зимой закончилось бы смертью. Потому что зимой бежать некуда. Те, кто спасется от огня, наверняка замерзнут, ища укрытия. Потому зимой полной огневой монополией обладала власть Федерации, заботясь лишь о том, чтобы выдавать гражданам одну горячую порцию еды в сутки.

Зимой Ищейки наружу почти не выходили. Сосредотачивались на помощи в закрытых питомниках, на уборке схронов и несении вахт в садовых башнях — в руинах домов, переделанных под оранжереи, поставлявшие весной и летом пищу.

Зимой внутри схронов оставалось душно и темно, зато начинал проникать в них холод. Невыносимую летнюю жару вспоминали тогда, как райские кущи. Помогало лишь то, что укутанные во что удастся люди жались друг к другу: теснота даже тогда помогала. Но если зима затягивалась, холод всё равно доставал обитателей схронов.

«Если мы проживём достаточно долго, чтобы приспособиться к новому миру, то превратимся в медведей, — решил Шрам. — Будем просто спать зиму напролёт».

Медведей они и так уже напоминали — с виду. Котяра, который набросил на себя где-то добытую шубу, некогда элегантную, а ныне разодранную и лишённую одного рукава, казался раза в два крупнее, чем обычно. Горному, чтобы казаться великаном, в таких аксессуарах нужды не было. Но и он как-то притянул в схроны траченный молью бараний кожух. Моль они добавили в овсянку и съели. Мех и Встанька, как обычно, неразлучные, пошили себе одинаковые плащи, что было немалым достижением, если принять во внимание, что куски материи на них они собирали по всей Гуте, а зимняя их одежда состояла исключительно из лат и поддевки, набитой, чем попало: кусочками меха, тряпками и даже кусками довоенных газет. Серые тяжёлые плащи их опускались до подошв ботинок, а высокие воротники, стоило их приподнять, закрывали едва ли не всю голову. Всё это дополняли капюшоны комбинезонов и маски от снега. Эльмо и Шрам довольствовались найденными пуховиками и лыжными куртками, а последний из дружины, Юранд... Ну, он доводил всех до бешенства, поскольку любил морозы и ходил в обычном комбинезоне, на который набрасывал ветровку из обшитого фольгой мешка. Остальным делалось зябко уже от одного вида старого солдата.

Но если зима в Новой Гуте — это ад, то как назвать то место, куда завели их тропы?

— Сука, — обронил человек, чьё присутствие им в этой операции навязали, по виду — фронт фронт, в подбитой мехом кожаной куртке, лыжных перчатках и сапогах, вынутых, небось, прямоком из какого-то магазина ещё до Пожара. — Что оно такое, как думаете?

Они не стали расходовать энергию на ответ ему. Сказать честно, не любили его.

Сперва он едва волокся следом, опасливо поглядывая на небо и трясясь от страха, если казалось ему, что замечает движение в руинах. С облегчением вздохнул он лишь когда в первый вечер экспедиции они спрятались в одной из застав, в тесном и темном подвале, выкопанном уже после Пожара.

Уж там-то он почувствовал себя как дома.

— Ты никогда не покидал схронов, верно? — догадался Котяра.
— Господин поручик, — рявкнул тот — и лишней симпатии тем не приобрёл.
— Оставим-ка этих «поручиков» для подземелья, — одёрнул его Шрам. — Тут есть только командир и остальные. А поскольку командир — я, то ты относишься к остальным. Понятно?

— Полковнику это не понравится.

— Полковник не лезет в нашу жизнь здесь и на поверхность, как и ты, не выходит. Это ведь твой первый раз, верно?

— Первый за двадцать лет.

— Заметно. Котяра, твоё дежурство первое. Потом Юранд, Эльмо, Мех, Встанька. В конце — я.

— А я? — напомнил о себе Горный.

— Не нравятся мне твои глаза. Признайся, ветер чуешь?

— В горах начинает поддувать. Лёгкие порывы. Почти ничего. Но дня через два-три...

— Тогда ты — спи.

Горный взял имя от окружённого легендами ветра, что порой падал с гор на город. В душном, раскинувшемся в долине городе люди с радостью приветствовали каждое движение воздуха, если только не шло оно с востока, где все ещё лежала «горячая», как её называли, радиоактивная пустыня. Но горный ветер с человеческим разумом делал странные вещи, а на мозг самого крупного солдата из дружины Шрама воздействовал он исключительно сильно.

Когда дул тот странный ветер с гор, Горного охватывало неистовство. Шрам, ради общего блага, позволял ему тогда оставлять дружину. Горный на несколько дней исчезал в руинах. Никогда не рассказывал, что там делал, но возвращался обвешанный добычей, а комбинезон его, случалось, покрывала кровь.

Все они понимали, что не убивай он чужаков, мог бы обратиться против своих. И неважно, что потом все бы о том жалели. Им пришлось бы убить друга, прежде чем тот убил бы их.

Навязанный им поручик, конечно, этого не понимал. Понятия не имел, кем на самом деле был Горный, поскольку Шрам не докладывал о его безумии в рапортах. Если кто спрашивал, официально Горный отправлялся в глубокую разведку.

То, что происходило в дружине Шрама, оставалось между своими.

С тем большим сомнением поглядывали они на чужака.

Но когда однажды утром на них внезапно выскочил отряд Серых, пришлось признать, что его присутствие себя оправдало.

Серые, казалось, были удивлены не меньше людей Шрама. Двенадцать Серых так безрассудно неслись вперёд, что людей заметили, лишь когда предводитель стаи столкнулся с Юрандом.

В нормальной ситуации Юранд заметил бы Серых куда раньше, но зима создавала собственную реальность. Хотя снег уже не падал несколько дней, не тающие сугробы его, укрывшие руины, изменили пейзаж Гуты. Сгладили знакомые очертания, наполнили местность новыми, беспокоящими отголосками. Снег скрипел под ногами солдат, лёгкий, но отчётливый ветер вздымал белую пелену. Время от времени тяжёлая снежная шапка проседала под собственной тяжестью и падала с остатков крыши. Солдаты тогда припадали к земле, может и не так плавно и быстро, как летом, но снимали с плеча арбалеты, натягивали тетивы и высматривали окрест опасность.

Всё это, вместе с неуступчивым, приставучим морозом и с необходимостью пробиваться сквозь толстые покровы снега, приводило к тому, что все они были уставшими и злыми. И — как оказалось — недостаточно внимательными.

Зимой даже они предпочли бы не покидать схронов.

Юранд упал, рефлекторно потянув за собою Серого. Большой меч, откованный в кузнице каннибалов из рессоры довоенной машины, в этой ситуации нисколько ему не помог. Потому он выхватил один из ножей, которыми был обвешан, и воткнул его в бок мутанту.

Серый отчаянно завизжал.

И тогда из руин выскочила остальная стая. Только после схватки у солдат нашлось время, чтобы удивиться внешнему виду Серых. Тому, что некоторые из них были обмотаны тряпками или шкурами: скорее по-человечески, чем по-звериному. Один даже натянул на себя остатки комбинезона разведчика Федерации, что погиб месяцем ранее.

— Если мы не выйдем их быстрее, они научатся делать орудия труда и использовать оружие. И тогда нам — конец, — проворчал Эльмо, оглядывая их тела.

Но прежде чем пришло время размышлений, им пришлось управиться со стайей ловких, ошалевших от голода врагов.

В лучшие из месяцев случалось, что разведчики людей и Серых не трогали друг друга. Казалось, обе стороны уважали неписаное перемирие и не рисковали ненужными столкновениями. Но зима, когда часть зверей погружается в сон в безопасных укрытиях, когда исчезают питательные насекомые и даже некоторые птицы, не проклятые единомыслием, выжирающим их инстинкты, отлетали, как и перед войной, в тёплые края, все страдали от недостатка еды. А это означало, что всякий мог стать добычей. А значит, границы риска сдвигались.

Горный расколол череп одного из Серых древком копья. Второго насадил на него, приподнял над головою и швырнул телом в мутанта, что пытался напрыгнуть сзади на Эльмо. Из-под снежной маски Горного доносились негромкие, бурчащие отзвуки, до странности напоминающие хрип раненого. Но Шрам знал, что именно так Горный смеётся.

В руках Котяры замелькали небольшие, но убийственные ножички, которые он называл своими когтями. Двумя молниеносными движениями он распорол горло и пах Серого, после чего ловко отпрыгнул назад. Поскользнулся на чём-то, упал, но вскочил достаточно быстро, чтобы избежать удара ещё одного врага: того, в остатках трофейного комбинезона.

Шрам не видел, как выглядел дальнейший поединок Котяры. Пришлось заняться собственными проблемами. Может, ему просто-напросто не повезло, а может, Серые как-то опознали в нём предводителя, но атаковали его трое.

— Ну-ну, неплохо, — пробормотал Котяра, когда после схватки понял, что навязанный им поручик сумел убить двух Серых. — Ты управился почти так же быстро, как я.

Когда они спрятали тела, чтобы забрать их на обратном пути в схрон, и двинулись дальше, Котяра подошёл к командиру.

— А сукин сын — быстр, — прошептал он. — Может, даже быстрее, чем я. Не спускай с него глаз.

Шрам кивнул. Если Котяра признавал, что кто-то может его превосходить, значит был всерьёз обеспокоен.

А ведь они и правда не знали, зачем полковник приставил к ним того «помощника». А в официальные версии они не верили.

2

— Что будем делать? — в очередной раз спросил поручик, когда они укрылись в остатках киоска, переделанного во временную заставу. В киоске том, давным-давно, в мире, в который нынче и поверить непросто, продавали такие чудеса, как овощи десятков сортов, конфеты, соки и даже жевательную резинку.

Сейчас он напоминал бесформенную кучу камней, зимой ещё и скованных льдом и засыпанных снегом.

Около четверти часа у них заняло осторожная долбежка ледяного покрова — прежде чем добрались до замаскированного люка.

Внутри было приятно прохладно. Мороз проникал и сюда, но оставался слабым. А когда они сидели, прижавшись друг к другу, через несколько минут почти переставали трястись от холода.

Котьяра, лучший из следопытов Шрама, три дня вёл их по следу той, кого они разыскивали. Как любой, кто воспитан в подземелье, гражданка, никогда не покидавшая схронов, шла медленно, выбирая тропы, которые могли ей показаться безопасными, хотя для опытных разведчиков те вели в исключительно неприятные места. Случалось, что ходила она и по кругу. Котьяра тогда обеспокоенно фыркал — думал, что мог потерять след.

И все же она продолжала их опережать. Все из-за четырёх дней форы, что она получила, поскольку никто не верил, что девочка ушла наружу, — а высшие офицеры предпочитали держать её исчезновение в тайне.

Двенадцать лет, ребенок... Настоящее сокровище в мире, где люди старели слишком быстро и то и дело проявляли мерзкую склонность к ранней смерти — а вот размножились всё хуже.

К тому же была она дочерью генерала, одной из шишек Федерации.

За каким чертом она погнала на поверхность? Причём — посредине зимы!

— Мы допускаем, что её похитили, — заявил Шраму полковник, из-за обожжённого лица прозванный Индюком. Жёсткий, въедливый сукин сын с амбициями, которые, как говорили, в схронах уже не помещались. — Мы не знаем — кем, не знаем — зачем. Мы продолжаем обыскивать коридоры, но приходится учесть, что девочку могли уже вывести наружу. Вы и ваши люди обладаете серьёзным опытом таких вылазок. И потому именно вас мы посылаем на поиски. Я дам вам в помощь человека.

— Зачем? — Шрам никогда не придавал слишком большого значения субординации, а потому начальство нередко выговаривало ему за бесцеремонность и наглость.

— Потому что Аня вас не знает. А меня — знает, зовёт дядей. Но я с вами пойти не могу. Потому пойдёт поручик Арцишевский, друг семьи. Надеюсь, благодаря этому Аня не испугается, если вы сумеете её найти.

В поручике Арцишевском, подумалось Шраму, тепла меньше, чем в сосульке, а глаза его оставались полны любви настолько же, как глаза каннибала, что режет свою жертву. Но как знать, может, он отмякал при детях.

Похищение они исключили, едва Котьяра отыскал на снегу следы маленьких ножек: в скверных, едва ли и для схрона подходящих ботинках.

— Отморозит себе ноги на раз, — проворчал он. — Бедная глупая малышка. Никто её не похищал.

— Ты настолько уверен? — смерил его взглядом поручик. — Что, умнее полковника?

— Ну, пусть Индюк сам сюда идёт — может, и прочтёт по следам что другое. Она идёт одна.

— Может, сбежала от похитителей!

— А отчего тогда шла не к схронам, а убегала прочь?

— Боялась!

— Точно. Страшно боялась чего-то — в схронах. Может, господин поручик в курсе — чего именно?

Они едва не вцепились друг другу в глотки.

— Ты уверен, что она не могла сбежать от похитителей? — шагнул между ними Шрам.

— Если и так, то они за ней не вышли. Тут нет никаких человеческих следов, кроме её собственных. Не знаю, нахрена она вышла из схронов, шеф. Но как мнится, возвращаться она не желала.

— Она могла потеряться, — рывкнул поручик. — В темноте. В метель.

— Если бы была метель, мы бы вообще никаких следов не отыскивали, — скривился Котьяра. — Снег бы всё прикрыл. Но в темноте? Если — впервые наверху? Ну, это возможно.

Но лицо его не говорило, что он верит в нечто подобное. И Шрам был с ним согласен.

Малышка сбежала. Но чего могла она бояться настолько, чтобы рвануть к верной смерти?

— Что делаем? — повторил поручик, когда они спрятались в киоске. — Что теперь?

— Теперь мы отдохнём, съедим что-нибудь тёплое и вернёмся доложить, что дела не будет, — Шрам шевельнулся, вынимая из тайника немного припрятанного топлива.

Эльмо уже вытягивал из рюкзака небольшой котелок, который всегда таскал с собой.

— Вот так просто? — удивился поручик. — Бросим здесь ребёнка?

— Знаешь, что это за место? — Юранд, если уж отзывался, не столько говорил, сколько выплёвывал слова. Никогда не улыбался, изредка выказывая чуть более тёплые чувства. Чёрная повязка, скрывавшая то, что осталось от единственного его глаза, добавляла лицу Юранда суровости даже в те немногие минуты, когда он пытался не давить на собеседника. — Знаешь, куда мы пришли?

— Я ведь спрашивал: это — оно, нет? Это — оно?

— Оно, — подтвердил Шрам. — Если она туда вошла, бог весть зачем, то она — уже покойница.

— Мы должны проверить!

— Ну так иди и проверяй. Сам. Добровольно. Я никого на верную смерть не пошлю.

— На верную? Тут вот прямо-таки — верная смерть?

И это не был голос заботливого друга семьи. Был это голос того, кто надеялся, что миссия его подошла к концу. Того, кому мысль о смерти ребёнка принесла облегчение.

Никто ему не ответил. Молчали, пока не съели густой горячий суп, приготовленный Встанькой. И только тогда Горный заявил, что он отправится искать девочку. Один.

Только поручик запротестовал. Остальные видели, что Горного начинает уже нести. Уже и сами ощущали запах ветра, что готовился сойти с гор. Видели, как взгляд их товарища становился всё более беспокойным, как сжимает он древко копья. Слышали, как всё громче ворчит он под маской.

— Ты не вернёшься, — наконец, решился на протест Шрам. — Оттуда не возвращаются.

— Я им это должен! — почти выкрикнул Горный. — Ты, я. Мы им это должны, — добавил спокойней. — Но я не жалею. Я туда спущусь.

— Не без меня! — поручик вскочил.

На миг даже Котяра подивился его отваге. Или безумию — всё равно, Котяра удивился и тому, и другому.

— Я иду сам! — тон Горного не оставлял сомнений относительно судьбы возможных возражений. — Если пойдёшь следом — убью.

— Мы подождём тебя сутки, — решил Шрам.

— В этом нет смысла.

— Ну! Ты ещё начни решать за командира, солдат!

— Ветер будет сильным. Вам придётся нелегко.

— У нас есть припасы. Выдержим дня два-три, если понадобится. Но у тебя есть сутки.

— Потом мне всё равно придется... Ты знаешь.

— Потом — это отдельный разговор. У тебя есть сутки, чтобы отсюда выйти.

— Выйти, откуда никто не выходил, да?

— Всегда должен быть кто-то первым. Вали, а то я уже начинаю сердиться.

3

Перед сном они приготовили себе ещё немного супа. Потом Эльмо вышел наружу, собрал немного снега, бросил в котелок. Воду они процедили сквозь один из самодельных фильтров, снова закипятили, заварили кофе.

Поручик поглядывал на тот с подозрением.

— А нет в нём какой пакости?

— Ветер — с юга, не с востока. А остальное... Остальная херня — такая же, как в воде в схронах, — уверил его Эльмо, а для подтверждения отпил глоток из своей кружки.

Меньше чем через пятнадцать минут поручик спал, как убитый.

— Ну и храпит этот гад, — проворчал Юранд и сплюнул.

— Такая же херня, как и схронах — не считая снотворного, да? — захихикал Котяра. Ох, Эльмо, Эльмо. Ты и эти твои таблеточки от краснопузых!

— Обезболивающие, седативные, — ответил медик отряда. — Завтра он проснётся отдохнувшим получше нашего.

— А мы можем поговорить, верно?

— А мы можем поговорить.

Все красноречиво поглядели на Шрама — Юранд красноречивей прочих, поскольку, как обычно — со зловещим блеском в единственном глазу.

— А не о чем говорить, — пожал плечами командир. — Лучше давайте спать. Только часовых определю. Юранд, ты первым, потом...

— погоди, шеф! — прервал его Котяра. — Всё не так просто! Слишком много всего происходит! Малышка сбежала из схронов. Мы получили шпиона, который так умело машет ножами, что мог бы порезать нас ночью, а мы бы того и не заметили. Ты отпустил Горного в дыру, полную Ночных, в их крупнейшее грёбанное гнездо. Разве что он просто гнал, а сам пошёл — как обычно под ветер — на хрен.

Шрам молчал. Хотелось им соврать. Сказать, что именно так они и договорились с Горным. Однако чувствовал, что людям, которыми он командовал, стоит сказать правду.

— Горный отправился в ад, — сказал он, наконец. — В ад, который мы сами и создали.

4

— Десять лет назад, — рассказывал Шрам. — Десять лет назад дошло до войны. Вы её более-менее помните. Те, из-под Театра, знаете, того большого схрона, объявили независимость. Присоединились к ним несколько других. Бились мы с ними два года. Они всерьёз приготовились. Когда мы выстраивали Федерацию, они готовились к восстанию. Собирали оружие, учили людей к битвам под землёй. Мы копали туннели, чтобы соединить и увеличить схроны — они строили бункеры. А потом завалили все коридоры между нами и объявили сецессию.

...Чем дальше мы сражались, тем больше слабела наша позиция. Вы все об этом знаете. Но не знаете, в насколько отчаянной ситуации находилась Федерация. Мы вроде бы и не проигрывали, но отпадали от нас всё новые схроны. Теряли мы людей и оборудование. А это означало смерть. Те столкнулись с кем-то снаружи, с какой-то третьей силой. Может, с фермой из госпиталя, может, с теми мифическими музейщиками? Фашисты и краснопузые объявили о нейтралитете.

...Нам нужно было победить — и мы нашли способ.

...Я был тогда сержантом. Горного я ещё не знал. Отряд мой получил задание: захватить пост перед воротами к Театру, а потом ворота взорвать. Из пятнадцати нас осталось двое, но задание мы выполнили.

...И все равно мы были счастливыми. Из роты Горного вообще выжил только он.

...Знали мы, что сил нам, чтобы ворваться внутрь, не хватит, а потому решили дело иначе.

...Была это ночная операция. Потому-то и удалась, они не предполагали, что мы рискнём послать отряд ночью — и что ему удастся подойти тихо. А мы проползли туннелем, который копали все два года войны. И сделали, что хотели.

...А Горный...

...Он тогда звался иначе. Возможно, что и поплохело ему как раз после того.

...Потому что, когда я его оттуда выносил, думал — всё, парень с катушек слетел.

...Люди из его отряда охотились неделю. Потеряли кучу мяса. Но — проложили кровавые тропки. А в ту последнюю ночь — просто вышли из заставы, покрытые кровью и

мясом, таща на себе килограммы жратвы, и притянули на тот запах ошалевших от голода Ночных — крупнейшую стаю, какую мне приходилось видеть. Сотни тварей. Псы размером с лошадей, коты обычного размера, но с отросшими когтями, нетопыри больше человека, змеи, какая-то живность — я и вида их не распознал.

...И все они вошли в схрон под Театром через дыру в воротах, что мы пробили.

...Людей Горного, приманку, по дороге туда хватали и жрали. Горному повезло, я вырвал его у стаи диких крыс. Убили бы нас, но не хотели терять времени — ведь в схроне было столько мяса.

...Нам удалось. Погибли все — солдаты и гражданские. Мужчины, женщины, дети. Официально Ночные сами отыскивали брешь в обороне Театра. Те, кто отпал от Федерации, теперь умоляли принять их назад. Мы устроили облаву на Ночных, но в их новое гнездо никто никогда войти уже не отважился.

...Тайну знает только высшее руководство, Горный и я. Ну, и вы теперь.

— А тот последний из твоего отряда?

— Застрелился через год.

— То есть, Горный, говоря, что вы «им» должны — имел в виду тех погибших? — догадался Эльмо.

— Да кто ж знает, что в голове у Горного, когда дует ветер? Поймите одно: всё это нужно было сделать. У нас не было сил их победить, а всё начинало рассыпаться. Разделённые схроны не имели шансов выжить. Те из Театра — сошли с ума от чрезмерных амбиций. У меня угрызений совести не было. Жаль только растроченный потенциал — и только. Они сами призвали это на свои головы.

Тон, каким он это говорил, силы словам не добавлял — но спорить они не стали. И не задавали больше вопросов. Отдыхали сутки, а когда Горный так и не вернулся — принялись собираться в обратный путь.

Снаружи ветер и вправду усилился. Стоило поспешить к схронам, прежде чем начнётся настоящая вьюга.

— Возвращайтесь сами, — Шрам поймал их врасплох. — Я иду за Горным.

— Да ты что! — воскликнул Котяра. — Никаких угрызений совести, да? Сука, да я прямо вижу, командир, как мы тебя туда отпускаем!

— Юранд! — крикнул Шрам, не обращая внимания на Котяру. — Пока я не вернусь, командуешь ты! Проведёшь отряд в схрон! Понятно?

— Понятно, — одноглазый сплюнул под ноги, прежде чем надеть маску от снега. — Кто станет возмущаться — получит по морде.

Не считая Горного, он был самым сильным солдатом в отряде.

— Ты ничего им не должен, — проворчал Котяра.

— Им — нет. Горному. Поручик, с вами будут проблемы?

— Я не знаю, зачем вы туда идёте. Ваш человек наверняка погиб.

— Ну, с ним никогда не знаешь всего наперёд. Повторю: с вами будут проблемы?

— Никаких, — поднял руки поручик. — Чем быстрее вернёмся, тем лучше.

— Хорошо. Пошли, парни! Домой!

Смотрел, как они уходят. Только когда скрылись за руинами жилых кварталов, а Шрам подождал достаточно долго, чтобы убедиться, что не возвратятся, двинулся к тёмной дыре под бывшим Национальным Театром, в схрон, гнездо Ночных, что некогда создали они с Горным.

5

Сказать честно, он и сам не до конца понимал, зачем это делал. Принцип «своих не бросать» в Федерации не действовал, хотя здесь и старались спасать людей — или хотя бы отыскивать их тела. Припасов никогда не хватало, а человеческое тело для обитателей схронов имеет свою цену.

Он говорил правду — не чувствовал себя виноватым за смерти тех, под Театром. Война есть война, тут всё дозволено. Тем более что речь шла не о трофеях, а о выживании. Человеческий род, похоже, не выполнил домашнего задания и не сумел примириться с тем, что лишь сотрудничество — пусть бы и под рукой несовершенного правительства — позволит ему выжить. А выживание было для Шрама всем.

Он осторожно нырнул в темноту подвалов под Театром. Лишь недавно взошло солнце, и он рассчитывал, что Ночные ещё остаются сонными. Скорее всего, это не спасло бы его, однако они с парнями давно заметили, что зимой ночные гнёзда почти не проявляют активности. Словно погружаются в зимнюю спячку. Не все, конечно. Единичных представителей можно было встретить среди руин и зимой. Однако это не были уже целые стаи.

Проблема с Ночными состояла в том, что известно о них было немного. Приманивая Ночных в схроны под Театром, Федерация что-то изменила в их поведении. Первые Ночные, мутировавшие твари, ненавидевшие солнечный свет, были охотниками-одиночками. Захват огромного количества пищи под Театром обучил их новым стратегиям. Существа разнообразных видов создали стаю, которая сумела ужиться вместе.

Ночные из Театра не принимали Ночных, живущих в Новой Гуте — да и сами не всегда охотились вместе. Вероятно, нельзя было их назвать сообществом в человеческом смысле. Но они выработали некий компромисс, приняли, что Гнездо под Театром будет своего рода нейтральной территорией — как некогда лесные водопои.

Тогда, возможно, Шрама вело любопытство? Хотел увидеть, как выглядит это чудо?

Ну и, несмотря ни на что, он чувствовал себя ответственным за Горного.

Ступал он осторожно. Фонарём не пользовался, чтобы не привлекать внимания, потому что боялся наступить на какую-то из меньших тварей — а та поднимет тревогу. К тому же мог споткнуться или на что-то натолкнуться в темноте.

На первом этаже он не нашёл никого. Но подвал...

Ему пришлось миновать груды костей. Животных — но и человеческих. Похоже, Ночные воспринимали подвал как своего рода мусорку, куда они выносили тщательно очищенные от мяса, разгрызенные, чтобы добраться до костного мозга, останки жертв. Зачем они так делали? Было ли в том своего рода предупреждение для чужаков? А может — эдакая сигнализация? Непросто было шагать так, чтобы не раздавить какую-то из костей, не сдвинуть её с места.

А может, Ночные просто любили порядок. Шрам знал, что крысы бывают чистюлями. Запасы еды держат подальше от логова, имеют специальные места для отходов. Кости они могли считать просто мусором.

А может, ими приманивали других хищников? Запах мог привлекать тех в подвалы. А кто рискнул добраться до еды, сам становился добычей.

Неизвестно, насколько изменился мозг мутантов. А крысы бывали умны и до Пожара.

Но настоящим испытанием оказалось пробраться в сам схрон.

Смрад, ударивший Шраму в нос, едва тот встал перед остатками ворот, ошеломил его и чуть не заставил слюнуть. Он покачнулся, опёрся о шершавую стену и сразу же отдёргнул с отвращением руку. Синий плющ, в более тёплое время года затягивавший все окрестности, выстлал и гнездо Ночных. Но здесь он показался Шраму каким-то другим. Пульсировал, словно был веной, наполненной живой кровью, которую прокачивало укрытое где-то во тьме сердце.

Солдат взял себя в руки. Он ещё мог отступить, но тогда пришлось бы признать своё поражение. И оставить Горного внизу, среди... этого не пойми чего.

Он вздохнул осторожно, выждал. Приспособился к запаху. Через какое-то время тот уже не казался настолько уж мерзким. Не был он ни вонью разлагающихся трупов, ни запахом отходов. Просто — десятки тел животных, которые пахли сильно и чуждо одновременно. В схронах Федерации тоже не царил аромат, но к запаху немывтого человеческого тела Шрам успел привыкнуть. Привыкнет и к этому, если Ночные позволят ему прожить достаточно долго.

Внутри не было темно, как он боялся. Флуоресцентные грибы, что разводили в Федерации, росли и здесь. Но кроме них вдоль стен свисали толстые белые лианы, которые тоже испускали слабый свет. Присмотревшись, Шрам понял свою ошибку — именно о них, а не о синий плющ он и опёрся, входя. Того тут не было — а может, он просто-напросто переродился в это не пойми что.

Шрам осторожно дотронулся до лианы — и резко отдернул ладонь, когда лиана задрожала.

Может, это какое-то животное?

Он был прав, полагая, что Ночные будут в летаргии. Он осторожно проходил мимо их тел: дышали едва-едва, чуть заметно. Крысы разного размера, существа, напоминавшие котов или собак, потомки змей, большие кроты, что попискивали, стоило ему поставить ногу возле их морд. Он заметил несколько странно изменившихся, лишённых меха куниц, нечто, что когда-то могло быть лисом, и кабанов, превращённых в хищников — те спали, прижавшись друг к другу.

Он шёл медленно, не зная, как долго. Утратил ощущение времени. Звери занимали почти всё пространство пола, бывало, что он боялся, что придётся протискиваться между их телами. Шрам забыл обо всём, даже о цели своей вылазки — так он был сосредоточен, чтобы не разбудить никого из них.

А потом запас его удачи исчерпался, и он оказался лицом к лицу с проснувшимся Ночным.

Среди предков того наверняка были коты. Свидетельствовали о том зеленые глазищи с узким зрачком, слишком уж кошачий хвост и уши торчком. Но морда его была покрыта странным ороговением, напоминающим клыки кабанов. Кроме того, Шраму никогда раньше не приходилось встречать настолько крупных котов.

Когда животинка, враждебно порывивая, приблизилась к солдату, морда её находилась на уровне груди Шрама.

Вблизи можно было заметить отвратительные шишки, покрывавшие тело мутанта. И насекомых, что сновали между ними — кормясь от выделений, что стекали из трещин на шишках. Паразиты? Симбионты?

Шрам рефлекторно положил ладонь на рукоять ножа. Тварь, казалось, жеста не заметила. Муркнула, развернулась и отошла. Когда поняла, что Шрам всё ещё стоит неподвижно, обернулась и рявкнула, подгоняя его.

Теперь каждое животное, мимо которого Шрам проходил, открывало глаза и поднимало голову, чтобы взглянуть на пришельца. Шипели, порывивали. Но не нападали. Возможно, не просто им было полностью прийти в себя от летаргии. А может, оставляли его в покое совершенно сознательно.

Кот довёл Шрама до самого дна схрона. Парадоксально, но здесь было светлее всего. И всё — из-за чего-то наподобие огромного белого гриба, выросшего в стену. Он светился, как светились белые лианы — а те, как оказалось, выросли именно из него. Кроме того, он выпускал и веточки поменьше. Те входили в иссохшие человеческие и животные мумии, громоздящиеся под стеной. Вростали в их ноздри и глаза, пробивали кожу по всему телу.

Пульсировали от похищенной жизни.

Что хуже, оплетали они также и Горного, что сидел на корточках среди черепов, принадлежавших многим из видов.

А ещё — девочку, что стояла с ним рядом.

— И зачем ты пришёл? — простонал солдат. — Ты нужен нашим.

— Что это вообще? — Шрам надеялся, что произнесет это решительно, но из глотки его вырвался лишь писк. — Мужик, что тут происходит?

— Это что-то, что вывели те, театральные. Потому-то они и встали против нас. Какой-то гриб. Рассадник чего-то, чем они заразились. Это должно было дать им силу. Но они лишь сошли из-за этого с ума.

— Ты много знаешь.

— Она рассказала мне о себе. Та малышка. А один из тех мумифицированных оставил дневник. Там не слишком много, но нам — хватит.

Девочка открыла глаза. Те уже не походили на человеческие. Большие, белые, почти без радужки, безумные. Когда взглянула на Шрама — тот аж отступил.

— Вы меня не заберете! — крикнула она. — Никогда! Никогда!

— Это плохое место, Аня, — отозвался он тихо и спокойно. словно не таились вокруг него сотни тварей, словно приятель его не оказался соединён с огромным пульсирующим грибом, а девочка — не была совершенно безумна. — Здесь небезопасно.

— Безопасно! — рассмеялась она — и тут же расплакалась. — Только здесь и безопасно! А вы хотите забрать меня назад к чудовищам! Я этого не позволю!

Он полагал, что теперь большой кот на него нападёт, но ничего подобного не случилось. Он вздохнул с облегчением — и тотчас выругал сам себя. На миг ему почудилось, что малышка обладает способностью приказывать Ночным. Что за глупость! Таких сильных телепатов не существовало — да и Ночные не поддавались телепатии. Нет никаких владычиц зверей!

— Не думаю, что ты сумела бы меня удержать, — сказал он и шагнул к девочке.

И тогда Горный встал и заслонил ему дорогу.

— Ты не понимаешь! — сказал тот. — Она должна здесь остаться. Во-первых, это уже вросло в нее. Во-вторых, здесь ей будет лучше, чем там.

— Здесь? — аж задохнулся Шрам. — С этой чертовщиной, что вросла в её тело? Среди Ночных?

— Ты не понимаешь — повторил Горный. — Не знаешь, что с ней делали. Индюк... — он сжал кулаки. — Эта падаль любит маленьких девочек, шеф. Она убежала от него. Боялась его так сильно, что сбежала из схрона, представляешь?

— Индюку мы её не отдадим. Можем укрыть среди пепельных.

— Чтобы те сделали из неё рабыню — или продали на ферму?

— Я вижу мумии, солдат. Ты хочешь сказать, что лучше ей превратиться в одну из них?

— Это... То, что создали Театральные, качает ей в мозг счастье и благодать.

— Да послушай себя, Горный. Это же грёбаный паразит!

— А если и так? Но слушай, видишь Ночных? Они не сражаются друг с другом, не напали ни на меня, ни на тебя. Не знаю, что оно такое, но производит некую субстанцию, которая заставляет их чувствовать себя единым целым. Не нападают друг на друга, не здесь. Я не чувствую здесь ветра, а эта малышка ощущает здесь себя счастливой, как нигде более.

— Пока эта хрень её не пожрёт.

— Она может либо жить напуганной и угнетаемой — или умереть счастливой.

— Горный, тебя оно тоже вставило! Ты не понимаешь, о чём говоришь!

— Посмотри на неё, Шрам! Видишь те отростки, что вырастают ей в уши? Те, возле глаз? Ты уже не вырвешь её из этого. Убьёшь её. Она умрёт от болевого шока, напуганная. Ты этого хочешь? Театральные создали его не паразитом, а чем-то, что будет жить вместе с человеком...

— Симбионтом.

— Ты всегда был умнее всех нас, Шрам. Это — нечто живое. И людьми оно не питается.

— Ты уверен в этом?

— Я об этом догадываюсь.

— И знаешь, что ты можешь со своими догадками сделать?

— А если я прав, а ошибаешься — ты? Что ты хочешь сделать с этим ребёнком? Ты её уже не спасешь. Можешь только обидеть. Жизнь за жизнь, Шрам. Если её отпустишь, я уйду с тобой на поверхность.

— А тебя это не убьёт?

— Отростки ещё не добрались до моего мозга. Только вцепились в кожу. Я могу выйти.

— Но хотел бы остаться?

— Я не чувствую здесь ветра, Шрам. Конечно, хотел бы остаться. Ты представить себе не можешь, каково это — чувствовать себя свободным и счастливым.

— Обнаркоченным.

— А есть разница?

— Значит, ты — за неё, да? Малая, слышишь? Согласна на такое?

— Я хочу здесь остаться, прошу вас. Прошу, не забирайте меня к тем чудовищам!

Он не раздумывал слишком долго. Присел возле девочки, чтобы осмотреть её ноги.

— Это ты отрезал ей пальцы, Горный?

— Они почернели.

— Гангрена всё равно может в неё вцепиться. Тогда — не проживёт долго.

— Я обработал раны, как сумел. Да разве у нас бы она с ними прожила бы дольше?

— С гангреной — без шансов. Сука, а ведь не удалась нам спасательная миссия.

— А мне кажется — удалась. Может, останемся здесь втроем, а, Шрам?

— Собирайся, солдат. Я не дам себя накачать. И тебе — не позволю. Нам нужно вернуться сюда с керосином и выжечь это место вместе с этим созданием.

— Ты этого не сделаешь!

Он помолчал, прежде чем ответить.

— Нет. Дам им шанс. Но если они когда-нибудь вылезут из схрона, я колебаться не стану, Горный.

Он позволил великану попрощаться с девочкой, хотя, похоже, было это необходимо только ему самому. Малышка почти не обращала на него внимания. Снова закрыла глаза, погружаясь в какой-то приятный для неё бред.

Когда они уходили, Шрам не стал оглядываться.

6

— Ты точно не вернешься, чтобы это уничтожить? — спросил Горный, когда вечером они укрылись от усиливающегося ветра на заставе по дороге к схронам Федерации.

— Если не вылезут оттуда... Пока что активность Ночных чем-то ограничена. Для нас это к лучшему.

— Театральные, думаю, полагали, что это их улучшит. Я забрал тот их дневник. Сам считаешь.

— Ну, давай!

Посматривал на тонкую тетрадку, происходившую, наверняка, ещё с довоенных запасов, но не открывал её. Держал в руке историю людей, которых помог убить. А вдруг это была некая новая форма цивилизации? Не думал, чтобы одурманенные эйфорией люди могли справляться с обстоятельствами лучше, чем трезвые. С другой стороны, может, эта эйфория оказалась лишь побочным эффектом сильного чувства общности? Ведь Ночные не только не рвали глотки друг другу — они позволили остаться в живых и ему. Кто-то, настроенный идеалистически, мог бы посчитать наркотик, изобретённый Театральными, своеобразным лекарством от наибольшей болезни человечества — его неостановимой тяги к саморазрушению. Возможно, наркотик, что заставлял бы жить в мире не самое плохое решение?

— Вот только это не было бы уже человечеством, — пробормотал он.

— Что не было бы человечеством? — спросил Горный.

— Ты как? Пришёл в себя? Ветер уже чувствуешь?

— Чувствую. Снова чувствую, — печально ответил гигант.

— Проведу тебя — и придётся и мне лезть в проблемы.

— Только бы не туда.

— Я дал слово.

Шрам кивнул и сунул тетрадку в слабый костерок под чайником, где они кипятили воду на кофе.

Перевод с польского: С. Легеза

АНЕТА ПАЗДАН ЭДЕМ В АДУ

Пролог

Солнце накрыло сверкающим саваном бледное твёрдое тело и овеяло тёплым дыханием его синюшное, искажённое страхом и болью лицо, которому кто-то — довольно неуклюже и нагло — попытался придать выражение покоя и примирения с судьбой.

Цилла вздрогнула и огромным усилием воли не стошнила на гладкий, отполированный пол. Она прекрасно знала этого человека и была в курсе, что ни за какие сокровища мира он не смирился бы с таким страшным решением, даже если оно было единственным и неизбежным. Она бы предпочла видеть его таким, как в воображении. Рот застыл в ужасной гримасе, его рука воздета с выставленным средним пальцем.

Но теперь она смотрела на солнце, которое медленно плыло над знакомыми, и в то же время чужими уголками самого дорогого тела. «Когда-то он меня называл солнцем», — подумала она. Это было так несправедливо. Захотелось выть. Потому что никакого солнца не было — его тёплые золотые лучи не доходили до места, где могли бы осветить только смерть.

Женщина выдвинула жёсткую полку в морозильнике общественного морга, наклонилась и поцеловала холодный лоб мужа. Когда она поднесла потрескавшиеся губы к ледяной коже, почувствовала себя точно заново родившейся, словно в первый раз за долгое время по-настоящему живой.

Это не была иллюзия. Цилла почувствовала, что снова цела, что стала единой, как склеенный спортивный трофей, разбитый во время игры нерадивым ребёнком. Её муж разлепил веки, открыл рот в отчаянной попытке сделать вдох. Она отступила назад и пристально, со смесью тревоги смотрела, как старик преодолевает тупик, которым, несомненно, была его внезапная, несправедливая смерть.

Цилла хлопнула в ладоши и улыбнулась, когда муж посмотрел вокруг отсутствующим взглядом и, наконец, перестал делать вид, будто не помнит, как снаряд попал ему рикошетом в голову и бросил на стену туннеля, как тряпичную куклу. Он больше не пытался ловить воздух — принял, что не дышит и уже никогда не будет.

Жена помогла мужу одеться в вытащенную из шкафа в коридоре одежду — белые хлопчатобумажные брюки и больничную рубашку. Глянула на фиолетовый ровненький шрам в форме буквы «У» на груди и животе. Слегка дотронулась до него, когда помогала надевать не по размеру крупную рубашку на ослабленное, всё ещё ледяное тело. Она знала, что не избавится от этого холода, но это ничего. Она сама не идеальна.

Мужчина, медлительный, тяжёлый, движущийся почти так же, как ходячие мертвецы в фильмах, глядел кругом невидящим взором и что-то искал. Женщина слегка рассердилась. Хотелось поскорее покинуть это адское место.

— Мне... чего-то не хватает... Это...

— Противοестественно, да, — ответила она, пытаясь прикрыть волосами дырку в голове мужа, дыру насквозь.

Если бы она хотела, могла бы вставить в неё палку, но она знала, что так уже сделали — чтобы определить, откуда произошёл выстрел. Вытерла платком остатки крови, потому что кто-то из персонала не удосужился должным образом вымыть тело. В отверстии Цилла видела развалившийся, мутно-розовый мозг.

— Но у меня... У меня нет... Не знаю, где...

— У тебя нет половых органов, да. И на что они тебе? Только мешают. У меня сердце бьётся через раз, еле-еле работают почки и больная печень. Каждый день страдаю. А эти язвы... что-то ужасное. Иди.

Они покинули морг и пошли по узкому, тёмному туннелю метро. Цилла практически тянула мужа за собой, потому что тот не хотел двигаться — шёл, шаркая, глядел по сторонам; он хотел вернуться, чтобы восстановить своё сердце. Обязательно сердце, ничто другое его не волновало.

Она не знала, какие станции проходили, и как долго это тянулось. Она боялась погони, хотя она понятия не имела, кто может её преследовать. Воровала трупы, но кому есть дело до старых, немощных тел? Вскоре она почувствовала, что выдохлась, а пожирающий её остеопороз костей напомнил о себе.

И тут произошло ещё одно чудо. Издалека подъехал поезд. Она вздохнула с облегчением и сошла с рельсов, чтобы уступить место красивым вагонам, новым и блестящим, точно не произошло никакой катастрофы, как будто конца света не было.

«Метро — убежище для избранных или проклятых?» Цилла помогла мужу сесть, и сама тоже заняла место, напоминая себе одновременно об отличной иллюзии солнца, что видела в морге. Это не может быть бессмысленным вздором. Вот и ответ. Их избрали.

В вагоне было всего несколько человек, и все смотрели с ужасом на едущую пару, но не на мужчину, а на Циллу — потому что у неё единственной не было бледной кожи, а её грудь каждые пару секунд поднималась в неглубоком, но необходимом вдохе.

— Пить хочу, — сказал мужчина. Сидел согнувшись на мягком диване и качался вперёд-назад, вперёд-назад, уткнувшись в пол или погрузившись в далёкие воспоминания.

— Неправда, не ври. Не можешь ты хотеть пить. У тебя нет желудка, — она погладила его по голове и озорно улыбнулась. — Ты прямо как тот скелет из анекдота. Хочешь водку и тряпку?

Муж посмотрел на неё пустыми глазами, окружёнными серыми грустными тенями, с сеткой миниатюрных красных трещин на белках. Не улыбался. Лишь качался измученно то вперёд, то назад. Он взглянул на пол. Цилла испугалась, потому что он ни разу не посмотрел в небо. Ведь должен же он где-то находиться после смерти, должен видеть загробную жизнь. А он смотрел всё время вниз.

— Похоже на фантомные боли. Пройдут, как только мы вернёмся домой.

«Но где твой дом?» Цилла вздохнула, увидев красные капли, текущие из носа мужа. Они падали на пол и напоминали огни ада. Женщина вздрогнула и достала из сумки носовой платок. Она поднесла его к носу мужа, и белая ткань мгновенно пропиталась кровью и стала протекать.

— Чёртовы врачи. Могли что-то сделать с этой кровью. Это вообще нормально после смерти? А, к чёрту всё. Это ничего.

Муж поднял голову и посмотрел с упрёком на Циллу. Кровь широкой струйкой стекла у него по лицу, окрашивая шею и рубашку в ярко-красный цвет. Женщина вздрогнула.

И тогда она снова увидела солнце. Нежный, тёплый свет прошёл по стенам мчащегося по рельсам поезда, заглядывая пассажирам в глаза и освещая каждую клеточку их тел. Цилла следила за оранжевым бликом, как замороженная, блаженно улыбаясь своим воспоминаниям. В то же время она слышала голоса, доносящиеся словно издалека, приглушённые, но всё равно отчетливые. Что-то, что сопровождало её почти всю поездку.

Когда зашло солнце, она закрыла уставшие глаза и потёрла их руками.

— Ты увидел солнце? Мы едем домой. Домой.

1

Его вызвали поздно ночью туда, куда лучше не попадать. Подавляя рвотные позывы, Мунте склонился над четырьмя телами, что лежали в неестественных позах на холодном полу.

— Что здесь произошло? — спросил он, но ему никто не ответил. Незачем.

Мунте был врачом, но до катастрофы работал вирусологом, а в метро прошёл быстрый курс медицинской помощи. Он стал помощником и ассистентом квалифицированного доктора Гудрун, которая сейчас отсыпалась после долгого, утомительного дежурства.

— Мы не хотели будить Гудрун, — сказал ему полицейский. — Сами решите, нужно было или нет.

Мунте знал, что это значит. И увидел именно то, что ожидал.

Он вздохнул и посмотрел ещё раз на тела семьи. Муж, жена, двое детей — сын и дочь. Видел их на станции, но не общался. Работали на крысиной ферме и закончили хуже, чем животные, которых они посылали на убой. Свернувшиеся в клубок руки, лица скорчены в ужасной гримасе, колотые раны повсюду и лужа крови вокруг каждого из тел.

Да уж, смысла будить Гудрун нет. Мертвецам она точно не сможет помочь.

Чудовищная бойня, выжила только двенадцатилетняя дочь разводчиков крыс, маленькая светловолосая девочка. Мунте осмотрел её внимательно и не заметил никаких телесных повреждений, кроме нескольких царапин на руках. Лицо, правда, было неестественно синим. Девочка не произнесла ни слова, но Мунте прекрасно её понимал. Травма была страшным опытом, но тут не поможет ни он, ни Гудрун.

Одна из полицейских одела девочку в чистое платье, потому что старое было всё заляпано кровью. Мунте представил себе блондинку, лежащую на полу и задышающуюся в рыданиях, и ему пришлось закусить нижнюю губу до крови, чтобы не расклеиться.

— Не будем будить Гудрун, — решил он, подходя к полицейскому. — Ничего не делаешь, и девочке ничем не помочь. Скажите, что знаете о произошедшем.

— У нас есть свидетель. Напротив живёт женщина, которая не могла уснуть и всё видела. Она, правда, слаба на ум, но все улики подтверждают её версию.

— Кто мог совершить такое зверское убийство?

Полицейский слегка растерялся. Потёр задумчиво брови.

— Такие убийства, господин Мунте, часто... внутреннего характера.

«Не понимаю. Неужели кто-то из них напал и был убит в целях самообороны? Но столько ран, наверное, невозможно, чтобы раненый человек мог нанести столько ударов, прежде, чем умереть. Я думаю, что...»

— Не понимаю, — произнёс вслух, не зная, могла ли маленькая девочка отомстить убийце своих отца, матери, брата и сестры, когда тот напал на неё.

— Как обычно. Убил тот, кто выжил, мистер Мунте.

— Девочка? — ошарашенно спросил он. Ладно ещё, если ребенок оборонялся, но хладнокровно убить собственную семью... Это не укладывалось у него в голове. — Это ребёнок. Ей двенадцать лет. Всегда спокойная, тихая.

— Но мы нашли у неё в кармане остатки яда, и она держала нож. Он был у неё в руке. Она даже не пыталась его скрыть. Забрызгана кровью так, что всё указывает на то, что она была нападающим. Кроме того, у нас есть свидетель. Я знаю, это звучит ужасно, и всё же именно девочка отравила, а потом зарезала всю свою семью.

2

Мунте спокойным, почти ленивым шагом двигался по станции Сольна-сентрум, ловко лавируя между палатками, поставленными практически друг на друге. Его шаги отражались эхом от трещин пола, в котором когда-то можно было смотреться, настолько он был блестящий и гладкий. Не впервой такого рода воспоминания вызвали у врача боль.

Он словно спустился по самой большой альпийской горнолыжной трассе. Только оказался на рельсах и, продвигаясь медленно вперёд, погрузился в размышления. Он как раз закончил дежурство и возвращался домой, в палатку номер 21, расположенную в третьем секторе в самом конце станции. Он знал, что там будет ждать семья, но с какой-то поры вид жены и сына доставлял ему боль.

Невольно он задумался о девочке, которую полиция схватила несколько дней назад, невинное, милое создание, хладнокровно убившее всю свою семью. Сейчас подозреваемая

находилась в больнице. Сразу после попытки допроса, когда она не произнесла ни слова, её лицо за считанные мгновения полностью посинело, и она упала без сознания на холодный пол. Гудрун не смогла сказать, что случилось с девочкой.

Мунте миновал огромную дыру в стене, где когда-то висела голова лося, и неохотно ускорил шаг, зная, что жена будет беспокоиться о нём. Прошёл мимо мужчины, что стоял в темноте у стены, опираясь ногами на рельсы, и говорил сам с собой. Сначала врач совершенно не обратил на него внимания, зная, что воображение в сочетании со слабым освещением на всей синей линии может выдавать самые странные образы. Потом, однако, его что-то насторожило.

— Прости, ты в порядке? — спросил он, подходя ближе.

Мужчина не ответил, продолжая бормотать под нос слова кому-то невидимому. Ходил при этом размеренно вперёд-назад, ударяясь лбом о холодный камень.

— Всё в порядке? — Мунте положил руку на плечо мужчины, сиюсь понять, лоб у него красный от крови или к нему прицепились кусочки окрашенной в красный стены. — Я могу чем-то помочь?

Незнакомец зарычал на него остервенело, и тут Мунте его узнал. Это был Оскар, умный молодой человек, хотевший изменить жизнь на станции, кандидат на место нового начальника станции.

— Я отведу тебя к Гудрун, — добавил врач успокаивающе, зная, что Оскар уважает доктора.

Неизвестно почему, эти слова вызвали в мужчине ярость. Со всей силы он ударил Мунте головой в живот, вызвав у него тошноту, а затем развернулся и убежал.

— Подожди! — попытался крикнуть Мунте, но изо рта вырвался лишь хрип. Глубоко вздохнул, попутно отметив, что на его светлой рубашке остался кровавый след.

«Что на него нашло, что он себя так отделал?» — задумался Мунте, отказавшись от погони. Совсем недавно столкнулся с необъяснимым и чувствовал себя капельку неуверенно. Как будто кто-то поставил его на мосту над пропастью, а потом начал его трясти.

На некотором расстоянии от себя он увидел женщину. Он знал её только в лицо и понятия не имел, как её зовут. Она была матерью троих детей и практически не расставалась с этими проказниками, но на этот раз она была одна. Сидела на рельсах, опиралась спиной о холодную стену, и крутила руками, напоминая юлу, лихорадочно бормоча что-то себе под нос. За её спиной висел один из агитационных плакатов за Оскара.

Мунте почувствовал грусть, когда увидел этот плакат. Написанный чьей-то умелой рукой, он изображал луну, состоящую из многих кирпичиков, и мужчину, который добавляет очередные кирпичи, смазывая их раствором. Под рисунком красовался слоган: «Построим луну — и тьму прогоним».

Оскар обещал, прежде всего, провести освещение на всей станции Эдем, чтобы ни в одном месте не скрывалась тьма. Это была замечательная задумка, но идиллическая и невозможная для воплощения. И, несмотря на это, Оскар действительно постарался, и Мунте не мог поверить, что кто-то хочет править таким печальным местом.

А теперь с Оскаром что-то случилось...

Мунте подошёл к женщине и встал на колени рядом с ней. Он отметил, что, вращая руками в воздухе, она будто что-то формирует. Она говорила не с собой, а с детьми, которых подле неё не было.

— Мы строим замок из песка с моими детишками, — сказала она, прежде чем Мунте открыл рот, чтобы что-то сказать. — Но башни не получаются. Может, ты нам поможешь? Дети, улыбнитесь приветливо дяде.

— С тобой всё хорошо? — спросил Мунте, а женщина тут же разрыдалась. — Где твои дети? Что происходит?

Женщина не ответила, только громче разрыдалась, потому врач принял решение сначала помочь ей, а только потом узнать подробности этого странного происшествя. Поднял аккуратно женщину и, поддерживая её, повёл к Гудрун. По пути подошёл к охраннику и

попросил его отрядить кого-нибудь на поиски детей женщины, потому что, может быть, с ними что-то стряслось.

В больнице он застал грустную картину. Многие люди заболели гриппом, что было тревожно на столь ограниченной территории. Передал Гудрун больную, сообщив ей, что она делала и говорила. В то же время в больницу прибыл гонец от охранника и сказал, что детей женщины нашли в одном из тёмных туннелей, где они заблудились, ища больницу, чтобы послать за помощью для матери, которая начала себя странно вести.

— Их... били, понимаете... — начал охранник, но не закончил, потому что услышал крик о помощи.

Общими силами оттащили от Гудрун женщину, которая попыталась выцарапать доктору глаза. Мунте хотел проверить, цела ли Гудрун, но та мягко оттолкнула его и дрожащим голосом отдала распоряжение, чтобы больную закрыли в изоляторе.

3

Сольна-сентрум, называемая местными жителями Огненной станцией из-за красного цвета стен или Эдемом из-за рисунков с экологическим посылом, была одной из самых богатых станций в метро, если не самая богатая. На её статус работали в равной степени и люди, и судьба.

Когда пыль на руинах города несколько осела, первые смельчаки в самодельных, собранных на скорую руку костюмах стали выбираться на поверхность и приносить всё больше вещей, найденных в близлежащих магазинах и домах — как правило, еду, топливо, оружие, настоящие сокровища нового мира. На станции появился склад газоразрядных и люминесцентных ламп, мешков с семенами и торфом, различных питательных сред, пакетиков с семенами, питательных веществ. Самое главное, нашлись люди, которые умели ими пользоваться.

Благодаря множеству рук и великому самопожертвованию жители станции отвели часть станции под выращивание трав и овощей при искусственном освещении. Да, подземные плоды отличались от тех, что росли на поверхности, но для людей из метро они казались столь же ценными, как вода в пустыне или библейская манна небесная.

Сольна-сентрум была, возможно, единственной станцией, где в начале устройства жизни под землёй люди не мучились от цинги, куриной слепоты и других заболеваний, связанных с отсутствием витаминов.

Из года в год расширялась площадь фермы; урожайность становилась больше и лучше. Излишки, что не пошли на потребление и не были рассчитаны на получение из них семян и саженцев, складировались и продавались или шли на обмен с другими станциями на оружие, боеприпасы, топливо. Начали производить растительные химикаты и лекарства, разводить крыс — в основном на экспорт — кур, кроликов, начали выращивать лекарственные грибы, гнать дистиллированный алкоголь. Экзотические продукты питания, такие, как свинина, хлеб, табак, импортировали.

На станцию тянулись люди, и вскоре она столкнулась с проблемой перенаселения. Власти отреагировали быстро и решительно — закрыли границы для пришлых, строго контролировали рождаемость, ужесточили наказания для преступников, которых чаще изгоняли, чем сажали в тюрьму, расположенную в одном из слепых туннелей.

С каждым месяцем увеличивалась доля экспортируемого топлива и, следовательно, можно было осветить большую часть станции. Ныне трудно найти место в Эдеме, погружённое во тьму, а один из кандидатов партии обещал освещение даже во всех окрестных туннелях.

Люди быстро научились заботиться в основном о себе и близких — детях, супругах, родителях, друзьях, соседях. Благодаря этому практически каждый честный житель станции, кто не пытался косить от работы, даже если был старым, слабым, больным, жил в достатке, а на станции царил взаимопомощь. Настоящий Эдем.

Изоляция имела, однако, свои недостатки, и можно было предположить, что настанет мрачный час, когда за отчаянно просивших о помощи беженцев, кому не дали попасть на станцию, и беременных женщин, которых заставляли прыгать с платформы на рельсы, чтобы устроить выкидыш, в конце концов, придётся заплатить.

Мунте не верил в судьбу и считал, что, в сущности, не было иного выбора, чтобы сделать всё ради выживания. Но знал, что не существует идеальной системы, и минусы их строя в конце концов приведут к какому-нибудь неожиданному происшествию. Вроде чумы, когда они не смогут рассчитывать на чью-либо помощь.

— Рано или поздно они скорее сожгут нас живьём, чем дадут распространиться заразе. Не рискнут они, — сказал он Гудрун, когда они стояли в морге, глядя на тело.

Оскар, наконец, прекратил попытки разбить себе голову о стену туннеля, и где-то в глубине одного из тёмных туннелей вскрыл себе череп ножом для свежевания животных.

4

— Больные жалуются на галлюцинации, — сказала Гудрун, когда Мунте сел напротив неё в её маленьком, уютном кабинете. — День ото дня число инфицированных растёт, но я не знаю, как передаётся болезнь. Здесь точно необходим карантин и дополнительные исследования, но как мы можем их провести?

— А дополнительные меры предосторожности?

— Все жители станции получили маски, на собрании призвали соблюдать полную осторожность. Не касаться каких-либо подозрительных предметов, тщательно промывать раны, избегать контакта со слюной и кровью других людей. Боюсь, однако, что уже слишком поздно. О, Мунте, я боюсь, что это начало конца.

Мунте хотел возразить, но не смог. Он знал, что означает эпидемия и как трудно с ней бороться на такой маленькой территории при таких скудных средствах. За несколько дней до этого Гудрун велела купить на других станциях все возможные лекарства от лихорадки, кашля, головной боли — тогда ещё все думали, что имеют дело с гриппом.

А потом очнулась девочка, та самая, что убила всю свою семью. Однажды просто открыла глаза и начала рассказывать Гудрун, что станцию атаковали гармы, герои одной из самых популярных в метро легенд, огромные псы, что охраняли Хельхейм, царство мёртвых, и утягивали туда ничего не подозревающих путников.

— Знаешь, что она мне сказала? — спросила Гудрун, и пересказала её историю Мунте. — «Гармы атаковали нас. К счастью, у меня был при себе яд и нож». Она мне так сказала. А потом снова потеряла сознание. Боже, она убила всю свою семью, думая, что они монстры, желающие причинить ей боль...

Вскоре после этого девочка умерла от высокой температуры, а пациенты, которым ранее Гудрун прописала лекарства от гриппа, впали в ступор, а потом резко посинели и потеряли сознание. Сегодня Мунте узнал, что до этого они жаловались на галлюцинации и проявляли повышенную агрессию, и содрогнулся от мысли, что это может значить.

— Думаешь, у Оскара тоже были галлюцинации, поэтому он убил себя? Он не казался похож на больного, но я не особо его рассматривал.

— Он был болен. Его коллеги сказали, что он боролся с простудой. Наверное, у него были галлюцинации. Как и у той женщины, что строила замок из песка. Знаешь, она вчера опять набросилась на меня, когда я хотела дать ей лекарства. Никлас с трудом оттащил эту фурию от меня. Не знаю, как это всё связано, я теряюсь в догадках. В меде меня не учили таким случаям. Хотя симптомы схожи, у каждого больного есть что-то своё. Словно болезнь приспосабливается под конкретного человека... Чушь несусу.

— Может, мы имеем дело с различными заболеваниями, и нет никакой эпидемии? Те с галлюцинациями могли просто заболеть гриппом и одновременно чем-то ещё. Не будем спешить с выводами. Пока у нас достаточно случаев заболевания гриппом, и этим мы должны заняться в первую очередь. Галлюцинации — работа психиатров, а не наша.

— Ты ошибаешься, потому что галлюцинации могут быть вызваны болезнью. Но ты прав насчёт этого явления. Мы должны смотреть на вещи трезво...

Гудрун не успела закончить предложение, потому что в зал вошли двое помощников и принесли на носилках женщину без сознания. Мунте подошёл к ней и отметил, что это приятная старушка, кажется, её звали Цилла, что разговаривала с ним каждое утро, когда он шёл на работу и проходил мимо её палатки. Она оголодала, из-под рукавов блузки торчали тонкие руки, щёки впали, выпирали кости.

— Что с ней случилось?

— Её заметила пара подростков в одном из туннелей. Пытались ей помочь, но она бросилась на них, крича, что они не заберут у неё мужа, что это была не кража, потому что останки принадлежат ей, что он больше не труп. Полный бред. Её муж мёртв уже несколько лет. Когда мы прибыли на указанное детьми место, Цилла была уже без сознания.

Мунте посмотрел на Гудрун и заметил в её глазах ужас. Оба прекрасно знали, что это значило, однако, должны были делать хорошую мину при плохой игре, чтобы ничем себя не выдать. Такой была их роль — они единственные знали мрачную правду среди людей, ни о чём не догадывавшихся.

5

— У меня уже нет сомнений в том, что мы имели дело не с несколькими заболеваниями, а с одним. Болезнь вызывает вирус. Начинается невинно. Насморк, кашель, температура; то, что мы принимали за грипп. В это время происходит репликация, и вирус распространяется по всему организму. Тогда начинается следующий этап болезни: галлюцинации и повышенная агрессия, которая находит выход только в убийстве. Конечно, есть незначительные отклонения от нормы, но в целом это выглядит так. В конце концов, вирус разрушает весь организм настолько, что это приводит к потере сознания и впадению в кому, пока, наконец, не наступит смерть. Разумеется, это на основании неполного исследования, но... Болезнь длится несколько дней в зависимости от генетических особенностей пациента. Пока что неизлечима.

Мунте всё ещё слышал в голове слова Гудрун, снова и снова, без конца, хотя отчаянно хотел забыть о них, стереть их из памяти, сделать так, чтобы их никогда не произносили. Особенно последнюю фразу, не оставлявшую никакой надежды — жуткое пророчество.

Ночью его разбудил страшный кашель жены. Анника утверждала, что с ней всё в порядке, что это обычная простуда, лёгкий насморк, который быстро пройдёт, но Мунте, зная подробности того, что происходило в метро, не мог отмахнуться. Утром, когда он собирался с женой к врачу, с температурой слёг их сын Феликс.

Оба в конечном счёте оказались у Гудрун, и ей нечего было сказать ободряющего. Научилась уже распознавать болезненные изменения в крови и была уверена, что вирус напал на его семью. Поначалу доктор избегала ответа, но в её глазах он увидел всё.

Болезнь неизлечима. И, вероятно, им никогда не удастся найти от неё лекарство. Ни в метро, ни там, где умирает всякая надежда.

«Оставь надежду, всяк отсюда выходящий...» На одной из станций кто-то на двери, ведущей на поверхность, написал именно такую фразу. Переделанная цитата из поэмы на все времена встретила всеобщее одобрение, потому что не сыскать слова, лучше всего отражающего, что должен чувствовать человек, выходящий на поверхность в поисках лучшей жизни для себя, своих близких и других жителей станции.

Хотя жители Сольны-сентрума нашли когда-то на поверхности сокровища, что позволили им обогатиться и стать одной из самых важных станций, Мунте никогда не думал о них, как о счастливых — скорее, как о героях и мучениках. Многие из них нашли смерть на поверхности или вскоре после возвращения, фактически даря станции надежду на лучшую жизнь.

Мунте сел в угол и прислонился спиной к холодной стене. Закрыв глаза, вдохнул глубоко. Вот бы попасть на ту забытую станцию, попытаться каким-то образом открыть врата

в ад и выйти прямо посреди ядерной зимы, огненного пожара или чего-то ещё, что бы ни происходило на улице после катастрофы. Искушение забыть обо всём было трудно пересилить.

Тем более, что недавно, когда Гудрун описала ему симптомы болезни, что-то ужасное засело в его голове и не хотело уходить. Он начал что-то подозревать, но отчаянно оттолкнул от себя это ощущение. «Не стоит морочить этим себе голову».

Он решил, что выйдет на улицу только тогда, когда не будет уже никого в метро, кто принял бы на себя его судьбу. Он не мог честно признаться, что сделает это только после смерти Анники и Феликса.

А когда его семья умрёт, один способный художник выполнит два немых, бесцветных портрета, которые будут прикреплены к урне — сделанной из какой-нибудь красиво окрашенной коробки — и похоронены на кладбище, расположенном в одном из слепых туннелей. В центре урны официально будет находиться прах умерших, но Мунте прекрасно знал, что в метро нет крематория. За прах выдавали обычный серый порошок, а тела, наверное, выносили на поверхность... На поверхность, куда он хотел уйти.

Ему стало стыдно, что думает о смерти, когда его семья борется за жизнь. Победил отчаянное стремление к радиации и всему, что она с собой несёт. Он встал и решил вернуться в больницу, помочь родным пережить миг, когда они узнают, что больны не обычным гриппом.

А потом всё станет возможно.

Вошёл в больницу и услышал тихие рыдания, доносящиеся из одной из палат. Он пошёл туда, мысленно готовясь поддержать кого-то из больных. Оказалось, плакала Гудрун, которая сразу же попыталась оправдать это стрессом, усталостью, заботой о больных. Мунте не дал себя обмануть. Слишком много отчаяния звучало в её плаче, слишком много хрипоты в голосе, слишком много румянца на лице.

— Ты больна, — прошептал он ошарашенно, тяжело опускаясь на стул.

— Ещё неизвестно, — ответила она грустно.

Мунте знал, что она лжёт, но промолчал.

— Мунте, пообещай мне кое-что. Если замечу у себя галлюцинации — сразу же прикрепи меня ремнями к кровати. — Она указала на стоящую в углу больничную койку с двумя самодельными ляжками. — Я смогу двигать руками и буду работать без усталости, но позаботься, чтобы я никому не причинила вреда.

— Может, лучше запереть тебя в каком-то помещении, — предложил Мунте. Мысль о Гудрун, прикреплённой ремнями к кровати, как пациент психиатрической больницы, вызвала в нём отвращение.

— Там я не смогу работать, а я должна, понимаешь? Обещай мне, что сделаешь это, если я не смогу. Обещай.

Мунте кивнул и подтвердил обещание, а Гудрун снова разрыдалась. Её рыдания были одним из самых ужасных звуков, какие он когда-либо слышал. Успокаивал женщину, а в голове гремела только одна мысль: если врач болеет, уже нет никакой надежды.

Окончательный крах произошёл несколько дней спустя, когда Мунте пришлось выполнить своё обещание.

6

Аника умерла на следующий день после того, как Мунте привязал ремнями Гудрун, незадолго до полуночи. Мунте в миг её смерти держал жену за руку, чувствуя тягостное осознание, что мало что может сделать. Аника лежала на матрасе в углу зала, бледная и в поту, но спокойная. Руки сложены на груди, дыхание затруднено, веки прикрыты. Она просто уснула.

Когда она испустила последний вздох, Мунте впал в ярость. Он вбежал в один из тёмных туннелей, спотыкаясь о шпалы, мало что видя сквозь слёзы, и стал бросать всё, что

попало под руки. От стен отлетали галька, куски штукатурки, металлические фрагменты рельсов, остатки предвыборных плакатов, разорванные и уничтоженные, лежали там, где когда-то ездили поезда, полные людей. Мунте выл и плакал, настолько жутко, что боялся, что может стать героем очередной легенды метро.

Когда наступил вечер, Мунте успокоился. Он вернулся в больницу, потому что чувствовал, что должен это сделать. Он подошёл к телу жены, прикрытому испачканной простынёй. Аккуратно отодвинул покрывало так, чтобы не увидеть самое дорогое в его жизни лица. Он чувствовал, что это может быть профанация, богохульство, что он нарушает табу, но ничего не мог с собой поделать. Много раз в последние дни он задавал себе мучивший его вопрос, и теперь он должен был найти ответ.

Обнажил руку жены, посмотрел на её ногти. Их особый цвет, побочный эффект, от которого невозможно было избавиться, сказал ему всё. Он упал на колени, прижался к холодному телу жены и разрыдался, ища у неё утешения, которого не мог найти. Утонул в воспоминаниях.

...За несколько лет до катастрофы. Мунте входит в чрезвычайно слаженный коллектив, занимающийся мутациями вирусов. В кабинет входит начальник. Заказ от таинственной женщины, сверхважный, совершенно секретный, хорошо оплачивается.

— Почему именно в нашей стране?

— Кто будет это ждать?

В зал входит вирусолог, иностранец. Теперь станет частью команды, занимающейся работой над заказом.

— ...мы обнаружили вирус, эндемичный для племени с определённых островов в Тихом океане. Он вызывает безобидные галлюцинации. Нужно сделать так, чтобы они стали совсем другими...

Кто-нибудь хочет уйти? Никто не отвечает утвердительно, хотя никто громко не заявляет, что хочет заниматься этой задачей. Мунте хочет отказаться, но слышит звон в ушах.

Годы изнурительного труда, тяжёлых испытаний, лишений. Анника и Феликс чувствуют себя отодвинутыми на второй план. Но есть ещё она, Розмари, любимая доченька, которую медленно к себе забирала смерть. Моральная дилемма: можно или нельзя так себя вести? Стресс, недоедание, слёзы, чудовищные угрызения совести.

Неравная борьба со смертельной болезнью, которую без денег не остановить.

— ...нужно сделать так, чтобы галлюцинации влияли на поведение людей. Увеличить их агрессию после заражения. Сделать так, что они будут братья за оружие. Должна легко передаваться, но только на близкие расстояния.

Семья его не понимала, но это не имело значения, главное — спасти дочь. Дать ей шанс на жизнь. Тяжёлая работа становится всё тяжелее, часто до потери сил. Много-много неудачных попыток. Тесты на животных — недостаточная агрессия. Наконец шаг вперёд! Вирус готов, но вскоре оказывается, что он не работает на людях.

Гнев, боль, бессонные ночи, скорбь, разочарование.

— В конце концов, заражённые впадают в кому или умирают.

— Почему?

— Чтобы не были больше опасны.

Аника решает уехать. Забирает сына и переезжает к маме. После уговоров мужа она возвращается, но ставит ультиматум. Мунте пытается восстановить отношения, но он по-прежнему должен лгать о работе. Состояние Розмари ухудшается, времени становится всё меньше и меньше. Анника сидит целыми днями возле дочери, плачет от бессилия.

— И вообще, тебя при ней нет.

— Я работаю. Только я могу заработать на её лечение, дать ей шанс, понимаешь?

— А если не удастся её вылечить? Упустишь шанс побыть с ней ещё.

— Нет! Немного осталось. Я принесу деньги на лечение, и мы вместе вылечим её.

Дальнейшим исследованиям по-прежнему нет конца. Мунте не помнит, как его зовут, кто он, зачем это вообще делать. У команды никаких объяснений. Но все знают, всё время знают, что они делают что-то плохое. И, несмотря на это, работают. У Мунте в голове только образ здоровой дочери.

Вирус всё ещё не закончен. Если вызывает агрессивное поведение — не убивает. Если убивает — это не галлюцинации. Если подходит — не работает на людях. Всё ещё чего-то не хватает, по-прежнему слишком мало проб, тестов, объектов для исследований. Заказчица грозит, что обратится к другим. Мунте света белого не видит. Когда хочет заснуть, перед глазами возникают мёртвые люди. Только благодаря алкоголю ему удаётся на время забыть.

— Зачем это всё?

— Биологическое оружие. Оставляем это чудо у казармы или где-нибудь ещё. Солдаты бьют друг друга, оставшиеся в живых умирают или впадают в кому. Идеальное оружие.

Пророчество Анники сбывается. Однажды в ясную ночь Розмари умирает. Мунте не знает, что делать теперь, когда дочь умерла. Может быть, испытать что-то под микроскопом, может, сознательно заразить объект исследования.

Что-то в нём умирает. Он хочет отступить. Не успевает. Начинается война, потом ядерные удары. Бежит к метро с женой и сыном так быстро, как только может.

Радиация заканчивает начатое...

Холодное тело жены не принесло ему успокоения, как не принесло его холодное тело дочери, когда ему сообщили, что Розмари умерла. В каком-то смысле он знал, что его мир рухнул именно тогда. Не в час первого ядерного удара, а когда он посмотрел в пустые глаза Анники и увидел в них немой укор. Себе он тоже никогда не простил, что не был возле дочери, когда она уходила.

Разве Бог может быть настолько жестоким? Ведь Мунте старался. Он работал до упаду, как Сизиф, но каждый раз камень скатывался и отнимал у него веру. Как забрал его дочь. И ничто уже не выглядело, как прежде.

А радиация, та ужасная радиация, что лишила людей мира, изменила не только растения и животных, но и вирус, что попал в метро и посеял разруху. Если она изменила его именно так, как того хотела заказчица, для станции нет никакой надежды. Быть может, её нет и для всего метро.

Интересно, а эта женщина была бы довольна эффектом? Ну и кому теперь платить деньги, которые должны были спасти Розмари?

7

«Оставь надежду, всяк отсюда выходящий».

Он был на месте. Он даже не помнил, как сюда попал, куда шёл, где нужно было повернуть, сколько станций миновал. Ему было всё равно. Каждое встреченное лицо вновь пробуждало угрызения совести. Каждый след, указывающий на то, что когда-то здесь жили люди, а сейчас остались только руины, был ударом в сердце. Тело жены, одного из самых дорогих ему людей, бросили как попало в угол платформы. Сын умирает в одиночестве. Гудрун плачет в неволе. Та же Гудрун, которая в конечном счёте заставила закрыть изолятор на ключ, чтобы люди могли там умереть в покое.

Он покинул станцию Сольна-центрум. Он не помнил, что говорил пограничникам. Вероятно, показал им своё удостоверение, сказал, что идёт за лекарствами, что угодно. Слухи об эпидемии на станции Эдем ещё не разошлись по метро. Мунте считал, что это большая несправедливость, что, минуя станции, разносит, быть может, вирус, но ничего не мог с этим поделать. Не хотел.

«Оставь надежду... А может наверху её обретёшь? Может, это всё только временно и пройдёт, когда в лёгкие попадёт первый глоток облучённого воздуха? Надо выяснить».

Он как раз думал, что нужно сделать, чтобы открыть ворота и выйти на поверхность, когда услышал за собой шаги. Не обратил на них внимания, мысли унеслись мечтами о том, что впервые за много лет снова увидит небо, деревья, коснётся земли, пусть и сильно облучённой, пусть небо заволочло облаками, а мир погружён во мглу. За шагами последовали слова, что растопили его замёрзшее сердце.

— Папа! Пап, не делай этого!

Он повернулся и обнял сына. Прижал его крепко к себе, почувствовал, как тот дрожит, слёзы скатились по его щекам, и он знал, что его ребёнок тоже плачет. В плаче том было всё. Радость обретения. Облегчение, что сын успел, пока отец не вышел на поверхность. Тоска по матери, которой не удалось спастись.

Феликс тоже, в конце концов, испугается одиночества. Не исключено, что уже испугался. Но они были вместе, нашли друг друга, и не придётся больше ничего бояться. Вместе переживут всё.

— Как ты выбрался из изолятора?

— Я взял у Гудрун ключи. Пап, пойдём уже, пойдём отсюда. Давай просто сядем в вагон и уедем далеко-далеко за пределы Эдема.

— Да. Так и поступим.

Встали у путей и спокойно принялись ждать, как из туннеля послышится знакомый стук колёс, и на станцию медленно вкатится огромная металлическая клетка поезда, который отвезёт их, куда они захотят.

Вскоре они услышали заветный стук, а в туннеле засветились лампы. Поезд медленно въехал на станцию и остановился, двери открылись.

Здесь и далее перевод с польского: Л. Добкач

ДАГМАРА АДВЕНТОВСКАЯ ОТКРОЙ ГЛАЗА

Смерть приходит из реки, говорили. И были правы.

На набережной Одры, названной на старых картах в честь Выспяньского, о ком можно сказать разве что то, что он сочинял стихи и давно мёртв, покоясь в припорошенной пеплом землёй трёх анклавов. Много, скажете вы. Может, и много, но и немало было здесь гражданских немецких бункеров, о которых все знали и куда бросились толпой, когда над Вроцлавом прогремело и вспыхнуло. К 2033 году осталось только наше убежище. Зарылись глубоко, заняли дождевые каналы и массивными заслонками отделили себя от Одры. Мы выжили, когда река на большой волне принесла смерть. Уровень воды резко поднялся, наши гермодвери протекли, но выдержали. Затопило только нижние уровни. Анклав Учёных затопило целиком. Когда вода спала, наши сталкеры спустились вниз и рассказали потом, что двери у Учёных не были уничтожены. Они стояли нараспашку. Что-то там, видно, перемкнуло в их светлых головушках. Наверное, хотели направить стихию в один из боковых каналов, вместо того, чтобы стиснуть зубы и переждать наводнение. Переборщили, и их накрыло. Я пытался это понять, но только одно было бесспорным. Иногда, регулярно, как выборы главы или необходимость опорожнять кишечник, с реки приходила большая вода, мгновенно заливала подземные переходы, туннели и каналы, а вместе с ней текла смерть. Всегда нашему анклаву везло, что не к нам течёт, что стихия находит выход где-нибудь в другом месте, обходит стороной. Надежда выжить не покидает человека до последнего вздоха. Надежда — мать дураков...

В Одре живут монстры, говорили. А я не верил, глупый. Тогда.

Раньше думал, что это сказки-небылицы сборщиков, чтобы пугать детей. Потом я вышел на поверхность и увидел порождений радиации своими глазами.

В устье Олавы на гудах кирпича в тёплые дни возлежали панцирники. На головах с обеих сторон отмечены красные пятна, а когтистые лапы могут спрятаться в овальных, покрытых наростами раковинах, что не берёт никакое оружие. Крупнейшие достигают в длину четырёх метров. Питаются мясом.

Из Старой Одры приплывали бобролюди с двойными веками, гигантскими жёлтыми зубами и руками с пальцами, соединёнными перепонками, но с отдельным большим пальцем, как у человека. Отличали их почти человеческое упрямство в рытье глубоких тоннелей на набережных и страсть созидания. В выкопанных норах создавали убежища и жили там прямо по-человечески, а строили, в основном, плотины на реке, потому затапливало нас сильнее и чаще. Мы ломали их конструкции, а норы заливали бензином и поджигали. Когда твари пылали, как факелы, они плакали почти человеческим голосом. Ох уж эти бобролюди... Каждый, кто не видел, что делают с пойманными настоящими людьми, мог ненадолго всхлипнуть.

На мелководье и в синих прибрежных болотах с острыми, как мачете, листьями бродили шагоходы, поднимая сегментированные брюшки и маленькие головы на шести тщедушных ножках, смотря в мутную воду чёрными бисеринками глаз, не обращая ни на что внимания. Пока что-нибудь не совалось к ним поближе. Сталкеры, что перебирались через мост на другой берег, где простиралась территория бывшего зоопарка, рассказывали ещё более странные и леденящие кровь истории. О больших стадах белоснежных пингвинов, гротескно покачивающихся в бесконечном шествии между обгоревшими стволами деревьев, о гладкошёрстных большекрылых скатах, падающих с неба и колющих ядовитым шипом, расположенным на конце хвоста, одичавшем рогатом скоте с безумными глазами и телами, ошестившимися рогами, хрустящих на бегу, точно армия скелетов. Этим я никогда не видел собственными глазами, но знал, что это не отрицает их существование. Просто я не был чрезмерно любопытным, пока держался за свой край. Другие охраняют мост, чтобы твари не попали на нашу сторону. Мне довольно и наших местных мутантов, обитающих в реке и иногда вылезающих на кормёжку.

Не открывайте глаза под водой. Так всегда говорил мне Дайвер. А я слушал, как слепой сопливый дурак. Впрочем, это звучало логично и разумно. Вода в затопленных туннелях иногда была непроглядно-чёрная, с радужными масляными пятнами, кое-где ещё и мутная и вонючая, а, бывало, даже светилась переменчиво и задорно. Независимо от цвета все должны понимать, что в ней плавают какие-то гады, и хуже всего те, что невидимы, типа бактерий и всякой химии. Иногда после вынужденной грязевой ванны меня покрывали прыщи или лишайники, подобные тем, что растут на развалинах домов, а в паху открывались гнойные раны. Глаза были в сто раз более чувствительные, чем кожа. И в тысячу раз ценнее. Я слушался Дайвера. Когда я работал под водой при заслонках и в затопленных каналах, я делал всё на ощупь. Сжимал крепко веки, защищая глаза, и мечтал о герметичной маске. Я делал именно так, как он велел, потому что кто бы мог быть лучше в этом деле, чем он? В его анклав на Щитницком острове, прежде чем их вырезали бобролюди, все занимались подводной работой. Дайвер единственный остался в живых — теперь он последний настоящим дайвер. Имел своё снаряжение, баллоны и костюм, и знал, как их использовать. Мы приняли его с распростёртыми объятиями — у нас на пальцах одной руки можно было пересчитать таких, кто хоть как-то умел плавать. Я был одним из них и был в команде, что, помимо других обязанностей, следила за переборками и безопасностью в затопленных туннелях. Я достиг совершенства в работе в крошечной темноте, с закрытыми глазами. Иногда мне даже казалось, что в тёмной, холодной глубине мне незачем зрение, что при каждом спуске под воду у меня обостряются совсем другие чувства. Я по-настоящему в это верил. Так мне казалось, глупому сопляку. Восемнадцать лет, а я был слеп, как новорождённый крысёнок. Все мы такие были. Когда-то.

Если рассчитываете на какие-то хорошие новости, это не ваш день. Меня зовут Эрвин, но вы можете звать меня Плотвой. Или зовите, как хотите. В любом случае — послушайте историю.

Я был горд, когда Дайвер выбрал меня и ещё двух ребят из одиннадцати, которые вызвались работать в затопленных каналах и обслуживать заслонки. А заметил меня, когда Рогатый, наш лидер, не хотел соглашаться, но Дайвер встал на мою сторону.

— Он ещё молод. Худой и слабый на руки, — вождь, как обычно, говорил коротко, по существу и не выбирал слова.

За это его ценили. А, впрочем, где он слукавил? Я сопляк, ростом не вышел, тот ещё хлюпик. Сам Рогатый высотой под два метра, широкоплеч и всегда полон энергии. От радиации он получил заболевания кожи, жёсткие наросты на лбу, напоминающие рога. Ценил в себе силы, а во мне... ну, во мне её не нашёл, хотя не могу сказать, что не пытался.

— Он молод, но умён, — ответил Дайвер, спокойно отстаивая своё решение. — Умеет плавать, и у него умелые руки. Для подводной работы не нужно сильных, босс. Нужен кто-то, кто может решить проблемы и не утонет при этом, как последний растяпа.

Он знал, куда бить. Рогатый плавать не умел... Вождь покачал головой и почесал шелушащееся образование над правым виском.

— Ладно. Попытка не пытка. И под твою ответственность, — предупредил он.

Дайвер улыбнулся мне, обнажив почерневшие от жевательных грибов, растущих в некоторых каналах, зубы. Я улыбнулся в ответ и пошёл за удаляющимся по коридору гигантским силуэтом, уверенный, что я самый счастливый ребёнок на свете.

Через два года ничто не пошатнуло моё убеждение. Мудрости Дайвера впитывал на лету и работал без ропота, как он велел. В конце концов, как часто можно практиковаться у истинного профессионала? Только в сухих каналах Дайвер производил впечатление медленного, неуклюжего толстячка, идущего качающейся походкой и сопящего тяжело, закатывая маленькие глазки, словно демонстрируя, насколько чудовищные усилия прикладывает, чтобы перемещать своё тело с места на место. В воде же он вдруг становился быстрый и ловкий. Я хотел быть таким, как он... конечно, не имея в виду круглого живота; оплывшего, уродливого рта, окаймлённого хилой бородкой; изрезанных красными шрамами ладоней. Я мечтал о его плавательных навыках, знаниях о воде; уважении, какое ему оказывают, и свободы, с какой он ведёт себя на переговорах с Рогатым и женщинами. Всё это я мог почерпнуть только от него.

Он практически заменил мне отца, с кем у меня не было возможности познакомиться. Во всём его слушался и обо всём ему рассказывал, даже о Дымке, дочери учителя анклава, светловолосой, стройной девушке, настолько молчаливой, что некоторые считали её немой. Я же считал, что её красные глаза очаровательны, и надеялся, что, когда Рогатый сочтёт, что из меня вышел хороший дайвер, я смогу взять её в жёны. Коснуться её щеки, её тонкой и светлой кожи, под которой почти мог увидеть синие линии жил.

— Она улыбнулась мне вчера, когда я нёс её отцу ящик, что выловили в боковом канале у главной заслонки, — похвалился Дайверу, возвращаясь с ежедневной разведки туннеля, ведущего к реке.

Толстяк сидел на помосте, качал массивными ногами над водой и постанывал сквозь чёрные зубы.

— Щипнул её за задницу? — тут же поинтересовался.

— Нет, нет, я... — сама идея показалась мне наглой и грубой.

Дайвер пожал мощными плечами.

— Нужно щипнуть. Как иначе она поймёт, что ты по ней сохнешь?

— Я скажу ей... — проямлил я, а мой мастер вытаращил маленькие глазки и расхохотался. Я сменил тему на менее скользкую. — Слушай, Дайвер... Когда я нашёл этот ящик с инструментами, мне казалось, что я что-то чувствую. А сегодня я был в этом уверен.

— В чём?

— Там, в боковом канале, я почувствовал движение воды.

— Там был сток, уровень поднялся, — лениво резюмировал Дайвер.

— Движение было слабым, и поверхность обширная, едва ли заметишь что-то, — я стоял на своём, но Дайвер махнул рукой.

— Если слабым, нет ни спешки, ни причин для беспокойства. Я пойду, проверю. Но завтра... Сегодня мне не хочется задницу мочить, Плотва. Я предпочитаю залить в себя что-то для дезинфекции. Мы откроем одну многообещающую бутылку, может, даже с поверхности, и я расскажу об одной красотке из анклава Учёных, научившей меня несколькими учёным способам возбуждения. Выйди и вытри рожу, а то снова прыщами покроешься, и никакой Дымки не увидишь. Убежит от тебя с криком.

Наверное, вам кажется, что уже знаете, что было дальше. Мне этого должно было хватить. Но нет. Ведь не для мастерства в плавании он нас выбрал для сотрудничества, не для быстроты, не для знакомства с каналами. Он выбирал послушных и таких, кто смиренно слушал. Я был лучшим из его учеников.

Я вышел из воды, вытер лицо и пошёл с Дайвером в наше заведение, бокс из гофрированного металла и мутного оргстекла. Я осушил бутылку и, краснея, слушал о выкрутасах Дайвера с Учёной.

* * *

Седовласый сталкер велел называть его Геральтом. Он шёл на территорию зоопарка охотиться на летающих скатов. Говорят, из яда их шипов можно получить лекарство от туберкулеза. По крайней мере, так он рассказывал, потягивая самогон, в главном зале нашего анклава, что южные анклавы обменивают шипы скатов на лекарства. Я продал ему крыс на приманку, ловушки, плетённые из стальной проволоки, куртку, сбитый компас и довольно хорошую, хотя и помятую, довоенную газету с фотографиями голых баб. Ужин и провиант в дорогу достались даром в рамках общего гостеприимства. Короче, я дал немало.

Не пожалел. Очки для подводного плавания, полученные за столько добра, не были рядовой фигнёй, развалившейся ещё до взрыва. Надёжные, в хорошем состоянии и плотно прилегающие, что я проверил рано утром, когда провожал Геральта к люку.

Я стоял, погружённый по пояс в канал, ведущий к главной заслонке, отделяющей нас от Одры. Вода зеленовато мерцала. Я радовался, как ребёнок, и собирался поплыть, когда за спиной услышал тяжёлое шарканье Дайвера.

— А ты куда, парень? — спросил он лениво и сморкнулся в воду.

Я постучал в стекло очков.

— Я проверю этот боковой канал перед основными гермоворотами. Тот, о котором я тебе говорил, где чувствую движение. Вода сегодня светится, будет хорошо видно!

— Новая игрушка, чтобы носить на голове... — Дайвер прокомментировал моё приобретение, — а в башке как было пусто, так и осталось.

Он указал пальцем в кол со шкалой, вбитый при спуске в затопленную часть канала.

— Видишь? Или нет? А может, видишь, но не можешь понять? Тут пятьдесят два сантиметра при спуске. А вчера сколько было? Ну, пятьдесят. То есть, перепады допустимые. Не спускайся к воде, когда не нужно, сколько раз повторять? А если ж спустился, то не открывай глаза под водой!

— Они правда герметичны!

Дайвер пренебрежительно махнул жирной рукой.

— Новой игрушкой поиграешь в другой раз. И на свой страх и риск, не мой, ты меня слышишь? Потому что я бы руки не дал на отсечение, что это хрень. А теперь собирайся, мы идем на Щитницкий остров.

— Рядом с бобролюдьми? Рогатый согласился?

— Нет. Признаемся по возвращении. Когда вернёмся с хабаром.

— Разве это безопасно? — я хмыкнул, но вылез из воды. — Дашь руку на отсечение?

— Ни за что, Плотва... Но за то, что у меня спрятано в шлюзе, я могу, ой могу...

Возможно, вы бы хотели услышать о том, как блестяще я усмотрел его ложь, разбил ему морду багром, а потом поплыл в моих новых очках в боковой канал и проверил, откуда берётся сток воды. Как хотелось!

Я рассмеялся, похлопал Дайвера по плечу и пошёл за оборудованием.

* * *

Я вышел на покрытую мелким щебнем бетонную дорожку бункера. Дайвер передо мной сипел сквозь зубы и рассказывал сальные шутки собравшимся в камере. Всем, кто хотел слушать, и всем, кто предпочёл бы тишину. Он был в хорошем настроении, как всегда, когда выходил на поверхность. В душных норах можно только сидеть себе в тесноте, лежать на бабе или под бабой, или воспитывать ребятишек, что из бабы вылезут.

— Там, снаружи, человек дышит полной грудью, — в который раз поделился с остальными сборщиками своей философией.

— Только не дышите, потому что ещё что-то в горло попадёт! — ухмыльнулся Алекс, подняв противогаз и обнажив кривые зубы.

Дайвер сложил испещренные шрамами руки на круглом животе и улыбнулся дружелюбно, как тот толстяк в красном, что до взрыва, вроде, приносил хорошим детям подарки.

— Я читал в газете от 2012 года, что прогулки на свежем воздухе полезны для здоровья, — вмешался Тощий, который перед взрывом три года ходил в школу и считался у нас всесторонне образованным.

Теперь смеялись все, как обычно. Из люка за мной, закрывающего тоннель между немецким бункером и каналами, где мы жили, вышла Дымка, как всегда, тихо и бесшумно. Она вручила мне рюкзак и улыбнулась узкими, бесцветными губами. Я хотел ей что-то сказать, например, что я принесу что-нибудь сверху, специально и только для неё, но из темноты внизу крикнули: «Заткнись!». Дымка схватила за ручку люка и потянула крышку на себя. Не успел.

— Хорош лыбиться! Готовы? — закричал охранник с платформы под чугунным двустворчатый люком. Стихли шутки и смех. Я надел маску и поправил лямки рюкзака. Дребезжание арбалетных болтов отдавало эхом в голове. Дайвер похлопал меня по плечу и поднял большой палец вверх. Первая пара сборщиков уже поднялась по лестнице, когда стражи наверху открыли люк, — тихо, удерживая тяжёлые створки, чтобы грохот не привлёк чужое внимание на поверхности. Два охранника исчезли в светлом прямоугольнике, откуда бесшумно, как шаги Дымки, опускалась вниз мелкая пыль. Наконец сверху раздался голос, которого мы так ждали:

— Чисто!

— Давай, давай, давай!

Один за другим спешили наружу, чтобы не держать люк слишком долго открытым. Когда я вышел на поверхность, один из охранников хлопнул меня по плечу. Я побежал за Дайвером, который, покачиваясь грузно из стороны в сторону и тяжело дыша, как умирающий, гнал наклонившись в сторону домов с оловянно-кирпичными стенами, опутанными ядовитым плющом. Со стен на меня смотрели ряды пустых глазниц окон.

Зашли в один из домов, чтобы присесть в углу, тяжело дыша, под винтовой лестницей. Было тихо. Только где-то на одном из верхних этажей капала вода.

— Ладно, говори, что там у тебя, — произнёс я шёпотом.

— Генератор. И двигатель на катере, — усмехнулся Дайвер, а я ахнул.

— Почему ты раньше не говорил?

— Потому что я знаю Рогатого. Заставил бы пойти и восстановить его, несмотря на потери. У бобролюдей на ужин было бы свежее мясо.

Я стал возражать, мол, как нам справиться, если вооружённые до зубов лучшие солдаты Рогатого боятся мутантов с острова. Дайвер поднял маску вверх и улыбнулся на меня чёрными от грибов зубами:

— Малыш, сегодня бобриков на острове будет мало, и я руку даю на отсечение, что это так. Большинство уплыло вверх по Старой Одре. Это их время для размножения. Я точно знаю. Тех, кто остался, мы уведём от шлюза. Кроме того, до темноты далеко, оставшиеся будут вялыми, глупыми и медлительными. Если навалил в штаны, можешь вернуться. Сам пойду. Но тогда я должен буду выбрать, что притащить — генератор или двигатель... Что бы ты выбрал, Плотва?

Вам, наверное, кажется, что я принял под лестницей какое-то мудрое решение. Например, проницательно заметил, что здесь речи не идёт о выборе двигателя или агрегат, а лишь о том, быть или не быть анклавом. Это была бы отличная история: мелкий, но умный Плотва спасает сотни жизней, вождь Рогатый пожимает мне руку и вешает на шею медаль, сделанную из днища старой банки... Чудесно, чудесно. Я действительно хотел бы получить эту простенькую медаль за заслуги перед анклавом. Так что я решил быть смелым и полезным для сообщества.

— Я пойду с тобой, Дайвер. Мы возьмём и двигатель, и генератор.

* * *

На улице перед зданием шлюза стоял сгоревший остов автобуса. Из отверстий местами тонкого, как бумага, кузова росли тонкие, как паутина, нити разросшейся плесени. Вонь мочи, кислоты и дерьма просачивалась даже сквозь противогаз. Бобрики любят помечать территорию. Дайвер протянул мне свой арбалет, а сам открыл рюкзак. Даже сквозь вонь выделений бобролюдей, через фильтры противогаза, я почувствовал запах свежего мяса. Скорее всего, не крыса. Это был солидных размеров кусман ещё истекающего кровью сырого мяса. Слюна заполнила рот, и я не успевал её глотать.

— Откуда у тебя?.. — прошептал я, но Дайвер лишь прижал палец к губам. Из бокового кармана достал заводные часы, слегка повернул колёсико и положил их рядом с мясом.

— Шевелись, Плотва, — скомандовал Дайвер, схватился за арбалет и, согнувшись пополам, умчался прятаться среди руин. Я побежал за ним. Через какое-то время оба лежали за обвалившейся на улицу стеной здания, в осколках плитки и частично расплавленном стекле. Тик-так, тик-так, тикал таймер, и в полной тишине мёртвого города это был единственный громкий звук.

— Мог бы отравить сукина сына и забрать свою долю, — подсказал шёпотом, но Дайвер решительным жестом приказал молчать. Тик-так, тик-так...

Из-за здания шлюза вышел боброchel. Толстое, покрытое редкой щетиной тело покачивалось на четырёх массивных коротких лапах, за ним волочился длинный, голый хвост. На четвереньках он доходил мне до груди, бесспорно. Вытаращил маленькие глазки, скрытые в складках жира и наострил маленькие ушки, похожие на шляпки грибов, покрывающих некоторые каналы. Сопел и фыркал влажными ноздрями, дрожа тупым окончанием головы. Тик-так... дз-з-з-з-зынь, заверещал таймер Дайвера за автобусом, и боброchel бросился наутёк. Вскоре снова высунулся, уже в компании двух себе подобных, но более мелких особей. Улыбался большими жёлтыми зубами. Трое мутантов осторожно обошли ржавые обломки, и, конечно, узрели мясо. Больше им ничего не было нужно. Набросились на кусок с диким визгом. Крупный ударом лапы, напоминающей человеческую, поразил слишком ретивого товарища по уродливой голове. Тот не остался в долгу. Брызгала кровь, сыпались волосы, и ничто не указывало на то, что бобрики скоро разберутся, кому первым кусать неожиданное лакомство.

— Пошли, — прошептал Дайвер.

Мы затаились в развалинах здания так глубоко, как могли. Потом был короткий отрезок, шагов тридцать, на открытом пространстве, что заставил меня съёжиться от страха, уставившись в спину Дайвера, чьё грузное тело облегалась тесная «химза», треща при каждом

шаге. В здании шлюза было тихо, а из-за автобуса по-прежнему долетали звуки ожесточённой борьбы. Дайвер откинул потрёпанную сетку ограждения, чтобы я мог протиснуться, потом я сделал то же самое для него.

— Где мы сейчас? — спросил я.

— Мостик у врат шлюза, на острове.

— Врата ещё распахнуты, — я тут же вспомнил.

— Пошли.

Заметил, да, дыра в плане. Примерно такая широкая, как немалое расстояние между двумя створками ворот. Было, однако, уже слишком поздно.

Окинул разок взглядом берег острова, куда мы должны попасть, и взошёл на мостик. Держался неплохо, как и врата, только шелушащаяся зелёная краска свидетельствовала о том, что ни одна железяка не может храниться без малого двадцать лет. Перила давали надёжную опору. Хотя сама дорожка была в ширину чуть более полуметра, до второй створки было действительно далеко, а в пяти метрах под нами текла Одра. Я трезво оценил свои возможности.

— Не могу... — сказал я тихо и со стыдом, и собирался было развернуться, предложить, чтобы мы попробовали кинуть на другую створку верёвку, как почувствовал удар по коленям. Кто-то чем-то тяжёлым нанёс мне удар, сбил с ног и выкинул, как куклу, за перила.

Если бы я был одним из тех легендарных сталкеров, рассекающих по руинам Вроцлава, порадовал бы вас описанием боя на узком мостике, как в последний момент схватился за перила, те выдержали мой вес, а я схватил нападавшего за воротник и потянул его за собой в бездну под шлюзом, где душил бы его под водой, пока остатки воздуха не вырвались бы у него из лёгких вместе с кровью.

Как я уже говорил, я Эрвин. Плотва. Пролетел над перилами и рухнул вниз.

* * *

Последнее, что я увидел, прежде чем меня поглотила река, это бородатая рожа Дайвера, высунувшаяся над краем ворот шлюза. Когда вода накрыла меня с головой, веки у меня были уже плотно зажаты, как главные двери анклава. Рефлекторное поведение тонущего, но то, что было дальше, соответствовало совету Дайвера, повторявшимся так часто и с таким большим пиететом, что въелся в кровь, слился с инстинктами.

Не открывай глаза под водой. Не открывай, иначе потеряешь их. Зальёшь их ядом и химией, растворённой в воде, их выжрут бактерии, рыбы или личинки насекомых, иногда настолько маленькие, что не увидишь их до тех пор, пока те не начнут кусать, а ты не перестанешь видеть. Мутанты — это не только монстры в три раза больше человека; меняются не только размеры. Так что не открывай глаза под водой, если не хочешь погрузиться в вечную тьму.

Прикосновение реки было холодным, гораздо холоднее, чем в каналах. Маслянистая вода липла к коже. Я падал в бездну камнем, ошеломлённый, напуганный и беспомощный. Преданный.

Меня подхватило слабое течение, проходящее через полуоткрытые ворота шлюза. Отрезвило, дало направление. Увеличило шансы на спасение. С лёгкими, горящими от боли, я загребал воду руками. Лишь бы подальше от шлюза, Дайвера и острова.

Забавно, мои легкие оказались сильнее глаз. Когда сначала ноги, а потом и бедра коснулось что-то теплее реки и желеобразнее, не вынырнул, хотя в груди кончился воздух. Не поднялся на поверхность, зная, что на шлюзе всё ещё стоит Дайвер с арбалетом в расцарапанных руках.

Я открыл глаза. Пекло. Река была мутная, а свинцовое небо не давало слишком много света, но я видел ясно, что рядом со мной скользит полоса темнее, чем в бездне подо мной.

Вода плотнее, желеобразнее и... разумнее, чтобы охотиться. Живая вода, как у нас говорится. В её нутре текли в ловушке наполовину переваренные рыбы. Повёл плечами, выбросил тело вперёд, где маячили очертания камней древнего причала и чего-то ещё.

Голубое свечение. Неужто фонарик?

То, что висело на шести тонких, как тенистник, ногах я увидел слишком поздно. Шагнуло и схватило меня передними ногами, как только я выставил голову над поверхностью. Фасеточные глаза были мертвы, как бусы. Мутант щёлкал широкими, как мужская рука, хелицерами. Я пытался восстановить дыхание, но залитые фильтры блокировали подачу воздуха. То, что светило, — я всегда принимал это за часть тела шагоходов, орган, используемый для приманки рыбы — с близкого расстояния оказалось светящимся бутонем какого-то водяного растения, висящего, как ожерелье, на верёвке, сплетённой из морских водорослей.

Рядом, из реки, показалась живая вода. Она протянула вверх полупрозрачное щупальце, ища жертву со слепым, настырным упорством. Шагоход затрещал беспокойно и перекинул меня за спину. Протащил по камням разрушенного побережья и, наконец, сорвал маску с лица.

Воздух вонял и был полон пыли, но мне было плевать. Я жадно вдыхал первый в жизни глоток мерзкой бурды, что подают у нас в анклав. Раз нет ничего лучше, наслаждайся тем, что дают.

Живая вода оплела две из шести ног шагохода и сжала в тиски. Не заставил себя смотреть. Побежал вдоль берега, продираясь сквозь заросли тенистника. Скользнул в реку и переплыл на другую сторону. Быстро, как можно скорее, прежде чем стемнеет и бобролюди выплывут на кормёжку.

Глаза? Глаза жалило. Я думаю. Не обращал на это внимания. Передо мной был долгий путь. На поверхности каменным мостом на Олаве, потом каналами до Грюнвальдского моста и снова вниз, под старые здания Политехнического университета. Я бежал, хотя знал, что даже если сейчас вырастут крылья от радиации, Дайвер и так вернулся домой до меня.

Как оказалось, не только он.

Первого я увидел на мосту. Он сидел на крыше кабины покрытого ржавчиной грузовика, где находился караульный пост, стерегущий переход на другую сторону — и, скорее, ограждающий нас от мутантов из бывшего зоопарка. С тучного, поросшего редкой щетиной тела стекала вода. Маленькие глазки осматривали руины.

По Звезжинецкому мосту ползли бобролюди. Это были не просто животные, рыщущие в поисках чего-то вкусенького, а чтобы убивать и потрошить. Мутанты шли плотной колонной. Несли какие-то пучки на своих спинах. Меня поразило, как они изменились. Вроде бы напоминали вымахавших водных грызунов, но в разной степени. Некоторые, двигаясь, слегка опирались на передние лапы, другие шли на двух ногах, как люди, держа в руках предметы, похожие на инструменты или оружие. Те, что потеряли мех, прикрыли белую кожу с наростами тряпками. Некоторых можно было принять за противных, но людей... Как Дайвера.

Характерное натяжение арбалета я услышал слишком поздно, чтобы отреагировать иначе, как поднять руки над головой.

— Повернись.

Я повернулся. Он стоял там, в рваной «химзе», облегающей его брюзглое тело, с арбалетом в исполосованных руках. Вроде бы ничего необычного, только младенцы не имеют на теле никаких шрамов. Никому не пришло в голову, что он срезал перепонки между пальцами, чтобы больше походить на человека. Что-то. Что-то, а не человек. Боброchel.

— Плотвичка, жив и здоров, — обнажил он крупные зубы. — Рад тебя видеть.

— Ты хотел меня убить, — ответил я зло, потому чтобы что-то сказать. Я тянул время, осматриваясь и ища выход из тупика.

— Я спас тебе жизнь, парень, — фыркнул он.

— Я скажу Рогатому не пускать тебя в анклав, — вякнул я, как последний придурок.

Дайвер вздохнул и убрал медленно арбалет.

— Нет уже Рогатого.

Я бросился на него с кулаками. Он махнул рукой, как бы между прочим, а у меня от удара потемнело в глазах. Сунул мне в рот вонючую тряпку, связал сзади руки и скрылся между заросшими ядовитым плющом руинами домов. Он приставил меня к полуразрушенной кирпичной стене, но ненадолго, тут же сбил с ног, роняя меня на землю.

— Понимаешь? — спросил Дайвер шипящим шёпотом.

Я кивнул, глотая слезы. За осыпающейся стеной, по изломанному асфальту улицы, между деревьями без крон, колонной шествовали бобролюди и входили через открытый люк бункера, где находился анклав, где я родился. Я не рыпнулся, понимая, в чём дело.

— Они все мертвы. Утонули, когда я открыл створки в боковом канале. Теперь это наша нора. И ничего тут не поделаешь.

Дайвер поднял меня рывком, отчасти повёл, отчасти потащил за собой, не знаю, как долго. Наконец он бросил меня на землю, вынул кляп и перерезал веревки.

— Вали отсюда, малой, — приказал и прицелился в меня из арбалета.

— Почему? — выдохнул я.

Дайвер пожал пухлыми плечами.

— Ты мне всегда нравился, Плотвичка.

— Зачем ты убил всех?! Дымку... Она ничего тебе плохого не сделала! Там были дети! — кричал я, пока эхо не оглушило меня.

На щетинистой роже Дайвера не дрогнул ни один мускул.

— А вы разве заботитесь о наших бабах и детках, когда заливаете норы бензином и поджигаете? — спросил он, к моему удивлению, без гнева и сожаления. — Каждый борется за свою жизнь и кров. Мы тоже. Теперь беги, давай.

В вспотевшей руке я держал камень, пряча его за спиной. Я знаю, что Дайвер этого не видел. Вы хотите услышать, как я булыжником разбил уродливую голову бобролюда до крови, да? Я тоже хотел бы об этом рассказать. По ночам мне снится эта сцена в мельчайших подробностях... Но я повернулся и убежал.

* * *

Это, собственно, всё, что я могу рассказать о гибели моего анклава. Как я сюда добрался, вы, наверное, слушать не захотите, впрочем, это не имеет ничего общего с тем, что я хотел вам сказать. Кроме того, что дорога была длинная, как Фаллос высокий, и я пытался преодолеть её так быстро, как только возможно, чтобы предупредить вас вовремя.

Нет, я не останусь подольше. Не буду претендовать на место среди вас, хотя, признаюсь, уютное у вас убежище. Это железнодорожный вокзал, о котором вы говорили, что он имеет десять уровней в глубину, что немцам хватило сил, чтобы прорыть почти до ада, верно? На самом деле неважно. Но хорошо тут у вас... в общем, берегите, что имеете! Вам кажется, что вы в безопасности, потому что Одра далеко? Ха, как бы не так, слепцы! Был один потоп перед войной, и большая вода дошла сюда. А бобролюди будут размножаться и уходить всё дальше и дальше от реки, в поисках новых мест для нор. Сражаясь с нами за наши убежища.

Это должно было случиться, рано или поздно наружу выйдет новый вид. Наш учитель, пусть ему река светлой будет, говорил, что до войны умные люди исследовали и изучали, и кое-что выяснили. Они были уверены, как мы в раке после многих дней на поверхности.

Всё живое происходит из воды. Так что нечего удивляться, что и на этот раз оно пришло из воды. И какая жизнь...

Отдохну и дальше пойду. Пока хватает сил. Сказать всем. Предупредить, чтобы думали, перед кем открывают люки и «гермы». Потому что, если что-то говорит как человек и выглядит как человек... — больше не значит, что перед вами человек. Хотя, как знать... Дайвер жил в нашем анклаве вместе с нами, ел с нами, работал, смеялся, пил и от женщин

не отказывался. А как выяснилось, что к чему, не колеблясь, всех утопил. Так мерзко и подло, что прямо по-человечески.

Я знаю, что сейчас ловите надежду, как пьяный опору, что там, у люка, Дайвер меня пощадил. И ещё сказал при этом, что жизнь мне подарил из сочувствия. Я знаю, что вы хотите красивую историю о том, что среди этого вида, получившего разум в грязных водах реки Одры, можно найти друга. Такого, кто поможет вопреки всем и всему.

Что ж... От меня этого не услышите. Я открыл глаза и увидел врага. И себя, оглушённого, беспомощного, раненого. Я живу только ради того, чтобы об этом рассказывать.

МАГДАЛЕНА КУЦЕНТЫ ОРЁЛ И РЕШКА

Алексей не любил водку. Учítывая, в какие времена ему приходилось жить, это был страшный грех. Покаялся за него, стал пить часто и много. Тем не менее, Бог и так решил его наказать.

После тяжелой ночи покаяния Алек проснулся рядом со старой, противной бабой. Но не это самое ужасное. Если бы уродина грела постель, ему бы только понравилось, что ничего не помнит. Но в нынешней ситуации он предпочёл бы знать, что произошло. Потому, что лежащая на полу женщина была, несомненно, мертва. С таким разmozжённым черепом даже Иисус после трёх дней имел бы проблемы с воскресением, да и так жизнь ближе к аду.

Алексей знал погибшую, как, наверное, каждый житель Залива. Старая Агата Михайлова вела ломбард на «Поможанке». Конечно, не предоставляла кредитов наличными, так как деньгами разве что растопить печь годились. Клиенты приносили ей драгоценные, с их точки зрения, вещи, а она просто говорила, во сколько она оценивает их, будь то сигареты, банки с тушёной, патроны или что-то ещё. Всегда занижала стоимость в несколько раз, чем хотели владельцы. А поскольку к ней, как правило, приходили люди отчаявшиеся, соглашались на такие гнусные условия.

Алек не был одним из таких несчастных. Отрабатывал свою барщину на танкере, всегда было что в рот положить, в горло залить и на плечи накинуть. Больше ничего не нужно для счастья, и он не собирался договариваться с чёртовой бабой. Он не убивал её, точно. Другие, правда, могут не поверить, когда увидят его в логове Михайловой в луже засохшей крови, с руками багряными, как у мясника. Лучше было бы, лежи он в трюме, в одном из тех, где живёт здешняя паства, — и вместо мучительной головной боли его бы разбудили крики.

Попытался подняться, но дрожащие конечности отказались повиноваться, и мужчина снова упал на землю. Лампы дневного света под потолком зловеще блеснули, и он тяжело вздохнул, скользя нервным взглядом по товарам Михайловой. Вот пакеты, установленные в аккуратный блок, вот пластиковые ящики с бутылками, корзины с банками в перевёрнутом ящике, откуда вывалилось какое-то ценное барахло. Нелегко было признать в помещении бывшее машинное отделение, хотя так гудело под черепом, будто поломанные двигатели каким-то чудом снова заработали.

Он знал от адских мук одно лекарство.

Со второй попытки ему удалось встать на ватные ноги и даже сделать пару шагов. Достаточно, чтобы найти ящик, выудить оттуда заманчивую бутылку с прозрачной жидкостью. Приложил чудесно холодное горлышко к губам и моргнул, удивлённый. Вскоре до него дошло, что не снял металлический колпачок, и, наконец, избавившись от него, смочил пересохшее горло. Содрогнулся от отвращения, выругался сердито, сделал ещё два глотка. Клин клином вышибают, как говорил дедушка. Проблема в том, что когда Алексей смотрел на Михайлову, весь алкоголь тут же просился на свободу. Но переждав секунду, вздохнул пару раз, и живот успокоился, а ум стал чист и спокоен.

Бутылка была ещё наполовину полная, так что начал умывать лицо и руки. Наверное, пах, как спиртзавод, но сам этого не чувствовал. Это трудно. Лучше пусть портовая охрана за утреннего пьянчугу сочтёт, чем спросит, откуда пятна крови взялись. Пить можно было,

даже нужно, но только после наступления темноты (когда кривачи вылезали из укрытия), чтобы подавить страх и как-то заснуть.

Направляясь к выходу, не проявил интереса к богатствам, что рассыпались на палубе. На что ему памятные кольца, на что часы золотые? На что хрень, чувствами пропитанная? Увидел бы пушку, взял бы. Потому что «Поможанка» (где правил сын Агаты) вовсе может не отпустить живым.

Поднявшись по крутым ступеням, заметил краем глаза движение. На мгновение остановился там, где раньше стояла горилла Михайловой. Уже думал, что песенка спета, мелодия жизни пошла в ад. Но силач только выглядел живым. Якобы сидел с заряженным Глоком в руках, но голова была странно опущенной — шею явно свернули. Движение, что Алексей увидел, было его собственным отражением в настенном зеркале. У него не было времени восхищаться невзрачным ртом, поэтому только вытащил пистолет из холодных пальцев охранника и пошёл дальше, наверх.

Алек не знал хорошо «Поможанку», но живя на корабле, построенном на тех же сходнях, на втором легко найдёшь дорогу. Впрочем, с машинным отделением дело просто: нужно придерживаться лестницы, чтобы попасть наружу. Таким образом, Алек быстро добрался до выхода, чьи двери, к счастью, а, скорее, по древним законам, открывалась изнутри без ключа. Толкнул их со всей силы, пнул ногой, раздался металлический лязг, и он увидел, что на лестнице лежит ключ. Что-то дёрнуло подобрать предмет, положить в карман куртки, и только потом Алек выглянул за борт.

Откуда-то издали доносились голоса, за лабиринтом контейнеров, на которых блестяли солнечные панели. На «Эсмеральде» такого добра нет, трюм освещали фонариком, или свечу приходилось зажигать. У Алека ни того, ни другого не было. Хорошо, что уже рассвело, и солнце прогнало ночных монстров. Только эти дневные, человеческие, вылезли.

Он шёл осторожно, не поднимая головы из укрытия. Из-за одного контейнера высунилось грязное лицо, но парень оказался не глуп, при виде пистолета даже не пискнул, лишь спрятал голову обратно. Алеку стало грустно. Здесь другой капитан, другой порядок. Некоторые позволяли жить нищим на верхней палубе, как кильки в банке, что только и ждут, как их съедят. Потому что, хотя большинство мутантов было приковано к земле и избегало воды, несколько крылатых регулярно чистили ряды сообщества. Алек стал изучать небо внимательным взглядом. Но там только облака белели, равнодушные к жизни человека.

Добрался, наконец, до кормы, откуда свешивался верёвочный мост, соединяющий «Поможанку» и «Сидлецкого». А с «Сидлецкого» уже можно попасть на «Эсмеральду». Только один стоял на пути. Одетый в тёмно-синие тона, с «калашом» на плече. Наглый.

Алексей мирный человек и, хотя навиделся смерти, плодить её не любил. Кровавую бойню устраивать на собирался, поэтому спрятал Глок в карман, натянул капюшон на лоб.

— Человек за бортом! Человек за бортом! — принялся кричать, побежал в сторону «мундира». Тот вежливо опустил «калаш» и спросил:

— Где?

Глаза его чуть расширились, когда увидел, что Алексей не собирается останавливаться. Но не успел поднять оружие, как сильный удар плечом элегантно отправил его через борт в воду.

Алек дождался всплеска и буркнул под нос:

— Ну, здесь.

* * *

Радослав водку любил. Однако, учитывая, что он работал по ночам, как правило, выпить было не с кем, да и некогда. Ну, может, с Василем. Украинцем был единственным храбрецом, ходившим с Радеком исследовать городские руины.

Многие считали, что выходить из Гданьского залива после наступления темноты — самоубийство. Кривачи выползают на кормёжку, а человек всегда попадает им в лапы. Но

уж лучше у мутанта в пасти, чем у портовых властей в каюте. Видимо, все мародёры, и кто давно обирает умерших, и те, кто недавно этим занялся, понимали, что это их право, и ничьё больше. Они в свете солнца выходили грабить бетонные джунгли, а Радек и Василь довольствовались светом луны.

Неважно, днём или ночью, нужно обязательно надеть противогаз на лицо. На земле ещё полно радиоактивной пыли, особенно в городах, где благой морской бриз гонял её между зданиями вместе с мелким мусором.

Радек тяжело бежал в химзащите, с сумкой, полной батареей. Нашли её на трупе, вернее, на обгрызенных несколькими кривачами останках. Их было немного, маленькие, агрессивные; человеку до пояса. Василю хватило послать пулю в одного, и все разбежались.

Мутанты были не столь глупы, как многие думали. Когда Радек склонился над разорванным телом, твари ждали спокойно, мирно, следя сверкающими глазищами за каждым его движением. Словно заключили с ним молчаливое согласие и следили только, что он с ними сделает. Мужчина мог взять добычу, что вовсе их не интересовала, но должен был бросить останки. После его ухода праздник начнётся заново. А то, что одним ртом меньше будет, один кривач не вьестся в сочный костный мозг, тем лучше.

Радек и Василь тоже не глупы. Они знали, что как раз ночью не стоит пытаться судьбу. Быстро вернулись во двор, и уже почти прибыли на место. Миновали памятник Трёх Крестов, из которых два ещё стояли. Из тьмы возникли очертания кранов, а порыв влажного воздуха охладил потный лоб. Василь сразу расслабился, снял маску. И заговорил:

— Радек, а ты мне скажи: почему на этот раз свой хабар взял?

Украинец занимался сбытом всей добычи и за риск отсчитывал для себя одну десятую добычи Радека. Пару раз брал целых двадцать процентов. В дрянные времена, в которые им пришлось жить, он оставался честным. Всегда помогал товарищу, если нужно. Всегда прикрывал ему спину. Можно сказать, они доверяли друг другу, но только в вопросе вылазок и трофеев. А Радеку в совершенно другом деле батареи понадобились, потому отмолчался.

— Ладно, не хочешь говорить, я настаивать не буду, — сказал, погодя, Василь. — А слышал, может, что Михайлову кто-то грохнул? Башку ей размозжил?

— Ага, — буркнул Радослав.

В конце концов, он сам это сделал.

* * *

Клял, на чём мир стоит, когда узнал, что у Агаты Михайловой его ключ.

— А ко мне приходили такие ребята, — обнажила те несколько зубов, что у неё были. — Сказали, что это танковый контейнер. Что ты держишь в нём сокровища, цветочек. Откуда у тебя они, ребёнок не знал, но, к счастью, ключ тебе выпал. А что найдено, то не украдено.

Радослав был уверен, что ему ничего не досталось. Что щенок ограбил его карманы. Но он молчал, мрачно уставившись на Михайлову.

— Обычно я бы ключ не взяла, — продолжала процентщица. — Не поверила бы ни единому слову ребятёнка. Если бы весь предыдущий вечер Богу не молилась. Я просила о выигрыше в лотерею, только не купила судьбу, потому что товара жаль. Милосердный Бог кому-то выделил выигрышный купон, но и про меня не забыл. Отправил ключ, чтобы наградить непоколебимую веру. Я так понимаю, цветочек, что ты безбожник, — сплюнула. — И это наказание тебе Небеса послали.

— Чего ты хочешь? — прорычал Радек, не выдержав.

— Я думаю, что третья часть тех сокровищ, о которых говорил паренёк, это справедливая награда, — Михайлова жадно потёрла руки. — Я уж не считаю банку сардин, что за ключ продала. Пусть мне доброе дело зачтётся на том свете. В конце концов, тот мальчонка был жутко голоден, как негритенок Бамбо.

Старая расистка, подумал он. И тогда процентщица доказала, что не знает, с кем имеет дело.

— Я тебя знаю, детка. Кажется, мягкий ты человек. Сходи за ящичком, и на раз-два договоримся.

— Иду, иду.

Охранник Михайловой слышал весь разговор. Он стоял на лестнице, внимательно наблюдая за Радеком и ни на секунду не снимая руки с Глока. Потом проводил его до выхода. Вернее, попытался это сделать, потому что на полпути лишился жизни.

Так было, когда кто-то недооценивал Радослава. Он не был слабым человеком. Много смерти в жизни видел и без проблем плодил новые. Поэтому сжал голову гориллы руками в тиски и повернул, пока не хрустнули позвонки.

Положил тело на ступеньки. Даже ствол сунул в холодеющие руки. Если кто заглянет в машинное отделение, может, обманется или хотя бы пару секунд постоит, изучая тело.

Радослав вернулся к Михайловой. Она перед смертью успела крикнуть, прося у Бога спасения. Милосердный в этот раз не отозвался на непоколебимую веру. Отвернул всевидящее око от процентщицы, когда Радек бил её жадной головкой о борт.

Нашёл ключ довольно быстро, в коробке с безделушками. И всё встало бы на места, не объявись тот фраер, дороги ему не заступи. Теперь неизвестно, где снова искать потерянную вещь. Как вариант, ключ действительно мог выпасть у Радека из кармана, когда он боролся с пьяницей. Когда с лестницы вместе упали...

Вопрос: по-прежнему ли ключ лежит в машинном отделении? Или тот забрал его с собой?

* * *

Жизнь большинства людей в Заливе вертелась вокруг танкера и стоящих в порту заводов по производству воды. Ещё была нефтяная платформа, в ста километрах от берега, а там воздух, кажется, здоровее, чем где-либо ещё. Алексей не жалел, что не попал на платформу. Не хотелось жить так далеко от материка. Кроме того, если бы на самом деле с водой там было лучше, власти задницу не грели на берегу.

Нет уж. В Заливе спокойнее, веселей. Живее. Не всем сердца вырвали. Не всем дома выделили. Одни возили добытую нефть, другие ждали. Чистили, обслуживали, ремонтировали. Сохраняли в лучшем виде, пока не наступит день, когда корабли снова отправятся в море. Официально они служат восстановлению человечества. Поиску людей, что также пережили катастрофу. Но это сказочки для детей. Алек хорошо знал, что власти — и Правые, и Левые — боятся будущего, и военные корабли, и запасы топлива на случай, если нужно будет бежать. Не для всех, но хватит места для всё ещё плавающих людей, и, конечно, не для тех, кто сидит на платформе.

Да, да. В Заливе намного лучше. Да ещё на танкере работать — настоящее чудо, мёд, малина, потому что вообще не нужно сходить на берег. И каждый день есть с кем поболтать. Только иногда люди неудачные темы для разговора выбирают.

— Кто бы мог подумать, что дело Михайловой уляжется... — сказал Януш, проводя вместе с Алексом проверку труб.

— Ну, подумал... — отозвался тот.

Убийство Агаты Михайловой, несомненно, могло уйти в небытие. Никто Алека, правда, не подозревал, тем не менее, каждое напоминание о покойной вызывало дискомфорт. Как будто попал в читанные в молодости книги. Процентщица мертва, а он то и дело оглядывался через плечо, высматривая охранников. Только совесть у него чиста, ибо он невиновен.

— Вот-вот! — обрадовался Януш, совершенно не замечая кислую мину товарища. — А вчера на «Поможанке» опять какая-то хрень случилась. Сын Михайловой выставил вещи матери на продажу. Гиены собрались, а среди них ребёнок что-то упорно искал... Это, ну...

— Ключ? — подсказал, дёрнувшись от внезапной догадки.

— О, точно! Значит, слышал сплетни?

— Так, краем уха, — солгал он, — ничего конкретного. Говори, говори.

— Да что там говорить. Хотели оттеснить ребёнка, потому что, когда спросили про оплату, он им перед носом батареями помахал. А на «Поможанке» батарейки не нужны. Этот сопляк начал кричать, что должен найти этот ключ, потому что иначе из него отбивную сделают... Или как там... Подумали, что убийца послал парня, чтобы следы замёл. Тут же посадили бродягу под лампу и допросили. Одни говорят, что он всё ещё находится под стражей. Другие, что его отпустили...

Алексея обрадовала услышанная от Януша история. Остаток смены весело насвистывал, с энтузиазмом выполняя даже самую грязную работу. Он не знал никакого парня, и уж, конечно, не посылал его на «Поможанку». След мог привести охранников только к истинному убийце, а не к чистому, как слёзы матери, Алексею Садовнику. Только мысли про ключ по-прежнему терзали разгорячённый ум, любопытство сneiderало душу. И Алек даже порывался двинуть на «Поможанку», но быстро вытеснил из головы чушь содержимым фляги, что всегда держал при себе.

Долго, конечно, идилия не протянулась. Беспокойство, как влага из выкручиваемых бабой штанов, охватило Алексея, когда тот вернулся на «Эсмеральду».

Он жил, конечно, в трюме, в угловой палатке в синюю полоску, гвоздями прибитой к палубе, достаточно высокой, чтобы не сутулиться. А внутри всегда порядок, всё по полочкам, всё найти можно. А тут вдруг бардак, как на Сельской двадцать лет назад. Сразу видно, что кто-то копался в вещах; что кто-то что-то искал. И даже известно, что.

Алексей быстро выскочил из палатки и глянул на соседские жилища. Заметил несколько человек, остановил взгляд на Басе. Женщине не нужно работать, её единственный сын содержит. Но всё же пошла в социальную службу, наблюдая целыми днями за другими. Просто так, по собственной инициативе, совершенно добровольно. Сейчас присела на стул у своей палатки, окинула трюм внимательным взглядом. Чуть менее бдительно следила за супчиком, радостно бурлящим в кухоньке, на туристической горелке.

Искусство наблюдать за несколькими объектами одновременно удавалось Басеньке без труда. Женщина была косоглазой, один глаз смотрел в одну сторону, другой — в другую. Таким образом, Басенька была слева, когда ветер с нужной стороны дул, а справа улыбалась, когда порывы ветра меняли направление. Если кто-то мог Алексу сказать, что творилось в его отсутствие, так только она.

— Добрый день, — поздоровался он.

— Добрый, добрый, — ответила она, наклоняясь, чтобы поднять с земли раскладной стул и предложить мужчине. Сразу заметила, что поговорить пришёл, а не просто поприветствовал на пути к выходу.

Корабль немного качало, но люди привыкли и даже не падали. Поблагодарив, Алексей сел на стул. Провёл рассеянно по волосам и продолжил:

— Не видела, может, Басенька, дорогая, кого подозрительного, ошивавшегося у моей палатки?

— А зачем это кому-то делать? — спросила она, подозрительно прищурилась. Уже новую сплетню придумала.

— Без понятия, — Алексей пожал плечами. — Я с работы вернулся, а в палатке всё вверх дном. Ну, я и подумал, что вор забрался. Или, скорее, несчастный какой-то, потому что у меня нечего красть.

— Ох, Алек, Алек... — Барбара дружелюбно улыбнулась, но с лёгкой насмешкой, как учительница, выслушивающая не выучившего урок ученика. — Ты не помнишь, что было, да? Может, пить надо было меньше?

— Чего?

— Вчера ты немного переборщил с водкой, и думаю, что это ты устроил беспорядок. Но я не уверена, потому что быстро ушёл к этой женщине...

«Этой женщиной» Баська называла предполагаемую любовницу Алексея с другого корабля. Мужчина любил иногда прогуляться на верхней палубе, а заодно знакомого самогонщика проведать. И однажды на вопрос Басеньки, куда направляется, ответил, что к любви единственной, настоящей. Водку имел в виду, ну а вездесущая баба по-своему решила. Алексей предпочел её не разубеждать, иначе сразу бы пустила слух, и охрана снесла бы Ваське, гнавшему спирт, голову.

— Суп будешь? — Бася вырвала его из размышлений. — Вкусный, с варёной камбалой, — добавила она через минуту, непонятно с какой целью.

Судовое сообщество жило, разумеется, рыбой и водой. И бывало, Алек за жареную курицу готов был отдать почку или кусок печени. Но кому она сдастся после стольких лет возлияний? С течением времени смирился с мыслью, что лишь камбалу и селёдку до смерти жрать будет.

— С удовольствием, — сказал он.

Басенька всегда лучшую рыбу доставала; такие, что с одной головой, а хвост максимум раздвоенный.

Женщина вытащила миску из палатки, помешала в кухоньке и налила по самый край.

— Интересный вкус, — заметил после пары глотков.

— Капнула вина, — ответила Бася, хлебнула супа и чуть погодя призналась: — Сынок подарил мне на День матери бутылочку, хотя знает же, что я не пью. Ну, и стала в готовке использовать.

Алексей не пытался даже гадать, сколько вещей сын Барбары продал ради напитка. А она его в рыбный отвар капала. Вот она, трагедия продовольственной монополии. Но довольно вкусная, оценил он, постепенно опустошая миску. Вскоре после этого странно себя почувствовал. Голова закружилась, в глазах попеременно становилось то светло, то темно. И, прежде чем потерял сознание, успел подумать, что за вино Баська в суп налила...

— Вставай, сукин сын! — услышал, но в сознание пришёл, когда его окатили водой.

Вспененная стихия попала ему в ноздри, в рот и дальше в пищевод. Его кто-то держал за шею, держа голову под водой. Вскоре хватку ослабили, и Алек вырвался и жадно стал ловить воздух.

— Говори, где ключ спрятал! — велел низкий, приглушённый голос.

Алексей посмотрел на маячащие вдалеке мосты и корабли, связанные верёвками, и под ложечкой засосало. Он был на суше.

— Курва, соберись! Где ключ?

Оторопев, Алек устался на воду, зловеще блестящую, в свете полуденного солнца. Увидел фигуру, дрожащую на волнах: мужчину с маской на лице и оружием в руке. Они в устье реки. Алексей помнил, как после войны название Мёртвая Висла приобрело новое, мрачное значение. Столько трупов по ней стекло вниз...

Услышал горький вздох и снова его схватили за шею, чтобы на миг сунуть в воду.

— Сосредоточься!

Послушался наконец-то. Серые клетки и мышцы напряглись, и в мгновение ока вытянул пистолет из стиснутых пальцев, а потом ударил врага рукояткой по голове. Не оглядываясь, убежал к бетонному возвышению, что покрывала зелёная паутина трещин. Природа забирала своё, и каждый шаг человека грозил падением; мох и трава упорно поглощали цемент.

Алек бежал, посматривая краем глаза на фигуру в зеркале воды. Кровь стучала в ушах, дыхание перехватило, развалины рушились под ногами. А он смотрел и смотрел, но второй мужчина и не думал сдаваться.

— Стой! — кричал он. — Стой, говорю!

Ботинки всё чаще натывались на дыры, ноги вот-вот подломятся. Нужно убраться от берега реки, оставить противника в развалинах и поискать убежище на ночь. Свернув на бывшую стоянку, миновал ржавый скелет автомобиля.

Он знал, что нужен противнику живым. Никак иначе.

Перезарядил Глок, и пуля со звоном ударилась о бетон. Первый снаряд пустил вслепую, чтобы напугать преследователя. Вторым уже бил прицельно, ориентируясь по шагам, которые не прекратились. Не знал, попал ли, а проверять не собирался, не до того.

Добрался до здания, что, казалось, ещё имело четыре стены и, наверное, целую крышу. Быстро закрыл за собой дверь, скрипнувшую, как залитый двигатель. Потом опёрся на неё руками, иначе грохнулся бы на землю. Голова у него болела ужасно, а странная немощь наполняла конечности, вызывая вопросы: что Баська в суп подмешала? И в сговоре ли она?

Что-то шевельнулось в тёмном углу, и трясущиеся руки вдруг обрели уверенность. Алексей поднял пистолет, взгляделся в мушку и выстрелил, а скрытый в тени монстр коротко застонал. Вопросы подождут. Алек не в безопасности и до тех пор не будет, пока остаётся на земле. К сожалению, вечер уже прогнал солнце из окна, а луна поднялась на небо, позволяя кривачам выбраться из укрытий.

Алексей, по крайней мере, перестал бояться погони. Второй мужчина в дверь не стучал, внутрь здания не заглядывал. Либо пустился наутёк, либо истекал кровью на стоянке.

Проснулась совесть и принялась грызть душу. У человека жизнь забрать — страшный грех, а в беде оставить — ещё хуже. Алек вздохнул, подобрался к окну и выглянул наружу. Сразу же почувствовал облегчение, потому что никого не увидел. Значит, один был и сам справиться должен, а второй бежал на лодку, что наверняка стоит неподалёку. Ну, крест на дорогу и якорь в спину. Судьба человека уже не была делом совести для Алексея. Теперь надо поискать на верфях что-нибудь, что позволит доплыть до «Эсмеральды» или предупредить портовую охрану. Спасательный круг, шашку какую, петарду старую. О надувном понтоне Алек не смел даже мечтать.

Он заставил себя встать. Нужно обыскать здание, пока монстры не вышли из тьмы. Сейчас мужчина находился в просторном зале, настолько пустом, что человеку становилось не по себе.

Сделал шаг, другой. Втянул воздух, который со вкусом пыли осел на языке. Закашлялся раз, другой. Рука непроизвольно рванулась к груди, натянуть противогаз. Алексей ошарашенно уставился на предмет защиты, но пошёл без него. Напряжение судорожно покидало тело, оставляя после себя лишь спокойное удивление. Неужели бандит так заботился о выживании Алека, что оставил ему противогаз?

Судожил прикрыл рот ладонью, прогоняя навязчивые мысли из головы. Сказал же себе, вопросы подождут. А противогаз не надел, не доверял ему почему-то.

Первое помещение, что он обыскал, оказалось маленьким, вонючим и пропитанным влагой. Всеми забытый чулан.

Другая комната была побольше. Несколько потрескавшихся предметов мебели валялось в углу, посреди пола зияло чёрное пятно. Видно, кто-то здесь разжигал костёр, но давно. Больше никаких признаков жизни Алек не нашёл, поэтому перешёл к следующей комнате. И в ней встретил другого мужчину.

* * *

Алексей посмотрел на Радека. Радек посмотрел в глаза Алексею. А потом стукнул пальцем по зеркалу.

— По крайней мере, я знаю, за какие грехи я застрял с таким идиотом, — выплюнул из себя Радослав. Алек посмотрел на своё отражение, раскрыв рот от удивления.

— Но как? — сумел только выдать.

— Откуда мне знать? Может, мы мутант, но немного отличающийся от тех, что нас сейчас сожрут?

На Алека снизошло озарение. Баська ничего ему в суп не подмешивала, сам на берег выплыл. Сам палатку разгромил. Позже сам убежал, чтобы вторую личность выявить. И противогаз захватил, чтобы надеть потом. Даже Глок из головы выскочил!

А там, у Михайловой, было зеркало, как здесь сейчас. И он в этом зеркале своё лицо увидел, кровью измазанное. Испугался так, что упал с лестницы, сражаясь с Радеком за власть над общим телом. То есть он как Раскольников. Должно быть, красный грех под ногтями прятал.

— Да возьми ж ты себя в руки, старый дурак! — обрушился на него Радослав. — У нас нет времени на угрызения совести!

Брюки отряхнул, магазины сосчитал. Может, ещё сможет добраться до лодки живым. Лишь бы этот идиот не попался ему более на пути.

Надел противогаз, вздохнул тяжело. Приставив пистолет к виску, осторожно выглянул из комнаты. Что-то было в зале, громко тянуло носом. Голова была, как у пса, но лапы большие, как у обезьяны, хотя и двигалось существо на четвереньках. При каждом вдохе верхняя губа твари слегка приподнималась, обнажая острые клыки.

Внезапно красные глаза уставились прямо на Радека, а радостный рык вырвался из дряблого горла.

Кривач прыгнул вверх, ловко уворачиваясь от пули. Приземлился где-то в метре от Радослава и пасть для атаки раззявил, но мужчина оказался проворнее. Одним ударом расплющил большой нос, второй раздавил выпученные глаза. Жалкий скулёж монстра показался музыкой для его ушей. Направил оружие в плоский лоб, но не смог заставить себя нажать на спусковой крючок.

— Курва, ещё одного убьёшь! — рявкнул Алек.

— Больше не хочу никого убивать... даже кривача.

Радек выругался и пнул мутанта в морду. Создание умчалось с воем, а он ринулся к выходу. Когда вышел из здания, ещё не совсем стемнело. Он даже видел мост, под которым оставил лодку.

Сменил магазин на полный, потом залепил себе освежающую пощёчину. Глядел из стороны в сторону, делая шаг за шагом. И всё равно не заметил монстра, скрывавшегося за ржавым остовом. Тварь вскочила ему на спину и вонзила зубы в плечо.

Радек упал на землю, но оружия из рук не выпустил. Заорал только яростно, по-звериному, приложил дуло пистолета к отвратительной башке. На этот раз легко нажал на крючок. В ушах прогремело и зазвенело, красная жидкость окрасила щёку.

Сбросил с себя труп мутанта. Со злости пустил ещё одну пулю в мёртвое тело, ибо узнал существо, которому всего минуту назад подарил жизнь.

— Видишь, чего стоит твоя доброта?! — заорал он. Алексей не ответил ему.

Он добрался до лодки без новых препятствий. Отвязал её от сваи и крепко схватился за весло, от боли стиснув зубы. Нелегко ворочать с такой раной в плече, но выбора нет. Лишь когда судно как следует удалилось от берега, позволил себе перевести дух. Оторопев, уставился на морщины волн и щёлкнул языком.

— Нам нужно поговорить.

Отражение Алека смотрело на него из воды.

— Зачем я отправился на берег?

— За это люди в цирках деньги отваливали. Сразу бы нас в подвал, рядом со спиртзаводом, и с концами посадили бы. Впрочем, я не хотел, чтобы ты обо мне знал...

— Но ты обо мне знал?

— Да.

Через какое-то время ничто не нарушало шум моря. Наконец Радек откашлялся от досады и отвёл глаза от воды.

— Где ключ спрятал?

— Зачем он тебе?

— Контейнер. Моя шкатулка, — подчеркнул он.

— А что в ней держишь?
На этот раз Радослав удовлетворённо улыбнулся.
— Доказательство, что я настоящий.

* * *

Радек позволил Алексу захватить власть над телом. Рассказал даже, где ящичек спрятан, когда судожил завернул разорванную на плече рубашку.

— Василь держит контейнер на хранении.
— Василь? — повторил с недоверием Алек. — Мой Васька?

— Твой как мой. С тобой немного выпьет, а со мной выходит на берег. Мне на водочку времени не хватает.

— Почему с двух стволов не грохнул?
— Там кое-что... деликатное.

Не стал задавать больше вопросов, лишь закончил накладывать повязку, а потом набросил на себя куртку. Стало темно, тем не менее, вместо того, чтобы плыть к «Эсмеральде», уткнулся в танкер. Мужчина взошёл на борт по лестнице, что свисала за бортом. Охранник на палубе сразу обратил на него внимание и осветил фонариком в лицо.

— Алек, это ты? В такое время?

Алексей узнал мужчину по голосу.

— Привет, Божич... Да меня мастер отправил. Какие-то трубы текут и, скорее всего, в его трусах.

Охранник весело рассмеялся.

— Работа не война, свалить с неё не так легко, да?

— Ага, — признал он, хотя это сравнение показалось ему совершенно неудачным.

Потом он спустился под палубу. Аккурат на двери висела связка с ключами, а среди них потеря Радека, собственными руками повешенная на блестящий круг.

Алексей присел на ступеньках, выждал дюжину минут, следя за тем, чтобы кровью ничего не испачкать. Когда спускался с корабля, Божич спросил его ещё:

— И что течёт?

— Ничего. Какой-то идиот разлил масло и не признался.

Охранник на прощание хлопнул Алека по плечу. К счастью, по здоровому.

Следующей остановкой была Васькина каюта, узкая, как щель в заднице. Украинiec жил на одном из больших пассажирских судов, что когда-то ходили в круизы в Швецию и обратно (по крайней мере, с этим был связан Алексей). Люди на таких паромах в основном пили и как раз в данном вопросе мало что изменилось.

Василь открыл дверь каюты, обнажив пожелтевшие зубы в кривой улыбке.

— До вылазки мы не виделись, значит, опрокинул рюмочку, да, Алек?

Судожил вздрогнул от звука своего имени. Неужели украинец знал о второй личности, или всё-таки Алексей ослышался?

— Я за ящиком пришёл, — сказал он слабо.

Тут Васька заметил кровь, потому что в одно мгновение отрезвел и кивнул.

— Уже несущ...

— Теперь куда? — спросил Алек, держа контейнер в руках, а дверь в каюту за ним захлопнулась. Он чувствовал, что ещё рано возвращаться на «Эсмеральду».

«Теперь в лазарет», — ответил ему в мыслях Радек.

* * *

Звёзды смотрели на него, когда он стучал в дверь лазарета. Вдруг в тёмно-синем небе пронеслась крылатая тень. Радослав задумался, что финал близок. Мелодию жизни Алексея

больше не жаль. Но как тень появилась, так и исчезла, а в замке щёлкнуло, и дверь открылась.

— Радек?

У женщины был тёплый, приятный голос, лицо доброе, а волосы как жидкий мёд. На ней был медицинский халат: с заплатками, но белёсый, хотя время наложило отпечаток и на него, и на неё. В руке она держала фонарик, но луч света направила под ноги, чтобы не ослепить мужчину.

— Здравствуй, Мария.

Медсестра лучезарно улыбнулась и пустила его к себе. Алексей не был уверен, что идёт сам, или его ведёт Радек. А может, на миг они стали единым целым? Может, слились воедино и исчезли? Или только воспоминания захватил? Алек знал, куда идти; он знал дорогу, помнил. Как он мог забыть?

— Я пришёл увидеть её, — сказал он.

— Конечно.

Может, поздний час имел значение, а может, и нет. Радек приносил сокровища, от которых просыпались дети.

Когда спустились в трюм, Мария отложила фонарик и, в свою очередь, зажгла газовую лампу. Свет выловил из тьмы очертания гамаков и скрученные на лежанках фигуры. Мужчина подошёл к одной из них, так хорошо ему знакомой. Откинув тёмные волосы со лба, он посмотрел на открывающиеся медленно глаза. Девочка посмотрела на него немного унылым, но весёлым взглядом. Сразу запищала тихо и протянула руки, чтобы обнять. Алек обнял ребёнка свободной рукой, второй удерживая ящик под мышкой.

— Как она? — спросил он Марию.

— Иногда что-то скажет, но никогда с чувством... — в её голосе были слышны ноты сожаления.

— Она жива, а это главное. Думаю, я никогда тебе не говорил спасибо за то, что о ней заботишься.

— Не нужно, Радек. Ты платишь за это с лихвой.

Положив контейнер на борт, вытащил проклятый ключ из кармана куртки и сунул в замок. Глазам явилось содержимое — упаковки таблеток, красочные коробки, прозрачные ампулы. А под всем этим фотографии. Много фотографий.

Мария приняла с благодарностью лекарства и осторожно спросила:

— Хочешь, я оставлю вас одних?

— Да, спасибо.

Шаги медсестры затихли. Алек сжал пальцами первую фотографию и поднёс к лицу. Увидел себя, но моложе, гораздо моложе. Рядом же...

«Разве ты не помнишь?» — усмехнулся в мыслях Радек. Всю свою жизнь предпочёл свернуть в шутку, воспоминания утопить в водке. Это Аня. А это фото их дочери.

Он посмотрел на попавшее в объектив пухлое лицо, а потом перевёл взгляд на крошку, смотрящую на него с гамака.

— Я знаю, ты не она, — сказал он. — Если бы моя малышка подросла... если бы выжила. После стольких лет она уже стала бы взрослой. Но ты могла бы ей быть... Или я ошибаюсь? Она просто должна была умереть, и я не мог этого предотвратить?

Весёлое бормотание усилилось, улыбка не сходила с тонких губ. Радек опустил глаза и вздохнул. Он знал, что не получит ответа. Он нашёл девочку на какой-то из вылазок, пару лет назад, в туннеле под Мёртвой Вислой. Каким чудом она выжила, до сих пор не представлял. А когда со временем выяснилось, что он спятил, чудо стало ещё более загадочным.

— А здесь доказательство, что я настоящий, — он взял фотографию из вороха и повернулся спиной вперёд. — Видишь?

Алек посмотрел на выцветшую, начерченную карандашом надпись.

Аня и Михаль, весна 2008.

— Тут ясно видно моё имя!

— Вижу, Радек. Я вижу.

* * *

Папа ушёл, мама Мария сделала перевязку, но девочка не могла больше заснуть. Так была взволнована визитом, что с радостью выскочила бы из постели. Вместо этого же тихо прочитала:

Орёл и Решка жили в одном доме,
о себе не говорившие ни с кем.

Один улыбался, как ни в чём не бывало,
Другой же в печали за двоих пребывал,
И непонятно, где правда, где вымысел,
Неизвестно, будет ли душе спасение.
Куда пойдёт судьба слепая, чьи грехи она будет судить?
Что если Решка хороший, а Орёл лишь глядит?

Орёл и Решка в одном оказались теле,
о смерти ведали они слишком много.

Один о любви ещё живёт воспоминаниями,
Другой же водкой заливает сознание.
Орёл на мир злой, а Решка желает добра.
И каждый с совестью своей не в ладах.
Когда водка горчит, один вопрос мучает:
Мир этих двух вообще существует ли?

ДАВИД ЯВОРСКИЙ ЧИСТИЛЬЩИК

1

— Во имя Отца, Сына и Святого Духа! — со стороны алтаря гремит громкий голос нашего настоятеля. Все хором отвечают «Аминь».

Воскресной мессой заканчивается очередная неделя нашей жизни в шахте. Я смотрю на тесную часовенку, чтобы найти таблицу, откуда каждую неделю стирают одно число, а на её место пишут другое. Я не могу её увидеть прямо сейчас, потому что на небольшом пространстве яблоку негде упасть, здесь почти все жители, как, впрочем, и каждую неделю.

А, вот оно. 1047. Тысяча сорок семь полных недель жизни под землёй. Двадцать лет.

У нас тут на удивление хорошо. Независимо от того, сколько мы жаловались, никто из нас никогда по-настоящему не хотел вернуться на поверхность. Конечно, есть те, кто должен выходить, но у них конкретные задачи и, как правило, возвращаются они в течение нескольких часов или дней. И каждый раз они возвращаются опустошённые и подавленные, принося то, что нам так необходимо... Мы бы с радостью оградили их от этих вылазок, но, к сожалению, мы до сих пор ещё немного зависим от поставок с поверхности.

Внизу сносно. Наши Предки — так их называли, сначала в шутку, потом всерьёз — проделали хорошую работу. Группа бывших шахтёров взяла в оборот старую, уже давно оставленную каменноугольную шахту. Быть может, потому, что им стало немного скучно на старости лет, а может быть, потому, что приняли угрозу катастрофы серьёзнее других.

Кстати, интересно, как сейчас должны чувствовать себя все те, кто тогда их считал ничего не смыслящими и чересчур подозрительными.

Предки приобрели завод за бесценок и начали переделывать его под себя, время от времени требуя дополнительную финансовую поддержку со стороны Силезии, Польши или ЕС. Всем говорили, что готовят Музей горного дела. В документах так и значилось, и по ним следовало устроить пешеходные коридоры (забетонировать пол, провести освещение), пробить множество достаточно больших помещений по обеим сторонам каждого из коридоров («Здесь будут выставочные залы, — объясняли они. — А может быть, мы когда-то соединим музей с отелем?»), сделать большую кухню с ещё большей столовой, библиотеки, лазарет, часовню, где они сейчас находились. Всё строили чин по чину, вот только...

Почему коридоры, ведущие почти во все шахты, обвалились, кроме одного? Что им мешало сделать несколько дополнительных входов в музей, расположенных на пространстве в несколько квадратных километров? И зачем единственный выход укрепили толстыми, более чем в полметра, стальными воротами? Почему в вентиляционную шахту поместили фильтры очистки воздуха? И не какие-то! Лучшие! Почему на самом нижнем уровне устроили большой склад и поставили там несколько больших генераторов? Наиболее эффективные, какие тогда были в продаже! Зачем, чёрт возьми, они принесли вниз десятки освинцованных костюмов химической защиты?!

Мы-то знаем, зачем.

— Бог с вами, — произносит настоятель.

— И с духом твоим, — отвечаю машинально. Снова не сосредоточился на проповеди.

О чём это он на сей раз?

— Вознесите сердца.

— Мы возносим их к Богу.

— Возблагодарим Господа-Бога нашего.

О, да, действительно достойно и праведно.

Когда мы слышим рассказы о том, что было в прекрасном мире, на поверхности, человек по-настоящему начинает верить в то, что есть за что благодарить. Видимо, в радиусе десятков километров ни единой живой души, а в пепельной тишине на поле боя высится лишь наша большая гордость, когда-то один из крупнейших заводов в Европе. В его тени разбросано несколько деревень и городов, откуда мы тащим припасы, к сожалению, всё быстрее иссякающие. И в этом всё мы, как последний непокорённый бастион человечества, со своей спокойной жизнью при горящих лампах накаливания и с музыкой из нескольких CD-проигрывателей, что у нас остались.

Хорошо, что несколько лет назад наши шахтёры, всё ещё упорно разрабатывавшие месторождение, нашли нефть. Им удалось придумать какой-то особый способ её сбора и хранения, и теперь она шла в генераторы на четвёртом уровне. Надеюсь, нам её хватит на долгие годы, что гарантирует более редкие вылазки на поверхность, и большие возможности, вытекающие из таких вылазок, — разведчикам не придётся больше искать и тащить тяжёлые канистры бензина, и они смогут носить сверху больше еды, инструментов и книг.

На мой взгляд, в нашем неизменном за двадцать лет положении мы должны благодарить, прежде всего, канареек. У нас сейчас двадцать четыре создания, восемь самцов и шестнадцать самок. Несчастливые создания, они не ведают, каково поймать ветер в крылья и парить в бесконечных высях... Но по шахте летают себе в меру свободно и придают нашему существованию немного нормальности. Хотя не знаю, можно ли назвать нормальным мир, где на поверхности слышен лишь мёртвый свист ветра, а под землёй — поют птицы... Впрочем, я думаю, они каким-то образом защищают нас от упадка чувств. Когда утром, иногда ещё до включения дневного освещения, я лежу в постели и слышу, как птицы тоже просыпаются, чтобы начать новый день, я чувствую себя почти беспечно. И не я один — большинство из нас относится к канарейкам с большим почтением, понимая, сколько они для нас значат. Словно мы хотим искупить вину перед разрушенной природой и Богом, что назначил человека опекуном всякого творения так опрометчиво и неразумно.

Нас сейчас чуть более сотни человек, живущих на трёх из четырёх уровней шахты. Рядом расположен коридор, где стоят часовня, лазарет и большой зал, а на другой стороне

прохода отправная точка для всех идущих вверх — там никто не живёт. На более низких уровнях в общей сложности шестьдесят семь комнат. В последнее время большинство пустует. Вначале же все были забиты до отказа. В некоторых проживало даже по шесть-семь человек. Увы, тогда смертность превосходила рождаемость. На самом деле превосходит по сей день, но разница стала значительно меньше.

Только что выводили: «Осанна...», как вдруг в часовню врывается с криком Юрек, техник, занимающийся обслуживанием генераторов.

— Люди! Карл мёртв!

Тишина. «Свят, свят, свят» увязает в горле.

— И, что ещё хуже... Мне кажется, его... уб-били!..

2

Месса продолжается только потому, что наш жирный пастор счёл прерывание её неуместным, а молитву за покойного — необходимой. Только несколько мужчин, в том числе я, покинули часовню и спустились с перепуганным Юреком на три уровня вниз, на склад. Остальные верующие получили приказ оставаться в часовне до его отмены.

Карл был другом всем нам. Про него говорили, что его присутствие лечит и что он мухи не обидит. Работал на складе, занимался распределением продуктов, воды и прочего. Трудно было представить себе причину, по которой кто-то захочет его убить.

Но, очевидно, это было убийство. Как только мы вошли на склад, мы увидели, что тело Карла распласталось на земле, лицом вниз, в луже крови. В спине до сих пор торчал большой кухонный нож. Сам бы себе такого не сделал.

В нашей шахте жители не имели огнестрельного оружия — всё стояло в арсенале прямо на выходе, закрыто на ключ и вынималось только при выходе на поверхность. Но к приборам ежедневного пользования, что можно рассматривать как холодное оружие, каждый имел свободный доступ.

— За что?.. — вздыхает Норберт, рослый, но честный человек, который у нас вроде коменданта, в компании нескольких человек охраны. — Ведь двадцать лет никто никого не убивал.

— «За что?» не главный вопрос, — говорит один из его охранников, Мартин, молодой парень, который едва помнит поверхность до апокалипсиса, но зато отлично знает шахту. Несмотря на юный возраст, он один из лучших и самых опытных разведчиков. — Я бы, скорее, спросил: кто? Товарищи... — начал серьёзным тоном, и я заметил, что все, даже те, кто намного старше его, посмотрели на парня со смесью уважения и интереса, — в наших скромных стенах завёлся убийца. Какими бы ни были его мотивы, он должен быть как можно скорее разоблачён. Он представляет угрозу для всех.

Киваем. Мы стоим вшестером над трупом и думаем, что делать. Кроме меня, Мартина, коменданта и Юрека ещё Антек, коллега Мартина из караула, и Зефек, брат жертвы. Он единственный не смотрит на труп, только скрывает лицо в ладонях.

Комендант подходит к телу и склоняется над ним, рассматривая орудие убийства.

— Нож, безусловно, с кухни, в этом нет никаких сомнений, — выносит вердикт. Мы верим ему, потому что его жена — повар, так что Норберт, наверное, часто у неё сидит и знает, чем там пользуются. — Только что с того? Пока ничего, на кухню может войти любой, когда угодно. Но стоит спросить, — поворачивается в сторону энергетика: — Юрек, ты слышал что-нибудь странное?

— Абсолютно ничего, — отвечает дрожащим голосом техник. — Я работал на генераторах, потому что один начал как-то странно хрюкать. Да я бы так и так ничего не услышал. Я виделся с Карлом за полчаса перед мессой. Когда позже я пришёл сюда, чтобы попросить его о помощи, увидел вот это...

— Понимаю, — говорит комендант.

— Ты в последнее время видел тут кого-то подозрительного? — вмешивается Мартин.

— Нет, вроде.

Юноша цокает с недовольством и обращается к брату жертвы, сидящему на деревянном ящике с лицом, скрытом в ладонях.

— Зефек, сожалею о твоей утрате. Но ты должен нам помочь. Не знаешь ли, у кого-нибудь в последнее время были разногласия с Карлом?

Старик поднимает взгляд и смотрит каждому из нас в глаза. По порядку. Сначала Юреку, долго и протяжно. Потом коменданту, Антеку, мне и, наконец, Мартину. В конце концов, отвечает на вопрос в своей обычной манере.

— Я вообще считаю, что это его баба.

Все, кажется, удивлены.

— Жена? Почему?

— Да избивал он её, когда был под кайфом. А она, она не смогла спрятать тело...

Комендант хочет задать какой-то вопрос, но юноша его опережает.

— Его жена. Где она сейчас?

— Не знаю, наверное, в часовне, как и все.

— Ладно, понял. Побежал за ней, — двигается к двери, но вдруг мы слышим оклик коменданта. — А, да, простите.

— Не забывай, салага, за чей счёт живёшь. Жди дальнейших указаний. Но ты прав. Приведи эту женщину, поговорить с ней стоит. Это приказ!

— Так точно! — отвечает юноша и исчезает в дверях.

Снова отвожу в сторону Зефека. На уме ещё один важный вопрос, и я задаю его.

— Что ты имеешь в виду, говоря: он бил её, когда был под кайфом? Чем закидывался? У нас же нет здесь наркотиков...

— Ну, у вас, может, и нет. А у него есть. Разведчика подкупил, чтобы тот ему приносил. Тот чувак лазил за всем, чем можно, ну и Карл с ним перетёр — дополнительные пайки и чертовски хорошие вещи сверху специально для него приносил, в обмен на один или два косяка. И да, он договорился...

— Антек... — обращается комендант к другому своему охраннику, не отводя взгляд от старика, — сходи, пожалуйста, на первый уровень, и приведи мне Бенио. Думаю, у нас есть несколько дел для работы...

— Так точно!

— Что, чёрт возьми, происходит? — спрашивает Норберт, не скрывая гнева. — Убийство? Коррупция? Наркомания? Насилие в семье? У меня под носом?! Ведь с двадцати лет я тщательно слежу за порядком, и никогда — никогда! — ничего такого не было!

— Старый ты уже, Бертик, знаешь ли, — отвечает брат жертвы и преступника одновременно. — А вся эта идиллия порядком поднадоела.

— Нет, дорогой мой, это из-за таких, как ты, я потерял бдительность! Вы арестованы за сокрытие преступления и молчаливое согласие!

— Я и не думал... — говорит спокойно Зефек. — На самом деле мне всё равно. Можете запереть меня в комнате или камере. Хорошо, что этого мошенника больше нет. Не знаю, кто это сделал, — качнул головой на тело брата, — но при всей моей братской любви должен признать, у нас один род, и ничто нас не разделит.

Это сильные слова. Переглядываемся с Юреком, затем оба с комендантом. Тот прям пышет от злости. Набирает воздуха, чтобы сказать что-то ещё, когда на склад врывается запыхавшийся Антек.

— Бенио... тоже мёртв.

3

Три дня спустя, в среду тысячи сорок восьмой недели под землёй, снова все собираемся в часовне. На этот раз, чтобы попрощаться с двоими из нас — первыми жертвами убийств с тех пор, как мы спустились в шахту. Он чувствует, что эти похороны отличаются

от всех предыдущих. Настоятель не жалеет слов о грехе, преступлении и аду, который, между прочим, сменил положение и теперь находится над нами, а не под. По людям видно, что они напуганы. Стоят на месте, но вся толпа точно качается в нервном беспокойстве с ноги на ногу. Бросают украдкой взгляды на соседей и все мы думаем об одном и том же.

«Франек? Юзик? Нет, они не могут быть. Нет, не могут. Но, может?..»

«Кто следующий? Кто? О, Боже, прекрати так думать! Не будет следующих! Поймают душегуба!»

«Боже, ты живёшь с человеком двадцать лет и даже не знаешь, что он наркоман и садист...»

Жена Карла стоит в первом ряду, прямо рядом с трупом мужа. Ранее её задержали и допросили, но ни комендант, ни его охранники не нашли за ней вины. Её горе искреннее. Несмотря на боль, что он ей причинял, она любила своего мужа, погрузилась в печаль, как говорится, и не чувствовала облегчения после его смерти — в отличие от Зефека. Его нет на отпевании — сидит в тюремной камере, и каждый день его допрашивают. Комендант надеялся узнать от него что-то большее, или, что было бы лучше — получить признание, так как он оказался главным подозреваемым. Но не нужно на это рассчитывать. Зефек сказал всё, что мог, и все знают, что не он убийца.

Допросили и тех, кто не присутствовал на мессе. И доктора, и медсестру, и двух обезвоженных пациентов, подключённых к капельницам в лазарете. Других подозреваемых нет.

Лично я не понимаю, почему участники мессы были исключены из расследования. Карла могли убить перед мессой, а Бенио... Ну, честно сказать, никогда.

Бенио отравили. Убийца ловко использовал его слабость к еде и впрыснул в его пищу какую-то пакость из лазарета. Когда Антек побежал наверх, чтобы привести толстяка к коменданту, застал его синего, с головой, лежащей в рвоте на столе.

Поп вещает что-то об убийстве как о непростительном преступлении. Умалчивая о тех преступлениях, что совершали обе жертвы. Я понимаю, что о мёртвых либо хорошо, либо никак, но палку-то зачем перегибать? Ангелами они не были. Пастор, как мокрый лосось, выскользнувший из лап медведя, ловко уходит от этой темы, стоит кому к ней приблизиться. Мне это не нравится. Справедливость должна быть воздана всем. Осмотрелся, чтобы убедиться, что на лице кого-нибудь из других жителей отражаются аналогичные чувства. Но нет, только ужас. Один лишь маленький мальчик, прислуживающий при алтаре, смотрит на попа так же, как я, со смесью разочарования и смущения. Священник заканчивает проповедь, спускается с амвона и улыбается мальчику, на чьих щеках немедленно расцветает красный румянец. Меня пробивает озноб. А другие, кажется, ничего не заметили. Месса подходит к концу. Допоем «Сегодня душу мою в руки Твои я вверяю» и покинем часовню. Ребята из охраны займутся защитой трупов и вывезут их на поверхность, где уже много лет назад мы устроили импровизированный склеп — по сути, братскую могилу в большой воронке от взрыва бомбы.

И мы все вернёмся к нашим делам. Доктор и дальше будет ставить капельницы, принимать роды и зашивать раны. Жена коменданта пойдёт готовить пищу и стирать. Сам комендант двинет к камере Зефека, чтобы сказать ему о похоронах брата и снова спросить, не хочет ли он сознаться в чём-то большем. А молодой Мартин с ещё более молодым Антеком возьмут пластиковые мешки с телами и вынесут наверх.

Я прогуливаюсь по коридорам, думая о том, как сильно изменился наш мир за каких-то три дня. Люди проходят мимо меня поспешным шагом, склоняя головы. Остановятся на мгновение, чтобы бросить быстро: «Привет, как дела?», и умчатся, не дожидаясь ответа. Теперь люди шепчутся между собой. А когда-то говорили обычным голосом, время от времени что-то весело выкрикивая. Вытер украдкой слёзы, заменившие взрывы смеха.

Забавно, как мало нужно, чтобы гнилая подкладка такого на первый взгляд идеального мирка проявилась сквозь тонкое напыление.

Все боятся, что душегуб нападёт вновь.

Очередное убийство оказалось столь же неожиданным, как первые два, несмотря на то, что все были так напуганы, что почти его жаждали. И ни усиленная бдительность охранников, ни приказ коменданта, чтобы не ходили по одиночке, а всегда как минимум парами, ни запрет на выключение дневного освещения между десятью вечера и семью утра. На этот раз душегуб перехитрил всех и ударил там, где никто не ждал.

В тюрьме.

Тело Зефека нашли в пятницу утром. Он лежал на полу, прикрытый одеялом, на куче тряпья, служившей ему кроватью. Похоже, что просто умер во сне, что не было бы странно у человека в его возрасте, если бы не одна маленькая деталь: в кармане его брюк обнаружили упаковку диазепама. Пустую.

Конечно, у него не было при себе никаких таблеток в воскресенье, потому что во время допроса был тщательно произведён обыск. Возможно, даже чересчур тщательно при таких обстоятельствах, но времена, когда чтити право на личное пространство потенциального убийцы, давно прошли. Основные умозаключения привели коменданта к выводу, что даже если старик хотел покончить жизнь самоубийством, кто-то должен был ему в этом помочь. А это уже преступление, сопоставимое по тяжести с убийством.

Никого из присутствующих (а кроме меня там были от силы ещё два-три человека) не удивило, что мгновение спустя в коридоре первого уровня раздался мерный топот военных ботинок, ударяющихся о бетонный пол. Норберт и Мартин снова посетили небольшой лазарет, где располагалась комната с четырьмя кроватями и кабинет доктора. Раньше они были здесь, чтобы спросить доктора о яде, которым отравили Бенио.

Я сижу в расположенном рядом клубе, называемом нами библиотекой, хотя здесь стоят всего два стеллажа с книгами. Я только что прочитал «Преступление и наказание» Достоевского. Удивительно вовремя.

Комендант сначала прикладывает ухо к двери, хмурится и говорит что-то юноше. По губам я читаю, что этот парень, наверное, неплохо развлекается со своей медсестрой. Комендант громко стучит — пожалуй, даже несколько чересчур громко.

— Стефан! — зовёт он.

Юноша хихикает, услышав снаружи что-то, чего я, к сожалению, услышать не могу. Полминуты спустя дверь открывается и входит красный как рак доктор Стефан.

Все мы знаем, как эти двое относятся друг к другу. И, теоретически, это не должно вызвать проблемы. Но то, что их объединяет работа, а не свадьба, что Анета почти в два раза моложе доктора, и что уже несколько раз их застали в недвусмысленных ситуациях, привело к тому, что люди смотрят на них косо.

— Простите, Норберт, не ожидал...

— Ясно, что не ожидали! Кто ждёт гостей в кабинете врача на неделе в восемь утра!

— Я думал, дверь заперта. Ещё раз извините, — доктор перестал притворяться кротким, и неожиданно сменил тон на официальный. — Чем обязан визитом господ в столь неподходящее время?

— У вас ничего из аптечки в последнее время не пропадало?

— Не проверял. А что?

— Кто-то закинул Зефеку пачку диазепама, — вмешался Мартин, — а тот съел все и пошёл спать. Навечно, если вы понимаете, о чём я.

— Понимаю, — доктор, казалось, совсем растерялся. Когда он понял, зачем мы пришли, его лицо исказилось от ужаса. — Но я не имею с этим ничего общего!

— Следствие покажет, — сказал комендант.

— Сначала ужасный яд для Бенио, теперь диазепам для Зефека... Ну-ну. Кто-нибудь здесь играет в Доктора Смерть? — спросил юноша. Норберт сразу же отчитал его взглядом.

— Мы всё равно должны вас задержать. И Анету. Кто ещё имеет доступ к шкафу?

— Никто. Но вы не можете арестовать нас обоих. Здесь есть больные люди, которым необходима помощь.

— Вы про тех двоих? — бросил Мартин, глядя на двух стариков, бредущих по проходу между часовней и лазаретом. Оба они были подключены к капельницам, щёки у обоих были коричневого цвета, и внешне больные напоминали умирающих.

— Да, но не только. В любую секунду кто-то может поступить...

— Понимаю. Будем надеяться, что вы сможете раздавать указания из-за решётки.

— Мартин! — шикнул комендант. — Следи за языком! Ты разговариваешь со взрослыми, — затем обратился к доктору: — Я знаю, вам тяжело, но в этой ситуации вы с Анетой главные подозреваемые, и я не могу поступить иначе. Я должен быть уверен, что до решения дела вы не сможете вмешаться.

Тут я услышал, что дверь в кабинет снова открывается и входит медсестра.

— В чём дело?

— Мы арестованы, — сообщил доктор.

Из-за книги вижу, что девушка испуганно закатывает глаза и делает глубокий вдох, затыкает рот руками. Её круглые глаза наливаются слезами.

— О, Боже! Речь идёт о нашем ребёнке? — она бросается в объятия доктора. — Я знала, что мы не должны были этого делать!

Её спину сотрясают мощные рыдания. Доктор опускает взгляд и молчит. Норберт округляет глаза, Мартин раскрывает рот. Потом они уходят. Доктор впереди, с плачущей медсестрой рядом, провожаемые ошарашенным взглядом коменданта и победоносной улыбкой его младшего коллеги.

В тот же день после обеда по шахте разнеслась весть, какие у нашего доктора и его медсестры хорошие отношения. К обвинению в трёх убийствах, в том числе одного с особой жестокостью, добавилось обвинение в аборте, о чём они должны были признаться после того, как случайно раскрылись перед Анетой. Их посадили в ту же камеру, где пребывал Зефек, чьё тело вытерли и перенесли в часовню.

Охранники прошерстили нашу маленькую идиллическую общину снизу доверху, но, к сожалению, не нашли никаких доказательств, однозначно указывающих на вину этих двоих. Комендант пожалел, что не располагает оборудованием для дактилоскопии или хотя бы компьютером. Единственное, что у него было, это глаза, свои и коллег, а также интеллект и интуиция. И они подсказывали ему, что задержали не тех.

Доктор всё время правдоподобно отнекивался от предъявляемых ему обвинений, прикрывая себя разными алиби. И либо он отличный лжец, либо говорит правду, потому что ни разу в течение трёх дней допросов не попался на нестыковке. Анета в основном редела и повторяла, что не имеет никакого отношения к убийствам и что ей очень стыдно из-за аборта, который сделала. И что если бы только она могла повернуть время вспять...

Наша небольшая община бурлит, как жидкость в котле на костре. Доктор, который ухаживал за ними всеми, в ком многие находили утешение и опору, оказался хладнокровным убийцей! Не хватило ему убийства двух человек. Ещё и бедного Зефека прикончил, упокой Бог его душу. Боже, что этому бедняге пришлось вытерпеть! А док в это время, как ни в чём не бывало, спал с медсестричкой! С той самой, с которой он сделал ребёнка и которая этого ребёнка из своего чрева выкинула! Тьфу!

Сначала их пытались убедить, что пока не найдут доказательства, говорить не о чем, но народный самосуд беспощаднее всех судов и кодексов, вместе взятых. Мне пришло в голову, что доктору безопаснее оставаться в тюрьме. Потому что если с обвинениями в убийстве можно поспорить, то признание в аборте поставило на нём черту.

— А чё ты его так защищаешь, а? — накинулся на меня Мартин, когда мы с ним сидели за столом и ели завтрак.

Я как раз пытался убедить его, чтобы он не был так уверен в своём мнении и не выносил приговор раньше времени.

— Я его не защищаю. Просто прорабатываю другие варианты. Не буду судить до тех пор, пока не найдём доказательства.

— Нравится доктор, что ли? — спросил он, и в его голосе слышалась нотка злобы.

Подумал.

— Честно? Не-а.

— Не юли! Меня не обманешь, — ответил Мартин, вставая, и я не стал его переубеждать. — Пора начать очередной увлекательный день на работе. Даже в воскресенье не расслабишься.

— Такие времена наступили, — бросил вдогонку.

— Ну... Я поговорил уже, наверное, с каждым в шахте, но ничего. Либо злятся, либо защищаются. Не можем даже найти другого подозреваемого.

— Знаю, имел удовольствие, — я напомнил ему наш вчерашний разговор. Он не был исчерпывающим, душегуба явно нельзя назвать непрофессионалом. Ну, на мой взгляд. Я же полицейский.

Мартин вышел из столовой одним из последних. Я остался один, не считая министранта, ушедшего вскоре после Мартина, неся в руках упакованный завтрак для пастора.

Скоро поп в двери часовни не пройдёт, если и дальше не будет спускаться в столовую, чтобы поесть со своей паствой. А может, мы недостойны смотреть, как он питается?

Я заканчиваю трапезу, ставлю посуду на место и медленным шагом иду на четвёртый уровень, на склад. С сегодняшнего дня я начинаю работать кладовщиком, вместо Карла. Будет так увлекательно, что я не могу дождаться. Я беру с собой «Преступление и наказание». Действительно захватывающая книга.

Воскресенье. Утро. Канарейки щебечут как сумасшедшие. Настоятель сейчас съест свой завтрак, побудет с мальчиком и пойдёт в часовню стирать с доски номер 1047. Отметим, что прошла тысяча сорок восьмая неделя, и пойдёт готовиться к мессе. На этот раз снова с погребением — Зефека.

5

Работа не так невыносимо скучна, как мне казалось вначале. Просто спокойная. Мне нужно в каждую из обитаемых комнат доставить со склада посылку, что ей назначена, отправить посылки на следующую неделю, отвезти немного продуктов на кухню, покормить канареек и выполнить несколько спецзаказов, например, передать винты на восемь Юреку, работающему рядом, в генераторной. На самом деле в том же зале, только от склада отделён тонкой стенкой.

— Мог бы и сам за болтами сходить, знаешь ли, — приветствую его.

Тот слегка удивляется, но тут же улыбается и машет рукой.

— Ну, имею право, прости за беспокойство.

— Не проблема! Что слышно?

— Я не знаю, что с этим генератором. Неделю издаёт странные звуки. Я его и так, и эдак проверил, всё впустую. Боюсь, что просто износился. Правда, у нас есть ещё три других, но я полагаю, что если они будут стареть в том же темпе...

— То придётся носить свечи с поверхности. Сделать заказ у коменданта? — предлагаю ему, но это не поднимает ему настроение.

— Знаешь, после случая с Карлом не могу взять себя в руки... — признаётся Юрек.

Не могу понять, почему все четыре убийства он называет несчастными случаями. Случай Карла, случай Бенио, случай Зефека и случай докторского младенца. Наверное, просто боится называть вещи своими именами — как и все здесь.

— Понимаю, — говорю. — Каждому из нас трудно взять себя в руки.

— Я знаю, что он был кем-то близким всем нам. Но мы же... двадцать лет... под одной крышей. У меня было впечатление, что мы знаем друг друга лучшего всего на свете. А тут вдруг выясняется, что не знали друг друга вообще.

— Люди порой удивляют нас. Но мы должны научиться замечать то, что не видно с первого взгляда. Например, наш док. Кто бы мог подумать, что он устроит такое.

— А ты что, знал, какие они? — он посмотрел на меня с подозрением.

— Я думаю, никто не знал, — ответил уклончиво.

— Ну, я... В любом случае спасибо за винты! Хорошего дня!

— Тебе тоже!

Юрек несёт дежурство в генераторной, и у него много работы, особенно сейчас, когда приходится качать в два раза больше нефти в связи с поддержанием дневного освещения даже в ночное время, поэтому не может участвовать в мессе. Я же могу решить — или справиться с работой до двенадцати и пойти на богослужение, или не торопиться и спокойно делать то, что мне нужно. Я выбираю второй вариант.

6

Я хочу нанести нашему настоятелю личный визит. В конце концов, я не присутствовал на мессе, а сегодня воскресенье.

Я остаюсь на складе до позднего вечера, немного поделывая работу, немного читая. У меня сложилось впечатление, что Юрек за мной наблюдает, хотя, наверное, мне просто кажется. Наверное, просто интересуется новым сосед, и, возможно, он ещё не взял себя в руки после последних «случаев». В конце концов, он довольно чувствительный.

Юрек прощается со мной в пять часов, когда приходит его заместитель. Я улыбаюсь ему и киваю. Тот пытается ответить взаимностью, улыбнуться, но у него плохо выходит. По мне, у него получилась, скорее, неестественная усмешка. Дед что-то подозревает...

Спустя час я встаю, захопываю книгу. Вешаю рюкзак на плечо, проверяю, всё ли я сделал, и выхожу со склада. Не закрываю его. В нашем маленьком сообществе ведь нет воров. Нет коррупции, наркоманов и убийц. Ха-ха-ха.

Я дохожу до лифта, но решаю подняться по лестнице, обвивающей его, как змея жертву. Тут же останавливаюсь — расстояние между четвёртым и первым уровнями изрядное — но, в конце концов, взбираюсь наверх. Оглядываюсь. Перевожу дух. Идеально.

Часовня находится прямо на выходе из прохода. Останавливаюсь в ней, склоняюсь на одно колено и перекрещиваюсь. Закрываю глаза и читаю короткую молитву. Бог говорит мне, что понимает меня и что сам поступил бы так же.

Поднимаюсь и смотрю в сторону дверей, расположенных слева от алтаря. Мгновение спустя я уже стою в них, ударяя металлическим молоточком.

— Да? — слышу я густой голос пастора Ахима.

— Благослови вас Бог! — отзываюсь из-за деревянных дверей. — Я хотел бы исповедаться. Можно?

— Да, конечно! Заходи.

Протискиваюсь внутрь и тихо закрываю за собой дверь. Святой отец сидит в кресле, читая книгу. Его круглый животик и одутлое лицо кажутся отсюда ещё больше, чем когда он стоял у алтаря.

Помню выходящих из лазарета стариков, подключённых к капельницам, впалые животики детей, бегущих по коридорам и пайки, тщательно отбирившиеся Карлом на складе для повара на кухне. А у этого толстяка есть даже удобное кресло, где он греет задницу дни напролёт, в то время как большинство из нас должно спать на более толстых или более тонких кучах тряпья на полу!

Понимаю, что не ошибаюсь. Ахим может называть себя слугой Бога, но им не быть. А даже если и служит, то не тому Богу, кому мы все молимся каждое воскресенье. Этот ненавидит таких, как он.

Настоятель закрывает книгу и кладёт её на стоящий рядом резной столик. Садится поудобнее в кресле, выпрямляется и предлагает сесть рядом с ним. На пол.

— Пожалуйста, можешь встать на колени здесь, я готов выслушать твою исповедь.

Я неторопливо снимаю рюкзак с плеча, расстёгиваю его и ставлю поблизости. Встаю на колени и делаю глубокий вдох.

Быстрым движением, которого поп не ждёт, достаю из рюкзака пистолет и бью им по затылку ксёндзу. И ещё раз, для уверенности.

7

Поп пробуждается минут через десять, привязанный к пухлому креслу и с кляпом во рту. Я сдёрнул с него брюки, так что теперь он сидит голой жопой на обитом мягкой тканью сиденье, с разведёнными ногами, привязанными к ручкам, как к гинекологическому креслу, с придавленным объёмистым животом пенисом. Отвратительно смотрится.

Пастор глядит на меня испуганно.

— Что? — спрашиваю. — Что-то не нравится?

Тот бормочет что-то невразумительное. Кляп действует, как надо.

— Ты жалок, Ахим, — говорю, — Ты будешь гореть в аду, я знаю.

Умолкаю. Взгляд опять натывается на его обнажённую промежность.

— Ты знаешь, как выглядишь? Гнусно. Так и хочется блевануть. А ты ещё заставляешь этого мальчика...

Слова застревают в горле, и с отвращением сплёвываю их на пол. Воображение подкидывает паскудные изображения.

— Ты такой же, как все. И с удовольствием накажу тебя за это. Ах! Не догадался? Ну, ничего удивительного, чтобы что-то понять, нужно сначала начать думать... Да, это я, — бросаю небрежно, услышав, что поп снова забормотал. — Ты прав, я такой же больной, как и ты. Но меня, по крайней мере, Бог вознаградит. Я знаю, я говорил с Ним. Наградит за то, что очистил остатки венца Его творения от подонков вроде тебя. Карл по сравнению с тобой так, пустяк. Да, он заслужил смерть, скажет тебе любой, кто имеет хоть чуть-чуть своего разума. Но нас осталось мало, а ты портил всё своим невнятным ядом, льющимся по воскресеньям с амвоном. Как тебе не стыдно... Или стыдно? Это хорошо. Карлу тоже было стыдно. Он сознался во всём, был очень кроток и просил меня о прощении. Но я не прощаю, я не Бог. Я отправил его к Нему, пусть Он решит, что делать с его внезапным смирением.

Зефек же, вопреки расхожему мнению, тот ещё кусок дерьма. Ну, скажи, разве нет? Столько лет видеть, что происходит в его собственной семье, и никому ни слова? Даже коменданту? Я знаю, что многого не сделал, такая у нас охрана. Но хоть что-то. И всё же он предпочёл молчать. И наносил вред той бедной женщине почти так же, как его брат.

Немного жаль разве что Бенио во всей этой ситуации. Конечно же, он был в каком-то смысле виновен в избиении жены Карла, но, в сущности, невольно. Единственное, в чём он действительно был виновен, так это в тяге к кайфу. Коррупцированная свинья. Может, и мог бы себе жить дальше, не начни чесать он языком, как пару недель назад, во время его дежурства, я взял себе из оружейной пистолет... — я смотрю на столик, куда недавно поп положил свою книгу. Теперь там лежал нож с большим лезвием, ещё один поменьше, скальпель и пистолет, заимствованный из арсенала. Всего с одним патроном, — просто так, если придётся стрелять. Неизвестно, пригодится ли навык. — Он не должен был этого делать. Но он сделал. Ему стало насрать на все правила, когда увидел «калаш» в моих руках.

И доктор с женой. Правда, у меня для них приготовлен лучший сценарий, но трудный. Эти тупые блюстители порядка сорвали мне все планы, закрыв их в камере. Я не смогу там снова появиться с пистолетом или ножом, не после случая с Зефеком. Ладно, справлюсь. Они получили сегодня такой же пакет, как Бенио. Прямо со склада. Если всё прошло гладко, им выжжет внутренности.

Впрочем, не только им. Яда хватает ещё на четырёх человек, а я решил освободить мир от грехов прелюбодеяния, алчности, зависти и гордыни. Остался только ты...

Внезапно я слышу стук в дверь. Я предусмотрительно закрыл её на ключ, когда оглушил настоятеля, но всё-таки слегка расслабился.

— Святой отец, это я! — я слышу голос маленького мальчика.

Я смотрю с отвращением на попа и подхожу к двери. Приоткрываю не более чем на пять сантиметров.

— Йоргуш... — изображаю мягкий, но серьёзный тон — Йоргуш, ксёндз болен. Не знаю, что с ним, но лучше быстро сбегай к коменданту.

— К коменданту? — удивляется парень. — А не лучше к доктору?

Я смеюсь, взъерошиваю ему волосы.

— Доктор же сидит в тюрьме, забыл? Беги к Норберту!

— А если он... Или ксёндз... умрёт? — спрашивает мальчик, и я не могу оценить, чего в его вопросе я слышу больше: заботы или надежды.

— Не знаю, малой... Лети давай!

Я закрываю дверь и проворачиваю ключ. У меня в запасе несколько минут.

— Вот видишь, — обращаюсь к Ахиму. — Я хотел отрезать тебе твои греховные гениталии и накормить тебя ими, чтобы ты действительно понял, какво умереть от обжорства и порочности, но, наверное, не успею.

Я подхожу к столику, беру маленький скальпель. Священник начинает елозить в кресле и издавать всё громче и громче нечленораздельные восклицания, полные паники. Меня это не волнует. Тряпкой в левой руке хватаю его жалкое достоинство, правой же делаю аккуратный разрез у основания. Ксёндз плачет, кричит. Конечно, сейчас нас услышат. Ну, ничего. Я кладу скальпель на столик и беру большой нож. Одним простым и быстрым движением вонзаю его в живот между пупком и правым боком, чуть ниже печени.

— Это тебя, конечно, убьёт, но настолько медленно, что успеешь всё рассказать в суде, — шепчу прямо в ухо пастора, не обращая внимания на его крики.

Я поднимаю пистолет со столика. Подхожу к двери и поворачиваю ключ в замке. Открываю дверь, не нужно будет вскрывать. Оглядываюсь снова на залитое кровью брюхо воющего ксёндза. Он уже свободен от уз. Ему и так всё равно.

Насилие. Наркомания. Коррупция. Чревоугодие — дважды. Молчаливое равнодушие. Аборт. Блуд. Жадность и воровство. Зависть. Гордыня. Лживость. И педофилия.

Довольно длинный список для такого маленького, идеального сообщества. Но, к счастью, всё уже позади.

Тысяча сорок девятая неделя в шахтах будет трудной для всех. Но чище. А последующие будут только лучше.

Я положил пистолет в рот. Ещё одно убийство. Я дёргаю спусковой крючок.

ПЁТР ЕДЛИНСКИЙ ПАРИЯ

Колдовство, как известно, практикуется на нашей Станции ежегодно, и каждый год, в день Великого Отечественного Гадания, мне с утра приходится сидеть на посту. Я ведь Комиссар, звание обязывает блюсти порядок. Репутация у меня неважная, мол, прогоняю опасных и бедных бродяг, тех, кто рассчитывает увидеть незабываемое зрелище, приходит из тёмных туннелей поглазеть на Колдовство и услышать шёпоты умерших. С теми, кого моя репутация не останавливает, я разбираюсь лично.

Народу собралось тьма. Их гомон бурлит в кишечнике столичного метро. Они идут сюда: труповозы, сталкеры, скитальцы. Идут слабоумные старики и старухи, выглядящие не лучше нашего Парии, идёт первое поколение, которых мы зовём Погорельцами. Вместе с ними шагает золотая молодёжь, не менее подлая. В этот единственный день, на время Колдовства, все, кто пройдёт под моим оценивающим взглядом и проявит достаточную

щедлость, получит радушный приём на Станции. И на это короткое время станет частью моей паствы.

Наблюдаю, затем, потягивая трубку, смотрю на своих людей. Я всё вижу — это моё проклятие и мой дар.

Мои люди бедны: безногий человек качается в дребезжащей тележке, отталкивается культиями, руками тянется вперёд. Бедность — это когорта вшей, сидящих в шевелюре, не знавшей прикосновения ни расчёски, ни ножниц. Это гниющие конечности, гангренозные пальцы, прогнившие зубы, заплесневелые запасы, сухо трещащие артритные кости, подвальный холод и ночлег на голом бетоне. И, конечно, худшая из болезней — та, на которой основано Великое Гадание — надежда, гадкая и навязчивая, как рак. Атакует людей неуверенность в будущем и страх за прошлое, за тех, кто покинул эту юдоль слёз. Они пришли за предсказаниями и голосами умерших. Ну что ж, они их получают. Но это не озолотит их. Меня, впрочем, тоже.

Вот беда: треснул самовар, а Морицу, нашей золотой ручке, крысы отгрызли эту ручку, и некому его заменить. Мундир в талии слишком узкий, под мышками пот, а сталкеры, которым я велел проникнуть на военные склады, не нашли лучшего. Кашель беспокоит иногда, закончились иностранные сигареты, осталась только пачка «Jin Ling» с нашего чёрного рынка с асбестовым привкусом. Но Комиссар должен курить. Начальник должен задавать определённый уровень. Сигарета и форма — признаки статуса. На Станции статус — всё. Особенно, когда дело доходит до Колдовства — и до раздачи подарков.

Внизу идут оборванцы. С высоты балюстрады, утопленной в бетон и кирпич, я высматриваю подозрительных элементов.

— Тот. И тот. И та.

— Так точно, Комиссар!

Солдаты принимаются за работу, умело вытаскивая из толпы означенных людей. Тащат их по лестнице ко мне. У пришельцев горят глаза, чешутся пальцы. Ничего удивительного, потому что манят их все эти не стоящие моего плевок безделушки и воющий, шипящий самовар.

— Имена! — требую я.

Отвечают наперегонки. Трофимский, Гаврилов, Сорокин. Тем лучше для них, что до сих пор их помнят и могут назвать. Отказ от собственной личности — первый шаг к обыдлению, ещё одной эпидемии, что бушует в темноте этих подземных и проклятых районов. Все трое сутулятся и хнычут, а глазки бегают по сторонам. Их смутил вопрос о происхождении, о пути, что они прошли, но истории о поселившихся в метро монстрах я слушаю одним ухом. Во втором ковыряюсь пальцем. Интереснее найду там вещи, чем в блянии перепуганных босяков.

— Отпустить их, — приказываю, наконец. — И дайте мне молодого.

— Которого, Комиссар?

— Да любого! Только не больного! О, вон того!

— А что, Комиссар, позвольте спросить, он натворил?

— Грешок найдётся. Вот, у меня уже есть — улыбаюсь я. — Поймать его!

Доставленным оказался мальчик с идеально ровными зубами. Этим он выделялся среди оравы нерях. Улыбка не сочеталась с его покрытым сажей лицом и прихрамывающей ногой. Сразу видно, что даже не пытался скрываться, и думал, наивный, что ему всё сойдёт с рук. Не он первый прибыл на Колдовство в маске. Некоторые не хотели, чтобы их узнали знакомые — не везде в метро гадание высоко ценили. А те, кто косо смотрел на культ, знаки, подарки и современное суеверие, часто принимались просвещать ближних. Не имея возможности осветить метро, пытались, по крайней мере, рассеять мрак в жалких душах. Но человеческое невежество отступает менее охотно, чем царящая в туннелях тьма.

Я всегда восхищался их мужеством и рвением. Болел за них — но только, если они действовали на других станциях. Когда истребляли там суеверия, люди, вечно жаждущие

чего-то большего, чем дерьмо, цинга и чесотка — потребность в сверхъестественном никогда не исчезнет — после свежей дозы ритуалов подавались на нашу Станцию. Конечно, с рюкзаками и тележками, полными товаров.

У мальчишки, гордого и бесстрашного, находим пачку бумаг. Это не пропагандистские или клеветнические листовки, бумага покрыта свежими знаками плохого качества. Буквы не складываются ни в какие разумные слова. Шифр, очевидно. Мальчик — видно, что начинающий актёр — не позволяет обмануться. Говорит, случайно нашёл, в метро же полно мусора валяется. Верит в величие закона, который олицетворяет мой мундир, погоны, трёхцветный флаг и двуглавый орёл на гербе. Я видел таких умников. Не нужно мне доказательств, я демонстрирую величие — но не закона, лишь самого себя.

— Агитатор! — бросаю обвинение. — Схватить его, живо! В назидание!

Тот больше не скалится, но спрашивает заискивающе, безропотно и фальшиво:

— Но, Комиссар, что я вам сделал?..

— Пока ничего, потому что ты под стражей! Я же вижу, что ты разжигатель! Грязь смоешь, зубками блеснёшь, чувства начнёшь смущать и парольчиками бросаться! А здесь почва плодородная, не каждому ведь выпадает счастливое предсказание, не все довольны прошлогодними гаданиями!

— Комиссар, вы, — осмелился сказать юноша, — всерьёз полагаете, что Ведуны непогрешимы?..

— Молчать! Такие, как ты, у меня на закуску! В карцер его! С крысами, на два дня! И следующий, следующий, давай следующего, пока я ещё трезвый!..

Цепочка пришлых далеко тянется, но я давно придумал, как скрасить время. В матрешке, в самом её центре, внутри наименьшей из фигурок, я держу запас порошка. В малых дозах хватает с головой (и только на всю голову), успокаивает измотанные нервы. В больших количествах, как известно каждому на Великом Гадании, соединяет человека с духами. И мозг, кстати, размягчает. Но, но! Вот он, лёгок на помине. Потянув носом сероватый порошок, будто высыпающую из урны пыль, в моих покоях появляется маэстро и хореограф, некромант и учёный, целитель и доктор, польский романтик и прагматик, которого зовут Анджей, по прозвищу Духолов. Одет в серый халат, непослушные волосы гладко причёсаны, красный нос шумно шмыгает. Лицом он сильно напоминает крысу. Многие замечают его сходство с грызунами. Потому что никто из простаков не ведаёт, что он проводник в мир духов, покровитель Гадания и творец Парии.

— Ого-го, Фёдор! — восклицает Поляк, как всегда фамильярно и без отчества, чего другим, кроме Парии, никогда не позволено. — День только начался, а ты уже нюхаешь? Впрочем, кто не без греха и порошка, пусть первый бросит в меня камень... Тоже нюхну... Потому что тяжёлая у нас доля, ой, тяжёлая, и так каждый год, когда приходит время ...

Прерываю его прежде, чем он успевает разойтись.

— Хочешь чего, Анджей?

Он скашивает взгляд на пар от чая. Пропустив фразу мимо ушей, криво усмехается.

— Подготовка завершена, — говорит он, уже серьёзным и подходящим организатору сегодняшнего праздника тоном. — Все, кроме бочек. Слизь есть, но среди твоих работников царит поразительная беззаботность.

— Что?

— Были там, Фёдор, твои тайные солдаты. Такая из них элита, что истребила реквизируемый самогон, вместо того, чтобы поставить алтарь для Ведуна.

— Я пошлю кого-нибудь с тобой, достучишься до их разума. Успеет. Что-то ещё?

— А, да. Насчёт Ведуна. Или, может, я должен сказать — его матушки?

— Они здесь? Антон Иванович и мать его?

— Ага.

— Приведи их. А сам иди за кулисы и поищи души, Духолов.

Поляк выходит, двое входят. Парень где-то восемнадцати лет, мать на двадцать лет старше, ещё из поколения Погорельцев. Съеживаются и трепещут, хотя знают меня хорошо

— а может, именно поэтому. Я смотрю в глаза Антона, нашего сегодняшнего Ведуна. Челюсть сжата, стоит по стойке «смирно», как его отец, один из моих лучших людей, два года назад скончавшийся от воспаления лёгких или какой-то другой болячки, перед Огнём, ничего не значащим, теперь вечным. Лоб Антона блестит от пота, парень сжимает кулаки, дрожа от волнения, стыдно ему за свою сверхзаботливую мать и её поистине материнскую опеку, какая должна была бы прекратиться со свалившейся на него знаменитостью. Вежливо приветствую его и требую догнать Поляка. Мать знает, что от неё ничего не зависит. Разговор с ней короткий, как и моё терпение.

— Комиссар... — умоляет она. — Вы милосердны... Он не знает, он из молодых, он верит... А я без мужа, и теперь сына хотите забрать, и...

— Сочувствую, — отрезаю. И добавляю, в соответствии с официальным кодексом: — Но Антон нам нужен сегодня больше, чем когда-либо. Его, учитывая опухоли, и так долго не было. Кто знает, может, он при гадании встретит Ивана? Может, с отцом поговорит?

— Но... Комиссар... Вы ведь знаете, что всё это только...

— Знаю, знаю, — заверяю. — Ему тоже, наверное, говорила, а? Сообщила правду? Но он настоял на своём, он доверяет не тебе, а нам. И хорошо. У него не будет возможности передумать. Уведите её, ну же!

Нет покоя Комиссару Станции. По туннелю идут попрошайки и люди со всего метро, те, кто убежал со своих станций, те, кто выжил в пути через сердце подземелья. Вереница грязных, лысых и шишковатых голов никак не кончается. Отправили час назад за водой Игоря — не к мутному колодцу, а тайному, известному только нам, правителям, месту. И уже не проверишь, куда запропастился лентяй, когда в мою каморку проникает настоящий и единственный в своем роде дух прошлых Гаданий.

Пария хихикает сквозь сломанные зубы (большинство обломал о щебень), пугает одним ухом (второе оторвал себе во время собственного Гадания), невидящие глаза страшны. В дрожащих руках пластиковая бутылка, где хлюпает вода, но в этой воде есть тайна и алая кровь. Замираю, окидываю взглядом слепого Парию.

— ...Принёс! — похвастается вонючий неряха, тень человека. — Игорь о воде говорил! К источнику пошёл! Долго, долго он там сидел, и я пошёл за ним, по каналу, а там Игорь купается, и бутылка рядом, я её принёс!

— Хорошо, — отвечаю. На пороге возникает настороженный сержант. — А он? А Игорь?

Пария лишь пожимает израненными плечами. После чего лезет за бутылкой и прежде, чем кто-то успевае́т среагировать, жадно глотает кровавый раствор.

Что он сумасшедший — знал каждый. Что он не всегда был таким — это помнят только Погорельцы.

Пария умер, как и жил — тихо. То, что от него осталось после смерти — смеющаяся оболочка, этот слюнявый футляр и тонкие, эпилептически дрожащие руки — получило бóльшую известность и признание, чем его предыдущие воплощения. На Станции Парию знал каждый. Потому Пария и появлялся всюду. Как правило, без приглашения. Слепого прогоняли ударами и выпадами, приманивали запахом пищи за угол и в коридоры, презирали безумца. Но никто не предпринимал серьёзных действий, чтобы избавиться от него. Мои соотечественники считали, что за отупением Парии скрывается нечто большее. Они подозревали, что за этим стоят души умерших, которых всегда набиралось много на ежегодных Гаданиях. И подозревали правильно. Вот только не духи виноваты в этом — а Духоллов.

Идём за Парией, а тот, безумный калека, ведёт нас уверенно и безошибочно через станцию. Толпа расступается передо мной и двумя моими помощниками, да и Парии не достаётся тумачков. Он расслабляется и смеётся в голос — видно, перешёл в состояние гиперактивности; каждый день всё больше его поглощают волосы и собственные, аутичные или солипсические идеи, даровавшие, правда, в прошлом внезапные просветления. Внезапные и никогда не предвещающие ничего хорошего.

Пройдя платформу, оказываемся на огороженной территории.

Здесь склады и залы, полные добра. Есть клиника, где обычно сидит Дарья Павловна, наша медсестра, бывший кардиолог и яд моего сердца; женщина — нет, дама! — с огненно-рыжими волосами, из-за чего начался наш пылкий роман. Она не хотела быть слабостью или прихотью Комиссара, и всё кончилось именно так — никак. Сейчас ушла на поиск Ведуна. Оружейники сидят в своей мастерской — не идут на Гадание не потому, что они посвящены в их организацию, а из-за своего абсолютного неверия в любые чародейства. Пришли к нам, как закоренелые последователи пороха и свинца, за что я благодарен судьбе.

Дорога к источнику проходит через сталкерское кафе. Из яркого зала доносятся отголоски разговоров, в основном состоящих из хвастовства, непристойностей и бородатых анекдотов.

— ...А это знаете? Когда лысый скучает по расчёсыванию волос, что он делает? Ширинку расстёгивает! Ха-ха-ха!..

— Хе-хе-хе!..

Услышав смех, Пария останавливается и вторит гулко. Я киваю солдатам и захожу в кафе. Меня встречает Родий, самопровозглашенный главарь окрестных сталкеров.

— Комиссар! — тут же рычит. — Зачем пожаловали? Самогону хотите? По мне, он похож на мочу паука! А на вкус, как моча жука! Сталкерский народ требует самогона и Гаданий!..

Умеряю их веселье, призываю к порядку. Они не живут на Станции, но мы проявляем друг к другу уважение и неоднократно сотрудничали; как правило, тогда, когда цели благородны, но методы, которые только им подходят, позорны. Я вежливо прошу сталкерскую банду быть начеку. На слова «заговор» и «разоблачение» собирается весь лихой сброд.

— Не пейте больше, — бросаю на прощанье. — Я дам знать, если подтвердится.

— Почему мы, Комиссар? — спрашивает Родий с притворной беспечностью.

— Потому что вы только что вернулись с поверхности. Вас не могли подговорить. И вы не спугнёте мне дичь.

Через пять минут и две неохраняемых открытых двери мы попадаем в частный станционный оазис. Пария нюхает.

— Игорь, — говорит.

Он прав. Мой человек, посланный за водой, валяется в металлическом корыте. Ему перерезали горло, наверное, до самого позвоночника. Авторитетно утверждаю, что это работа не когтистого монстра, а человека, к тому же не умеющего обращаться с ножом и яростного в своём исступлении. Вода в бочке успела смешаться с кровью Игоря, из красной ставшей почти чёрной.

Киваю помощнику:

— Сходи за Родиём. Вели им действовать.

— Так точно, Комиссар! Что им сказать?

— Что подтвердилось. У нас тут враги Гадания. Серьезнее настроенные, чем предыдущие.

Солдат уходит в спешке, второй осматривает помещение. Находит разбитый флакон, воняющий «химией» и ядом, что подтверждает ещё одно предположение.

Кто-то знал о расположении помещений, это раз. Кто-то вошёл сюда отравить водопой нашей элиты, из-за чего та отделилась бы, наверное, смертельным похмельем. Кто-то, видимо, случайно, зарезал Игоря в приступе ярости и паники, после чего скрылся, бросив планы и тело на произвол судьбы. Поступил этот незнакомец по-дилетантски и потерял хладнокровие, хотя цели были, в его представлении, возвышенные и амбициозные. Я знаю таких. Видел неоднократно. Того же поля ягоды, что и арестованный с утра агитатор, тот просветитель душ. Когда до них доходит, что к чему, а нож уже в теле, руки обагрены в крови, каждый теряет вдруг свою хваленую рациональность и трезвость рассудка. Чего можно ожидать от любителей?

Солдат сразу же докладывает, что нашёл разбитое стекло и стёртую пыль. Мотаю головой. Сомнительно, что злоумышленники до сих пор не прознали обо всех закоулках организма Станции. Есть только один человек, который исходил все подземные вены и артерии и знает их назубок. Смельчак, что на заре нового времени помогал в колонизации и установлении нашего правительства, сыграл важную роль в создании традиций Гадания, когда наткнулся на лабораторный вагон и вскрыл его. И это он первым пошёл в огонь, как всегда бесстрашный, потому что его не брали пули и когти.

К сожалению, поглотил его огонь Гадания. И сгорел он почти дотла, оставив нам вместо себя лишь Парию.

Пария, засев в углу, облизывает пересохшие губы. В руках держит таракана.

— Сбежали, Комиссар!.. — шепчет безумец. — Поймать надо этих тараканов, Федька! Поймать и раздавить!

Затем, чтобы не быть голословным, сильнее стискивает насекомое и сминает его чёрными зубами.

А я сегодня готов давить. Вспоминаю Антона и его скулящую мать, возникает идея. И для сегодняшних оборванцев предвижу наказание значительно жёстче.

* * *

Вот так — по бедности — отделяем зёрна от плевел.

Отбор проводят сталкеры. Ходят мимо собранной на Станции толпы, высматривают своим бодрым взглядом, исследуют чутьём, выработанным на поверхности, все изъяны. Раньше говорили, есть две крайности: новички либо будут подавлены тяжестью собственной бедности, либо, наоборот, переполнены надеждой, готовые взмыть под потолок, словно шарик, надутый гелием. Нетрудно, таким образом, отбирать из этой черни тех, кто держится между двумя крайностями. В камуфляже собственной юношеской самоуверенности незваные гости притихли в человеческой чаше и уже думают, что с ними сделают, какие обвинения бросят, как бы выкрасть секреты Гадания. В то время как в северном конце платформы заканчивают собирать возвышение для круга будущего Гадания, всё пространство станции занято людьми так плотно, что яблоку негде упасть, а солдаты проводят опрос и проверку. Как только закончится первый этап, смутьяны сознаются. Не перед моими формальными подчинёнными, а перед посланными давить сталкерами.

Первого подрывателя — совсем юнца — хватают в ларьке, где торгуют всем подряд, где валюта жителей станции пополняет карманы наших торговцев. Глаза подростка горят при виде некоторых товаров, и, лишившись на мгновение здравого смысла, он раскрывает себя перезвоном патронов. Обысканный, с найденными у него несколькими листовками, что призывают отвергнуть суеверия и незаконное присвоение себе Гадания, ребёнок бледнеет, как будто увидел кровожадного мутанта. Его друг, большой плут, ошивается вблизи жилого сектора. В руке у него — начерченный по линейке план. В рюкзаке — динамит, прямо как в американских вестернах, которых он, наверное, в жизни не видел. Схваченный, громко кричит обо «лжи» и «отвратительных Гаданиях», но удар прямо в почки заставляет его согнуться калачиком. Третий и четвёртый находятся сами. Почувяв провал, пытаются бежать. Проталкиваются к туннелю, откуда тянутся бродяги. Беглецов ловят Родий и его команда прямо у блокпоста, где так и так они наткнулись бы на часовых.

Всех загоняют в самые дальние камеры, куда доступ имеет ещё меньше народу, чем в тайное хранилище наркотиков или к другому источнику воды. Все молчат. Отдаю приказ отыскать пятого члена шайки, этого смельчака, что раньше, в кабинете, показался мне подозрительным. Теперь у меня есть уверенность. Ибо у всех обнаруживаются бумаги с такой же зашифрованной печатью.

Я не разговариваю с ними. Двоих велю вывести, остальных оставляю в темнице.

— Наручники и кляп, — приказываю. — Мы идем к Духолову.

— Комиссар... Но он сейчас в закрытом отделе, Антона просил уже привести...

— Антона отправим. Это счастливый день. Для его матери, по крайней мере. А эта парочка... Они хотели испортить праздник, заглянуть за завесу мистики. Так уж и быть. Пусть заглянут. Если бы даже могли - а вскоре не смогут - никому уже не скажут.

* * *

Это Анжей Духолов придумал Колдовство. Давным-давно, на втором году после заселения Станции. За точку отсчёта избрал какое-то свое стихотворение, которое не забылось даже после Гибели. Кое-что, сказал он, бессмертно и не исчезает ни в атомном огне, ни многолетней зимой, ни из-за нашествия мутантов. Как, например, надежда и вера. И лицемерие, хотя он этого не добавил. Всегда он был полон противоречий, но в целом его можно описать так: он гроссмейстер самообмана и человек, неспособный увидеть себя в зеркале. Это может показаться странным, но других он видит насквозь.

— Ах, Комиссар! — ужаснулся Духолов при виде моих пленных. Рядом с ним стоял Антон, но он не улавливал моих намерений. — Правда! Все сделано, Антон готов, он попрощался со своими... Ёмкость заполнена, процедура готова к старту... Правда...

— Антон, — говорю. — Давай! Вернись к матери.

— Комиссар... Умоляю... Я хочу помочь нашим, мне и так Дарья Павловна поставила диагноз, мне меньше двух лет осталось. Я хочу, хочу стать Ведуном!..

— Молчать! Взять его! И чтоб сидел тихо, «под замок» этого неблагодарного ребёнка!

Когда обругал солдат и Антона, на душе полегчало, и я велел посадить заключённых у стены. Оттуда открывается вид на весь зал Гадания. Что они видят? Ёмкость из закалённого стекла, частично погружённую в пол. Острую белизну флуоресцентных ламп. Костюм с иголки. Видят и Духолова, раздетого и напевающего какую-то польскую мелодию, пока ходит кругом, проверяет аппаратуру и подметает пыль своим лабораторным фартуком. Этого-то, наверное, и ожидали — бесчестного мухлеза, затёртой, банальной истины. Что-то, правда, они не рады.

— Гм-м... Фёдор... Если ты кого-нибудь из них хочешь... Нет времени разбираться, нет времени испытывать...

— Да к чёрту их, — отвечаю.

— Это риск... Ещё сломается, скажет не то, что мы приготовили на этот год...

— То есть, что мёртвые сочли подходящим? Может, и так. Пусть и нас удивят гада-нием, хотя бы раз.

— Антон был бы хорошим... гм... медиумом...

— Хорош болтать. Давай того, что справа! А тот, другой, пусть смотрит! За работу, Духолов!

Ведун не берётся из ниоткуда. Ведуна создаёт Духолов. Хотя сам он называет Гадание «наследием предков», для него необходима помощь науки. Сперва испуганный подросток оказывается на операционном столе. Затягиваются ремни. Если бы это был Антон, доброволец, убеждённый в серьёзности своей заслуги, помощники Поляка были бы осторожнее. И притворялись бы до конца.

Шприцы. Полученный порох. Закрепление скобами. Инъекции успокоительного. Потом подключают к аппарату искусственного дыхания и погружают брыкающегося пациента в ванну, наполовину заполненную серебристой мазью. Её поверхность, ровная и спокойная, выглядит как ртуть.

Окунания я видел неоднократно. Я наблюдаю их каждый год. Меня не пугает вид закреплённого и погружённого в серебро узника, который устраивает бурю в ёмкости. Когда его перечёркнутое страхом лицо окунается, одновременно из пола выдвигаются тяжёлые пластины, механизм трясёт, из бронированного бака не доносится ни звука.

Остаётся только ждать, пока бедняга, запертый в звуко- и светонепроницаемой камере, не услышит голоса. Не обязательно умерших.

— Сенсорная депривация, — обращаюсь к другому подрывателю, с кляпом во рту. — Отключение от чувств. Когда-то использовали сульфат магния, сейчас мы используем то, что здесь видите. Какая-то военная смесь, ещё до Катаклизма. Как видите, в... ритуале... нам не нужны ни соль, ни кишки животных, ни кровь девственницы. Достаточно немного наркотиков, четыре часа в резервуаре, вне мира и тела, а потом немного нейропрограммирования, чтобы получить гадание. Что так смотришь? Ты ещё удивляешься обману? Нет, не думаю. Наверное, тебя удивляет, сколько мы вкладываем в наше... гадание. Могли бы сразу взять идиота или эпилептика. Мало таких? У нас их немеряно. Но наш фокусник, этот самый Анджей, действительно верит, что удастся через изнасилование ума вытянуть из чело- века что-то иное. Что-то за пределами его способностей... Пока не удалось.

Пленник взмок — пока только лицом.

— Предвидение, — продолжаю, — то есть, видение будущего, может быть, станет когда-нибудь возможно. Мало ли чудес в решетке? Мало ли невиданного? Полно! А исследования сами себя, так сказать, окупают. Вот, Великое Отечественное Гадание. Это лишь название, да? Но подходит! Метро — наша малая родина, а говорят мёртвые люди с той родины, что когда-то была на поверхности... Хотите что-то сказать? Выньте ему кляп. Пусть говорит.

Но узник, смахивающий на испуганного кролика, не может вымолвить ни слова.

— Ничего! — вздыхаю. — Я заставлю тебя говорить. Признаешься?

При виде листовок, заполненных якобы бессвязными строками, тот качает головой. Его выдают глаза. У нас ещё есть время, и я знаю, что мой монолог превратится рано или поздно в диалог. К субъектам — объектам! — допроса я отношусь, как к матрёшкам, кото- рых необходимо раскрывать и обнажать вплоть до последней из них, самой крошечной.

Переходим с допрашиваемым в соседнюю комнату. Недолго ждём. Даже поспать не удаётся, а парень, наконец, раздражается словами. Он даёт ключ к зашифрованным сообще- ниям. Я жду, пока кто-нибудь из моих помощников не перепишет медленно первый абзац. В нём информация о контактах, предназначенных обеспечить лазутчику выполнение его разведывательной и диверсионной миссии.

Мой помощник читает по очереди имена. Болезненны для меня эти откровения.

Я всегда изображаю Комиссара, не ведающего пощады. Когда-то, вначале, было больше притворства, чем правды. Ведь даже у НКВД-шников были человеческие лица, за исключением того, что они жили в большом, просторном мире. А на станции, существуя в таком маленьком сообществе, нельзя перед одними притворяться, а перед другими — нет. Вы не можете играть, разве что перед самим собой. Нужно отточить игру до предела, только иногда позволяя себе нелогичные выходки и милость, какую я оказал Антону.

— Д... — солдат читает очередное имя. — а... р... нет, рь... я...

— Хватит, — прерываю. — Хватит! Дело ясно. Если хоть за одним из зачитанных стоит грех, вы все обречены на изгнание...

— Мягкий приговор, — поводит носом прислушивающийся Поляк. — Ой, Фёдор, слишком мягкий...

— ...изгнание в загробную жизнь. Чтобы они ушли в меру тихо и все вместе. Приве- дите ко мне Родия.

— Все, Фёдор?..

— Все. Только не говори, что чем меньше остаётся в мире людей, тем реже хочется видеть смерть. О, нет. Наоборот. Потому что чем нас меньше, тем выше ответственность одного человека. И каждый спасённый, помилованный враг готов отомстить. И слишком мало у нас хороших, надёжных людей, чтобы мы рисковали головой.

Поляк не спорит. Возвращается в лабораторию, наблюдать за работой.

А я жду прихода Родия, исполнителя моей работы.

* * *

Узник проводит четыре часа в невесомости, отрезанный от тела, без сенсорных раздражителей, в противостоянии с собственными видениями.

После этой четырёхчасовой вечности утопленника вылавливают из камеры. Набитый наркотиками, очумевший и ослеплённый той мазью, он подвергается всем процедурам Духолова. Ему всё равно.

Его беда не производит на меня должного впечатления. Я знаю, что скоро его страдания закончатся. Лишь один за все время показал силу духа (если у него ещё есть дух), достаточную, чтобы держаться за жизнь после долгого эксперимента. И жив до сих пор. Изгой, сумасшедший — Пария. Мой бывший друг, сооснователь Станции, обладатель гадательного оборудования и его первая добровольная жертва.

Вдруг понимаю, что не знаю имени человека, которого только что выудили из серебряного раствора. Впрочем, хрен с его именем! Теперь он Ведун. Не первый. И, к счастью или к сожалению, не последний.

* * *

Страдальца из ёмкости уже несут на сцену.

Я сижу позади, рядом с ещё одним юнцом, сбитым с толку, будто сам он едва вышел из депривационной камеры.

— Наверное, ты не веришь, — говорю я ему, — в поиск контактов с загробным миром. Я тоже не верю. Это одержимость Анджея. Духолова, то бишь. Я вижу в Гаданиях что-то другое. Скажешь такому Ведуну, соответствующим образом подготовленному, несколько общих слов и замечаний, дашь ему ключ, и он будет говорить всё, что захочешь. Здесь собрались люди со всего метро. Таким образом, мы можем управлять настройками. Путать слухи, создавать новые. Всё ради того, чтобы Станции было легче... Что? Это не то, что ты хотел спросить?

— Где... где?..

— Твой дружок? А там. На сцене.

— Вы что... принесёте его в жертву, замылите людям глаза? Как какие-то языческие священники?..

— Замылим глаза. Но жертву? Хватит, одна уже принесена. Сам Ведун.

— Он — Ведун?.. Он не дастся! Он будет бороться, как всегда...

— Неважно, кто был твой друг. После ванны, наркотиков, гипноза он наш.

* * *

Ведун начинает гадать.

Первое гадание вызывает рвоту, сводит с ума, возникает каскад мутных ассоциаций. Это борьба с избытком раздражителей, от которых наш ведун был отрезан.

Ведун в ужасе висит над сценой, как муха в паутине. Вокруг толкается толпа. Ведун начинает рычать и прочищать горло. Потом все идёт по инерции. В затуманенном наркотиками и гипнозом мозгу возникают картинки. Они превращаются в искалёченные слова. Со временем те приобретают вес и значение.

Люди слушают. Ведун говорит. Как бы не обращая внимания на их присутствие.

— ...Огонь... в отвесах огня... Дерево, дерево! Перевернутое!.. С кроной внизу, в пропасти, в огне! А мы, мы в корнях дерева, в корнях ада, нас связало, зарыло, ад пьёт из нас соки, а туннели, туннели — это ветки, вены такие, и наша кровь, кровь по ним льётся вниз, вниз, вниз, вниз, только вниз!..

* * *

Я так думаю, что плохой будет нынешний год, 2033 год нашей эры. Как если бы мы были снаружи, слушали апокалиптические пророчества. Должны бы уже привыкнуть. Если даже, несмотря ни на что, всё ещё рассчитывали на улыбку судьбы и лучшие дни.

Комка в руке список заговорщиков, я киваю Родию. Сталкер идёт вместе с моим помощником, который должен помочь ему определить цели. Чёрной работой займутся сталкеры; их присутствие не спугнёт заговорщиков.

Плохой это будет год, повторяю себе, но для изменников и предателей. И хороший - для всей нашей Станции, которая очистит себя от этого сброда. Чистка, вот, что нам нужно. Не по-режимному большая, необязательно по советскому образцу. Но без возможности оспорить. Без возможности обжаловать. И, разумеется, без всякого сожаления.

* * *

— Ведун! — кричит Духолов. — Ты молвил об узреть! А теперь... Теперь пусть через тебя говорят умершие!

— Умершие?.. — повторяют губы Ведуна. Губы, потрескавшиеся и изгрызенные, кровят, как у вампира. — Умершие... Они, они... Тысячи их. Набиты плотно, как крысы вокруг падали... Мёртвые, я слышу их!..

По кругу разносится ураган шёпотов.

— Слышит!

— Говорить будут!

— Мёртвые заговорят!..

Ведун, живая марионетка, кукла на сцене, раскачивается всем телом, раскрывает рот от уха до уха и таращит невидящие глаза.

— Я слышу! — завыл он. — Я слышу мёртвых! Вас, я слышу вас!

* * *

Дмитрий Степанович, помощник оружейника, погибает первым. Ударный отряд сталкеров ловит его в мастерской, он ждёт с оружием наготове своих товарищей. Дмитрий защищается. Недолго. Производство и техническое обслуживание винтовок не гарантирует стрелковых навыков. И иммунитета к отравлению свинцом.

Уверенные, что список - не подделка, сталкеры идут дальше.

Сергей, называемый Виночерпием, местный бармен, что пришёл когда-то с одной из политизированных станций, погибает вторым. Увидев Родию во главе исполнителей, пытается оправдаться. Усилия его тщетны.

Сталкеры спокойны. Незаметны. Привыкли избегать монстров там, на поверхности, и многое сами успели узнать от мутантов-охотников. Отмечают следующие позиции в списке. Зачисткой и сбором доказательств постфактум займутся мои солдаты.

И они идут, идут дальше. Никто не слышит, не видит их.

* * *

— Мёртвые... Я слышу их... Слышу!.. Скребут ногтями по крышке гроба... Скребут остатками пальцев... Они над нами и под нами, тела лежат на земле и в золе, и в ветре, и в облаках кладбищенских! Хотите послушать мёртвых?.. Ведь вы сами, как и они, умерли! Вы, вы покойники! Пададь! Вы сдохли, сгинули, спустились в метро и исчезли из этого мира! Глупцы! Мы все — призраки! Наши кресты — скелеты небоскрёбов! Надгробия — тротуарные плиты и асфальт дорог! Живьём похоронены — а значит, мертвы! Вам жуки уже сожрали глаза, черви возятся в глазницах, поэтому вы не видите, поэтому слепы к правде! О, вруны! О, лжецы!.. О, наивные!..

* * *

Дарья Павловна умирает последней. Её не убивают на месте. Может, потому, что не хотели повредить одну из лабораторных колб или ряд пробирок. Выведенная под надуманным предлогом наружу, она, думаю, успевает ощутить холодное дуло, приставленное к затылку, делящееся долю секунды давление, вес вылетающей пули.

У неё, о чем сообщают мне позже помощники, истощённые после дня, полного перебора хлама трупов, не нашли доказательств сотрудничества.

Упокой, Господи, её душу.

* * *

— ...на Гадание пришли, притащились через катакомбы, чтобы слушать тех, кто ушёл, потому что сами боитесь уйти, потому что боитесь ухода, вы же трусы! Вы пытаетесь бороться с падальщиками, монстрами их почему-то зовёте, а ведь эти мутанты, эти уроды и чудовища, только порядок хотят вернуть на кладбище! Вас, вас, беспокойных мертвецов, нужно вернуть в могилы! Из пыли возникли, как было в начале, так будет всегда! Как и должно быть, так будет, и не поможет ни ёрзанье в гробу, ни бродяги на кладбище, ни расхитители гробниц! Гадания? У вас есть свои приметы! Лопата, земля, личинка! Череп, кость и кровь! Дырявая грудь, вырванное сердце! Это вам суждено! В могилы, богохульники! В могилы, безбожники! Воды вам захотелось — вам писано гнить в вонючей воде! Грибов, грибов хотите — заплесневелые, как писано, вам будет дано! В могилы! За лопатой! Могилы! Лопата! Лопата-ата!..

Ведун громко кричит, а толпа бурлит и отвечает отдельными возгласами, значительно тише. За кулисами в этом бедламе, в злобном гомоне, не движется никто из собравшихся. Кроме юнца. Этот, однако, делает хорошую мину при плохой игре, последняя партия потихоньку проясняется в голове — хорошо нагадал своё ближайшее будущее, так что подойдёт идеально.

— Не бойся, — говорит, возвращаясь в комнату, Духолов. Зажав уши, с ноткой недовольства в голосе, добавляет: — Чёрт, я слабак. Терпеть не могу личные гадания.

— Перерыв, — велю я. — Что вы стоите? Марш на сцену, снимите его!

Солдаты покидают комнату. Духолов подсчитывает что-то на пальцах, бормочет что-то на польском, читает, наверное, фрагменты этого своего стихотворения. Бью нашего пленного-подопечного в спину. Как будто в бетон стучал, так он напряжён. Юноша, хоть и связан, высоко подпрыгивает. Вопреки намерению, теряет настрой, пот выступает на висках, а сердце издаёт дребезжащий звук винтовочной очереди.

Я не собираюсь его успокаивать.

— Берите этого, — говорю я, а сам встаю, не глядя ему в глаза.

— Комиссар, Комиссар... Господи, помилуй!..

— В мазь его!

Пленник корчится, кто-то вставляет ему кляп, по знаку Духолова грузчики хватают будущего Ведуна и тащат к камере, их шаги глухо барабанят по полу.

— А ты, Духолов, — говорю, — закончи начатое. В этом году Гадание твоё... Всегда было.

Анджей Духолов, подняв палец, мотает головой со всей серьезностью.

— О, нет, — говорит он. — Нет, нет, Фёдор. Не увиливай. Ведь мы оба знаем, что и Гадание, и Пария, что оба они всегда были нашими общими творениями. Не лишай себя заслуги, Комиссар, даже если хочется.

Хотел бы. Но знаю, что если бы мог, я бы не отрёкся. Благодаря этой заслуге у меня есть преимущества. Я могу лишь закрыть глаза и отвернуться. Не я первый. На Станции больше одного слепого.

Двигаюсь пустыми коридорами. Затихает шум станции, прекращает дрожать земля, исчезают духота и тепло, излучаемые сотнями тел. Я больше не слышу ни разговоров, ни перешёптываний изумлённой толпы. Боковой туннель погружён в тишину, его освещает только медленное мигание слабеньких бледных ламп. Я дохожу до блокпоста в конце отвления, за которым скрывается плотная стена. Он был построен в начале моего срока, когда я чаще защищал нашу родную Станцию, чем извлекал прибыль из сложившихся суеверий. Подавленный дежурством в карауле солдат сидит на шатком стуле. Руками опираюсь о поломанный трёхногий стол и покачиваю его. Точечный прожектор бьёт в неровную и изъеденную временем стену, в стену, которой отгородились от неизвестного, пришлось из двух зол выбрать меньшее, то есть человеческое.

Одни заговорщики пойманы, другие убиты. Всё прошло, как по маслу. Как обычно, как каждый день в течение двадцати лет, когда дело доходит до вопросов безопасности Станции. Приелись уже эти триумфы. Не заслуживает этого подземный мир! Хотелось бы иного конца, чем стать ветхим, скучным духом. Могилы и лопаты...

Как по команде, появляется один из самых первых дьяволов. Жертва жертвенного ритуала, передовик нашего станционного оккультизма. Казалось бы, возникает из ниоткуда. Шатался, наверное, по вентиляции и канализации, где ходит и ползает только он. Останавливается у подножия блокпоста. Поворачиваю прожектор. Свет бьёт прямо ему в глаза, отбеливает желтоватое лицо. Пария, почуяв тепло и сияние, задирает голову. И скалится широко, искренне, гнилозубо. Узнаёт меня — может быть, по тяжёлому дыханию, может, по алкогольному запаху, может, по громоханию орденов, которые я сам себе дал, — и распознает во мне своего. Если бы не коснулась его слепота, он увидел бы того, чье отражение вижу в его глазах я. Он увидел бы второго парию, только празднично одетого и хорошо питающегося, забальзамированного годами у власти и слизывающего со своего титула сливки.

В этом укромном уголке, на окраине Станции, нас сейчас двое — пара босяков и страдальцев. Потом Пария щёлкает зубами, хихикает гортанно и отпрыгивает в сторону, где сливается с тенью. Я сажусь тяжело на табурет — дерево скрипит и грозит сложиться — оглядываю станцию. Жду. Гадания быстро не закончатся. Пока хватит сил молодому идеалисту, этому Ведуну, жертве облавы, пока не прогниёт его мозг, а мысль не заблудится на перепутье, где терпит неудачу язык, он будет говорить и говорить, будет стряпать дикие истории, будет давать безумные благословения склонившейся публике, будет вплетать и вплетать в головы слушателей мысль, закатав рукава, в болоте бреда и чуши находя лазейку, утешение, панацею от собственных бед.

Для Беды, Госпожи Туннелей, существуют различные определения. Я читал многие. Что беда нас объединяет и уравнивает — или, наоборот, что каждая беда иная, и каждая плоха по-своему. У меня нет собственного мнения. Зрелище нищеты и отчаяния не тронет меня до конца моей жизни.

И это моя беда.

1—7 августа 2015

АННА ВОЛОШАК-ТОМАШЕВСКАЯ ХЕКСЕНГРУНД

Монотонный шум смешивался с тусклым, словно приглушённым голосом моря. Беата закрыла глаза и осторожно тронула ручку радио, другой рукой прижимая к уху трубку. Но эфир по-прежнему безмолвствовал. Она вздохнула и повернула немного антенну. Снова вслушалась в шипящую тишину.

— Устала? — заговорил, наконец, Чижик, некоторое время бездумно глядевший в полуразрушенную стену.

Беата покачала головой, но в благодарность за заботу послала мужчине улыбку.

Он не был намного старше её — всего на пять-семь лет. Но на радиостанции засел, наверное, сразу же после всего, как только устроились в туннеле. В начале это было просто хобби — способ как-то занять восьмилетнюю девочку, чтобы время, проведённое под землёй, не тянулось столь тяжко. Но Чижик сделал из этого хобби искусство. И, да, как обычно происходит с искусством, он возвёл его в ранг всепроникающей идеологии. Беата, как самая младшая в группе, могла его когда-нибудь заменить.

— Всё, хватит, — вмешался рыжий болезненный человек, сидевший, опершись о грудь проржавевших, брошенных в углу рельсов. Чёрный костюм химзащиты был для него слишком просторным. Противогаз искажал голос, но и так можно было услышать его низкий, мягкий тембр. — Беата,пусти Чижика. Надевай маску и перчатки. Твой отец убьёт меня, если начнёшь светиться.

Девушка, хотя и помедлив, выполнила команду.

— У нас должен быть комплект для каждого, — тут же буркнул Чижик, принимая наушники.

— Но у нас нет, — ответил рыжий, пожимая плечами. — В нашем рационе должны быть овощи, и что с того?

Приближалась полночь. Плывущие по небу облака постоянно грозили дождём, от которого не могли защитить остатки стен, потрёпанные временем, с покрашенными кое-где окнами. Влага собиралась в трещинках бетона и на кончиках торчащих фрагментов стального каркаса здания. Вокруг пахло гнилью. Окружающее торпедный завод чёрное зеркало воды наводило на мысль скорее о море дёгтя, чем о рваных игривых волнах Балтийского моря, о котором Беате рассказывал отец.

Вообще ничего на поверхности не напоминало отцовские рассказы.

Полковник с отсутствующим взглядом описывал дочери голубое небо с редкими облачками, глубокую зелень моря, ветер, что нёс запах соли, — а когда Беата впервые вышла из туннеля, застала лишь болезненно изогнутые, покрытые багровыми наростами ветви, твёрдую, потрескавшуюся землю и жуткое мяуканье на грани слышимости.

С этой выходки прошло совсем мало времени, и Беата узнала, что поверхность больше, чем ей казалось поначалу — и всё равно она выглядела совершенно не так, как ожидала девушка.

Чижик откинул волосы и надел наушники. Видно было, что он живёт радио. Стоило ему погрузиться в эфир, с ним обрывался всякий контакт. Когда-то ещё Беата пыталась к нему обращаться во время дежурств, таких, как это, но потом перестала. А Чижик закрывал глаза и вслушивался в глухой шум, как в прекраснейшую музыку. Было ощущение, что ему больше и не надо — будто возможные сигналы, что они искали, могли только испортить ему эту гармонию глюков и сокрытия.

— Видимо, Роберт убил сегодня кошку? — произнесла Беата, не выдержав тишины.

Симон вздохнул фильтрованным воздухом и повернулся к девушке, едва видимую из-за поцарапанных стёкол противогаза.

— Убил, — подтвердил чуть погодя.

— У нас, в туннеле? Или когда собирал дрова?

— У нас, — в голосе Симона сквозило напряжение.

Кот в туннеле не предвещал ничего хорошего. Либо кто-то забыл закрыть все входы, либо намеренно пронёс — только зачем? Для экспериментов? Единственным человеком с научными наклонностями был Симон, а он, в свою очередь, панически боялся мутантов. Никогда не допустил бы, чтобы кто-то из них ворвался на территорию их убежища.

— Плохо, что мы отказались от стражи, — заявила, в конце концов, Беата.

— Плохо. А кто будет её содержать? Твой отец или, может, кто-то из нас? А Чижик сидел бы здесь один, ведь от туннеля всего километр? — возмутился рыжеволосый.

— Ой, ладно, это я так... — и она ушла.

— Ага. Все «это я так». А зачем кому-то такие разговоры? Давайте сосредоточимся на проблемах, что мы можем решить, а не...

— Хорошо, хорошо. Что на тебя нашло? — Беата пожала плечами и замолчала.

Некоторое время молчал и Симон, но, в конце концов, ответил:

— Не знаю, как долго смогу держать твоего отца. А Майка с Робертом не слишком полезны. Как не хватает Сташека...

Она не ответила. Вообще потеряла желание говорить.

Она знала, конечно, что её отца ждёт неминуемая смерть. У них не было сомнений, что на поверхности всё ещё есть вредное излучение. Оно есть. Лучшее доказательство лежало сейчас на койке в землянке под туннелем, с глубокими ожогами, кровавыми пятнами по всему телу, почти ослепший, и редко когда в сознании. Последнему как раз радовалась — по крайней мере, он не замечал, что она перестала к нему заглядывать. Просто не могла себя преодолеть. В начале ещё посещала, сидела рядом и молча проводила целые часы. Больше не могла. Чувствовала себя из-за этого ужасно, как бессердечная дочь, что не хочет быть с отцом в его последние дни, но это охваченное болезнью тело вызывало в ней непреодолимое отвращение.

— Поспи. Скоро двинемся, — предложил Симон, когда Беата, сморенная сном, зевнула в очередной раз. Та покачала головой, но вскоре почувствовала, как глаза у неё слипаются.

— Что ты вчера делала? — спросил рыжеволосый.

Девушка пожала плечами.

— Приведи себя в порядок, девочка. Тебе уже не пять лет, — добавил с упрёком, хотя и не особо убедительно.

Он слишком хорошо помнил своё детство, как бегал босиком по пляжу, взбирался на деревья, а в немецкие туннели совался только затем, чтобы изучать их, чувствовать трепет и прятаться от взрослых. Беата не имела такой роскоши. Он чувствовал себя, как последняя свинья, когда вырывал у неё какую-то старую книгу, которую прятала под одеяло, чтобы читать, когда должна спать. Но так надо. Нельзя уставать, конечно, не перед вылазкой на торпедный завод. Ведьмы только и ждали. Ждали их ошибки.

— Иди спать, — повторил он, на этот раз более жёстко. У Беаты не было сил сопротивляться. Бормоча что-то под нос, свернулась в спальном мешке, сунула рюкзак под голову и впала в лёгкий, прерывистый сон.

— Я что-то слышу!

— Как это?..

— Правда! Слышу! Давай!

Волнение и нервный шёпот, которые от любого импульса могли превратиться в полные волнения крики, разбудили Беату. Протерев глаза, она села, потом моргнула и склонила голову, как птица.

— Что происходит? — спросила она безучастно, с трудом выуживая из бездны сна собственное сознание.

— Я слышу! — прошептал Чижик.

Его глаза горели лихорадочным блеском, а лицо, казалось, сияло. Товарищи никогда его таким не видели, но когда до Беаты дошёл, наконец, смысл его слов, перестала чему-либо удивляться. Выбралась из спального мешка, подошла к радисту и впиалась ему ногтями в плечи.

— Дай послушать! Это они?! Это правда они?!

Попыталась вырвать наушники у Симона, который как раз с прикрытыми веками вслушивался в далёкий шум, но тот успел увернуться и зашипел с упрёком.

— Тише, — велел Беате Чижик. — Сейчас получишь.

— Я должна проверить! Это моя работа! Дай мне!

— Успокойся, я отключу радио, если придётся, — радист принял жестковатое выражение лица. — Не мешай.

Беата нахмурилась. Она терпеть не могла, когда её считали глупой малышкой. Она же не кто попало! Её семья уже несколько поколений покоряло небо! Её прадед был в космосе! В ней текла та же кровь первопроходцев — кровь, не любящая застоя. Девушка, наконец, послушно остановилась и замолчала.

Старший из мужчин медленно кивнул. Его мечтательный взгляд блуждал между товарищами и редкими отверстиями окон в разрушенных стенах. Почти неосознанно он протянул руку с наушниками, которые девушка тут же вырвала, и сдёрнув противогаз, попыталась настроить.

— Это они! Это правда они! — воскликнула, наконец, она, прежде чем кто-то успел закрыть ей рот.

— Тс-с! — шикнул на неё Симон.

— Знаете, что это значит? — Беата, казалось, вообще не услышала рыжеволосого, но понизила слегка голос. — Всё закончится! Мы отправимся с ними туда, где нет ведьм и кошек! Мы будем жить, как прежде, на поверхности!

Чижик смог вернуть наушники, сел на своё место, за радио, и переключил канал на трансляцию. Вскоре стал сосредоточенно пускать не слышные людям из торпедного завода сигналы в сторону моря. Но вдруг остановился и резко моргнул. Повернулся к смотрящим на него Симону и Беате.

— Что такое? — спросил врач.

— Оно... оно не работает, — ответил Чижик, нахмурившись.

— Как это не работает?

— Как обычно. Нет сигнала.

Чижик встал и стал осматривать радиостанцию: сначала просто так, глянул с двух сторон, затем встал на колени за устройством и стукнул кулаком в корпус. Винты, видимо, довольно давно уже проржавели, потому что стальной лист дрогнул и отвалился.

— Упустили! — простонала Беата, бросив полный мольбы взгляд на Симона.

— Да не, — вмешался младший из мужчин из-за устройства. Минуту помолчал, затем встал и вздохнул. — Они далеко. Плывут в нашем направлении, довольно медленно. Вечером всё ещё будут в зоне досягаемости.

— Что такое? — спросил врач.

— Может быть, пришло время. Может, радиация. Не знаю. Ничего пока неизвестно, — ответил Чижик. — Давай вернёмся к себе. Вечером Роберт возьмёт инструменты. Вдруг разберётся. Светает.

— Вечером? — удивилась Беата. — Мы должны ждать до вечера?

— У нас нет выхода, — вздохнул Симон.

— Может, пустим «сигналку»?

— И привлечём внимание всех, кто прячется по углам по всем Бабьим Долам? С ума сошла? — врач покачал головой. — В туннель. Немедля.

— Но... но вы знаете, о чём мы говорим?! Это «Ожел»! — Беата в очередной раз повысила голос, но сразу же осеклась и умолкла, избегая взгляда Симона.

Тот лишь покачал головой и сжал пальцами переносицу.

— Ты не знаешь, чем был... чем остаётся для людей «Ожел», — начал он, но девушка резко его оборвала:

— Конечно, знаю! Это наше спасение!

— Ты понятия не имеешь, — отрезал доктор. — Всё это старше тебя. Старше, чем можешь вообразить. Не учи нас, что такое «Ожел». Мы знаем это лучше тебя.

— Неправда, — процедила Беата сквозь зубы.

— Пошли, становится всё светлее, — вмешался Чижик.

— Я остаюсь, — произнесла девушка, скрестив руки на груди. К сожалению, обсуждать ничего не стали.

В бледном свете серого неба товарищи принялись упаковывать свои вещи. Чижик прикрыл радиостанцию заплатанным брезентом и маскировочной сеткой, чьи углы прижал

камнями. Не было смысла тащить оборудование с собой — они никогда этого не делали. Ведьмы не могли попасть на торпедный завод, а воров перестали бояться много лет назад.

Изначально их было больше. В нескольких сотнях метров к югу сохранилась группа в противоздушном туннеле, как этот. Люди спрятались на торпедных складах и сборочных цехах — везде, где могли. А ещё дальше, всего в нескольких километрах, находилось мощное бомбоубежище. Если бы у них было больше времени, сами, конечно, смогли бы до него добраться. Коридоры убежища пострадали в районе верфи и порта. Гдыня, казалось, была готова ко всему. Можно было подумать, что всё это лишь временные трудности. Что гдыньцы отсилятся, а потом выйдут на поверхность и продолжат жить, как прежде.

Просто недооценили противника.

Впрочем, может, действительно, на Морской или в Г-321 люди выжили. А может быть, даже попали в легендарный склад оружия на Словацкого. Да, действительно, каждый из этих вариантов казался таким реальным. Что с того, если до любого из этих мест нельзя добраться, чтобы убедить себя в правдивости предположений?

Жители туннеля, в котором вырос Чижик, вначале делали вылазки в сторону возможных человеческих укрытий. Нашли там лишь обезображенные, окровавленные тела. Взяли пару фонарей, провиант и лекарства — и больше не ходили на юг. Тем более, что с юга позже пришли ведьмы.

Этот второй туннель был хуже, меньше. Казалось, разница небольшая, но, тем не менее, заметна. А его жители оказались дураки. Сидели и ждали, пока всё пройдёт. К счастью, с Чижиком был Сташек. Полковник, как называли его все, кроме Симона. Полковник сразу взял дело в свои руки. Велел копать под туннелем просторный блиндаж, что с течением времени разросся на несколько рукавов и залов, где две семьи могли жить относительно нормальной жизнью. Были и фермы для разведения крыс и выращивания грибов. Сташек лично отправился на военную базу. Когда он притащил три «химзы» и два противогаза, стали ходить группами. Первоначально хотели создать постоянную команду, ищущую хабар, но быстро выяснилось, что их слишком мало, чтобы разделяться, — каждый должен время от времени выходить на поверхность и приносить добычу. Впрочем, никого это не удивляло — все были готовы умыть руки кровью. Не только родители Беаты были военными. У Майи и Роберта Горских тоже. И Чижика. Здесь каждый был солдатом или родственником солдата. Даже ведьмы — только их солдаты погибли, а женщины были такими же: вдовы, матери, дочери. Оставленные на произвол радиации. Такие были Бабы Долы.

Для Беаты, слишком молодой, чтобы помнить прежние времена, — это был мир.

— Готовы? Бегом... — прошептал Симон, махнув рукой.

Осторожно, стараясь не шуметь, скользнули по деревянной лестнице вдоль покрытых мхом, почерневших кессонов и плюхнулись в мутную, по колено, воду — радиоактивный суп, в который превратили Балтийское море. Даже ведьмы его опасались, а коты вообще не приближались к пляжу. Именно поэтому торпедный завод был, как это ни парадоксально, в безопасности.

Пока шли по дну Балтики, им не грозило ничего, кроме радиации. Тем не менее, ни один из них не любил этот маршрут. Может, из-за глухого моря, мрачно шумящего за ними, а может, потому что казалось, будто осыпавшийся до голого бетона торпедный завод на фоне синюющего неба злорадствовал, наполнял подкожным ужасом. Так или иначе, по спине Беаты бегали мурашки всякий раз, когда она осматривалась. Всякий раз, когда отрывала взгляд от слегка наклонившейся спины ведущего их Симона.

Девушка подавила рефлекс пригладить пальцами короткие пепельные волосы — на ней же противогаз. Моргнула, когда пот капнул ей на веки.

Они молчали. Тишина вокруг них становилась всё плотнее ближе к берегу.

Чижик снял с плеча винтовку и взвёл курок. Вдруг из утреннего сумрака вынырнула бурая полоска пляжа. Песок смешался с пеплом и лишайником-мутантом, создав причудливую мозаику. Тяжёлые военные ботинки оставляли в пыли глубокие следы.

Теперь им предстояли худшие полкилометра.

Липкая жижа чавкала под подошвами, а синие лишайники тянулись за людьми, цепляясь за шнурки. Помятые, покрытые чёрными наростами деревья становились всё ближе и ближе. Голые ветви переплетались друг с другом, создавая не пропускающий лучи свод над узкой тропинкой. Из трещин в коре капала маслянистая жидкость и создавала блестящие подтёки на стволах. Несмотря на соблазн, Беата прекрасно знала, что их нельзя трогать. Немного этой субстанции на перчатках и кошки мигом примчатся. Почуяли бы издалека.

Вдруг рядом пронзительно свистнуло, и что-то с визгом пролетело рядом с ухом Чижика и глухо ушло в песок. Мужчина краем глаза заметил движение между деревьями и упал на землю. Так же поступила Беата, дёрнув застёжку рюкзака, внутри которого лежали отцовские карты.

— Чёртовы ведьмы, — прошипел Симон, сидя на корточках в придорожных кустах. — По моей команде.

Полицейский «Глок» плюнул огнём.

Ведьмы падали на землю с пронзительным стоном. На их место почти сразу вставали новые. Чёрный гной вырывался из пробитых внутренностей, брызгал на землю и деревья. В господствующей вокруг суеде Чижик чудом слышал шелест ветвей над головой, и повернулся в последний миг, едва успев снять ещё одно чудовище. Раздался вой, и тело безжизненно рухнуло на песок. Наступила тишина.

— Это всё? — шёпотом спросила Беата.

— Нет, — ответил Симон. — Это была только разведка. Ещё не появились кошки.

Девушку сотрясла дрожь. Она слышала о кошаках, но всегда думала, что их можно встретить, скорее, в глубине материка, а не так близко к берегу.

Вскоре нервное мяуканье пронеслось по пляжу. Покрытые лохмотьями бурые силуэты зеленоглазых ведьм возникли из-за деревьев, но никто не нападал.

— Бегом по моему сигналу, — распорядился Симон.

В последнюю секунду рванули бегом через лес. Там, где они были всего мгновение назад, теперь кружили кривоногие коты-переростки, оглашая рассвет яростным мявом. Не крутились там, впрочем, слишком долго. Взяли след и немедленно бросились в погоню.

Они были быстрее людей — гораздо быстрее.

И вот тогда с юга, со стороны туннеля, раздался шум двигателя, и сразу какая-то чёрная фигура появилась из сумерек, одной рукой держа руль военного мотоцикла, а другой — водную пушку.

Столб воды выстрелил в сторону кошек. Сбил зверюгу, стоящую ближе всех, и швырнул её в дерево — как тряпичную куклу. Остальные твари с криком отскочили, не обращая внимания на гневные крики ведьм. Животные же разбегались, фыркая и отряхивая шерсть. Они явно утратили боевой пыл. Некоторые тёрли лапами уши, стараясь стряхнуть с себя отдельные капли. Когда поток врезался ещё в одного кота, остальные резко дёрнулись и растворились между деревьев.

— Роберт! — воскликнул с облегчением Чижик.

Не ожидал, что так обрадуется парню, которого обычно не выносил. А тот слез с мотоцикла и опустил с лица шарф.

— Мы слышали выстрелы издалека. Наверное, впрочем, не только мы. Залезайте, — сказал он, после чего жестом велел Симону садиться в машину. — Не корчи больше из себя героя, доктор, — добавил он, когда рыжий попытался возразить.

Они продолжили путь.

За вторым поворотом туннеля Симон расстался с товарищами и по неровным ступеням спустился глубже. Беата знала, что он пошёл навестить её отца. Она была благодарна, хотя никогда не поднимала эту тему.

— Что случилось? — спросила Майка, выглянув из-за скроенной из тряпья ширмы, ограждающей от туннеля. Каким-то чудом она выглядела, будто всё ещё была в отпуске: в голубом широком платье и с распущенными каштановыми волосами она не подходила к этому месту. Только болезненная бледность выдавала, что Майка относится к той же реальности, что и остальные жители туннеля.

— Кошаки, — ответил Роберт, стягивая шарф.

Закрыв за собой мощные железные двери, спустил по лестнице мотоцикл и приложил его к стене.

— В этот час?

— Хватит о кошках! — прервала их Беата, когда, наконец, перевела дух после бега. — «Ожел» приближается!

Чижик бросил полный упрёка взгляд на девушку, которая, впрочем, не обратила на него ни малейшего внимания. Её лицо залил румянец, руки дрожали от волнения.

— Ого, у кого-то были интересные сны, — бросила со смехом Майка.

— Дура ты, — буркнула Беата.

— Молодая, следи за языком, ясно? — вмешался Роберт, вставая между девушками.

— Все следите, — разозлился Феликс, который как раз вернулся от полковника. — Ведёте себя, как клоуны. Зажгите свет и дайте что-нибудь поесть, ещё успеем поговорить.

Все послушались врача, а точнее, медбрата, который из-за отсутствия конкуренции исполнял в туннеле функцию доктора — люди разошлись по своим делам.

Чижик отошёл за очередной поворот туннеля, где прямо у одной из шахт находился его рабочий стол. Впервые он имел право за ним сидеть и внести в тщательно хранимый журнал сведения о приёме сигнала. Он ждал этого всю жизнь. В конце концов, он схватил карандаш и записал: дата, время начала прослушивания, частота сигнала входящего... Это было что-то! Это правда сделал он! Чижик постарался унять эмоции, но ведь это правда сделал он, — он ждал этого почти двадцать лет, а такие, как полковник или доктор, — даже больше. Гораздо больше. Этого ждала вся Гдыня почти целый век!

Беата пошла за Майкой в кухонный уголок, обустроенный в отделённом привычными занавесками участке, где выходила на поверхность вторая шахта. Обычно она закрыта, но в случае необходимости обеспечивала вентиляцию, которой не было в других частях туннеля.

— Ты серьёзно говорила, — продолжала она, когда обе сели на табуреты и принялись чистить грибы. — Чижик услышал. А потом и мы. Сигнал никуда не делся. Мы пытались ответить, но без толку.

Майка сморщила лоб. Нож в её руке блестел отражённым светом подвешенного под потолком фонарика. Длинные тени ложились на пол и холодные неровные стены.

Беата иногда представляла, как выглядела жизнь выживших в настоящем убежище, а не в таком зачуханном туннеле, как их. Наверное, у них были нормальные еда и отопление. Настоящие кровати, а не первые попавшиеся на глаза койки с поверхности. И свет. Конечно, у них было светло, как днём. Здесь же полковник велел экономить. Иногда светили себе фонариками или нефтяными светильниками, но чаще всего жгли костры, и тогда каждая неровность на стене приобретала очертания пляшущего чёрного пятнышка.

— Если это правда «Ожел», я буду первая, кто поцелует капитана и встретит его хлебом-солью. Даже если придётся печь хлеб из грибов, — ответила, наконец, Майка. — Но рано радоваться. Пусть мальчики починят радиостанцию. Всё получится. Нет смысла сейчас устраивать истерику, пока мы ничего не можем сделать.

— Да, знаю, знаю, — Беата закатила глаза и положила гриб в кастрюлю. — Но то, что сигнал!.. В первый раз! Вообще я думала об этом. Если бы удалось установить контакт. Интересно, куда бы они нас забрали?

— А если они не знают куда? Если нет никакой земли обетованной?

— В худшем случае присоединились бы к нам. Знаешь, сколько бы они могли рассказать? Все эти годы?..

— Присоединились бы к нам? — Майя подняла брови. — Что ты говоришь? Друг друга бы перегрызли. Уже несладко живётся.

— Выкопали бы ещё помещения ниже, — Беата пожала плечами.

— И ты думаешь, что кто-то захочет покинуть корабль, чтобы жить в норе?

Наступила минута молчания, во время которой слышны были только глухие шлепки грибов о стенку кастрюли.

— Нужно дать сигнал прежде, чем они отдалятся, — сказала, наконец, Беата, вставая со стула.

— Поговорим об этом после еды. Бросай крыс на тёрку, я делаю соус.

Ложки стучали о жестяные тарелки, а костёр наполнял узкое помещение извивающимися тенями. На обед явились все, кроме полковника. В костюмах из чёрной толстой ткани и в «химзе», в которых они выбирались на торпедный завод, они выглядели почти обычно. Глядя на них, на короткий миг можно было решить, что это просто большая семья собралась за обедом, чтобы рассказать друг другу, у кого что в школе и на работе, а потом вернуться к своим делам: может быть, встретиться с друзьями, а может, посмотреть что-то по телевизору. Время от времени над костром перебрасывались отдельными фразами, изредка мелькала чья-то улыбка. И только неестественное молчание младенца, лежащего в одеяле между Майкой и Робертом, вносило в эту почти идиллическую сцену вязкое беспокойство. Такое чувство, что здесь на самом деле всё не так.

— Что будем делать? — спросила Беата, доевшая первой. Отложила тарелку и потянула свитер.

— А теперь пойдём спать. А вечером проверим, на месте ли сигнал, — ответил Симон, катая последний кусок мяса по дну тарелки в поисках остатков соуса.

— Не хочу спать. Нужно спешить! — возразила девушка. — Чижик, ты скажи!

У радиста не было желания ничего говорить. Он не собирался говорить ни за одну из сторон. Не хотел конфликтов, он хотел слушать море. И то, что там есть, — с этим тоже хотел поговорить. Да, желал бы он рвануть сейчас к торпедному заводу. Дать сигнал, ждать, пока что-то в голове снова его позовёт. Что-то, что тянуло из чёрной глубины. Но доктор был прав. Раз: придётся немного поспать. Два: и да, теперь очередь Майки и Роберта. Три: они не могли устроить вылазку днём. Довольно с них и охочих до двуногой плоти мутировавших птиц, так ещё и солнце... ослепит влёт. А впрочем, Симон велел, и всё. Неофициально, конечно, как неофициально командовал полковник, но он был стар. И лучше образован. Просто он был начальником.

— Ты безнадежен... — пробормотала покорно Беата, видя, что Чижик не отреагировал. — Разве от тебя зависит? Наверное, для того там сидел!

Она даже понятия не имела, что пришло в голову парню. Она понятия не имела, что ему захотелось. И каких трудов требовалось сохранять спокойствие, пока она болтала без умолку о его — его! — открытии.

— Разумно, — отрезал Симон. — Иди спать.

— Да вы, наверное, шутите, — в словах Беаты было больше удивления, чем возмущения. — Мне уже не десять. Я никуда не пойду.

— Слушай, доктор, — вмешался Роберт сдавленным голосом, не желая будить ребёнка, который, наконец, погрузился в беспокойный сон. — Что с тобой сегодня стряслось?

— Ничего не стряслось! Мы можем выбраться отсюда, как вы не понимаете?!

— Тише! — зашипела на старика Майка, взяв на руки младенца.

Беата покачала головой, ей хотелось что-то буркнуть, но всё-таки послушно спустилась на нижний уровень, где находились холодные, тёмные спальни.

— От неё будут неприятности, — мрачно заметил Роберт.

Когда полковник ослаб здоровьем, Симон почувствовал, что они обязаны заменить его во второй группе. Это означало только то, что он ходил на торпедный завод как с Беатой и Чижиком, так и с Майкой и Робертом. Хотя они пытались его остановить и отговорить, что не может он так рисковать, полковник оставался непреклонен. Как настоящий врач, заботился обо всех, будучи сам ярким примером подрыва здоровья. Радиация, конечно, изменила его, всё отчетливее проступал на нём её отпечаток, точно банальный недостаток сна. Наконец его оставили в покое. Видимо, некоторые люди просто так слеплены, а попытки их спасти не приносили счастья ни спасателям, ни им самим.

Поэтому уже давно никто не возражал, когда Симон вставал первым, делал обход туннеля, ел остатки вчерашнего ужина, заглядывал к полковнику, и, наконец, встречался с другими у выхода, чтобы отправиться с ними в радиоактивную ночь.

Так было и в этот раз. Майя с Робертом стояли уже готовые, в чёрных толстых комбинезонах, свитерах и военных ботинках. Респираторы скрывали большую часть лиц, но после стольких лет жители туннеля научились узнавать друг друга и так. Оба никоим образом не могли скрыть волнение, что дала им мысль о возможном установлении контакта с ОРР¹ «Ожел».

На самом деле никто уже не мог сказать, правда ли они потратили все эти годы, веря в великое возвращение корабля, или занялись прослушкой так просто, чтобы иметь какое-то занятие и чтобы не сдохнуть на втором году общей жизни. Чижик верил — но это был он: немного странный парень, который много пережил, и кто-то должен о нём заботиться. Ребёнок, который мало говорил, но был отличным слушателем.

— Нет Беаты, — сообщил Чижик, подойдя к тройке готовящихся к выходу.

— Что значит «нет»? — спросил Симон, почти застегнувший куртку.

— Ну... что её нет.

— В постели?

— В туннеле.

— Проверили?

— Нет, так просто сказал.

— Может, она заныкалась в каком-то углу?

— А может, пошла дать сигнал, — предположил Чижик, отрезав дальнейшие догадки. Все знали, что именно так и случится.

— Пошли, — немедленно приказал Симон. Подойдя к выходу, он увидел как раз то, что ожидал: отодвинутая защёлка с запором, замок на полу.

— Я пойду с вами, — твёрдо сказал Чижик.

— Ты останешься здесь со Сташеком, — распорядился врач и осторожно толкнул дверь, которая распахнулась без сопротивления.

— Я не останусь. С вами пойду.

Была не была, Беата должна была его заменить. Он чувствовал себя в ответе за неё, хотя бывало — и нередко, — что так и хотелось сдать её ведьмам. Но девушка понимала эту работу. Он не мог сейчас сидеть с ребёнком и умирающим полковником.

— Ладно, достали, — простонала, в конце концов, Майка. Со вздохом стянула маску и сунула её Чижикю в руки. — Хочешь, иди. У меня нет сил с вами бороться, вы все такие странные. А у меня ребёнок. Тем лучше для меня, что я останусь.

Спустилась ниже, а сразу за ней последовал Роберт, отдав по пути маску Симону.

---

¹ ОРР (Okręt Rzeczypospolitej Polskiej) — корабль Польской Республики (пол.).

— Ну хорошо, — вздохнул рыжеволосый. — Доволен? Пошли.

На этот раз ведьмы держались подальше. Может, запомнилась последняя встреча, или просто охотились сейчас где-то в другом месте — главное, что мужчины без препятствий добрались до пляжа, где им снова предстояло полтора километра брести через балтийскую муть, чтобы затем подняться по лестнице на торпедный завод.

— Беата! — крикнул сдавленным голосом Чижик, подтянувшись в последний раз и встав среди стен. — Беата, ты здесь?

Тишина была ему ответом. Какое-то время мужчина стоял без движения. Ему не удалось уловить ни звука, что выдал бы присутствие девушки. Он вошёл чуть глубже на территорию здания, пока, наконец, не подошёл к накрытому брезентом радио и посмотрел на камни. Выглядели нетронутыми. А он всё четче слышал шёпот из глубины.

— Она сюда не дошла, — подытожил глухо.

— Ты думаешь, что они схватили её, ведьмы?.. — спросил Симон, останавливаясь в нескольких шагах от Чижиком и окидывая взглядом остатки главного зала. Тот кивнул и начал стягивать сетку.

— Что ты делаешь? — удивился доктор.

— Мы попытаемся послать сигнал.

— Сейчас? Сдурел, что ли?

— Раз уж мы здесь, то почему бы и нет?

— Мы же ищем Беату, ей-Богу! — Симон хотел нервно почесать волосы, но рука наткнулась на резину противогаза. Со вздохом он опустил руку.

— Если она не добралась сюда, её схватили, — ответил Чижик. — А если её схватили, всё кончено. Нет смысла рисковать. Начнём с этого. Может, те, кто шлют сигнал, смогут нам помочь в поисках?

— Ни в коем случае, юноша, — сказал врач категорическим тоном, таким неподходящим для его манеры говорить. — А я-то считал, ты разумный человек! Оставь немедленно оборудование, и дальше пошли. Может, она спряталась в лесу.

Симон спускался уже по лестнице, когда заметил, что Чижик не последовал за ним.

— Оставь радио, и так нет инструментов! За мной! — крикнул он.

Вскоре воцарилась тишина. Наконец с торпедного завода раздался полный покорности голос радиста:

— Иду!

— Мы её не нашли, — признался Чижик, когда опустился без сил на старый стул, из всех щелей которого лез ссохшийся поролон. Майка перестала качать ребёнка и вздохнула, словно только что подтвердились её худшие опасения. Роберт ходил по узкому туннелю, скрестив на груди руки. Время от времени доставал из кармана джинсов сигарету, чтобы, чуть поразмыслив, спрятать её обратно.

— Где доктор? — наконец, спросила шёпотом Майя.

Чижик молчал, но выражение его лица было красноречиво. Женщина сжала губы и, чтобы отвлечь собственное внимание, принялась нервно, почти остервенело качать младенца. Из обрывков слов можно было догадаться, что она пытается спеть ему колыбельную. Наконец, женщина спустилась в подвал.

— Ведьмы? — спросил Роберт, который, наконец, остановился. Встал теперь, опёршись спиной о стену и устремив мрачный взгляд в пол. Это были слишком большие потери для одной ночи. И как сказать об этом полковнику? Ведь речь шла о его дочери и друге!

— Кошаки, — не сразу ответил Чижик. — Мы пошли на торпедный завод, но Беаты там не оказалось. Думаю, она так туда и не дошла. Мы вернулись, искали её в лесу, потом в микрорайоне. — Замолчал на мгновение, затем продолжил сдавленным тоном: — Нас осадили на Дедала. Знаете, как там. Каркасы блоков ровными рядами. Не спрятаться, переулков нет. Наверное... наверное, нам стоило зайти внутрь.

— Нет, — прервал его Роберт. — Молодец. Не пустил внутрь. А то бы оба умерли.

Впервые прозвучало это слово — «умереть». Мужчины замолчали, поражённые его тяжестью. Больше не было смысла продолжать тему. Всё равно, что случилось и как это произошло. Потому что они умерли. Ушли на тот свет. И нельзя ничего исправить, откатить, спасти. Следовало забыть и хотя бы попытаться жить дальше. Хотя бы год-два. А лучше всего столько, чтобы подрос ребёнок. Хотя бы до двенадцати лет. Не так уж мало, с точки зрения того, кто прожил лет тридцать.

— Что теперь будем делать?

Не заметили, как Майка вернулась снизу и присела на пол. Теперь её вопрос повис в воздухе, и никто не мог дать ответ.

Болезнь полковника была ужасным событием. Но это происходило постепенно. Ну, и, пускай без сознания и искалеченный, офицер ещё жив. Качался на грани, но ещё её не пересёк. А его обязанности, также постепенно, исполнял Симон. Позволял себе свыкнуться с ситуацией.

Больше нет такой роскоши.

— Не будет больше удовольствия в радио, — решил вдруг Роберт, вынимая, наконец, измятую сигарету и спички. — Будем выходить настолько редко, насколько возможно. У нас есть еда и колодец. Мы должны отвести кусок земли, где будем выращивать пару кустов на дрова.

Чижик бросил на него непроницаемый взгляд, но не ответил.

«А ведь раскомандовался, да?» — думал он медленно и спокойно. А значит, пан Горский решил заменить полковника и доктора? Теперь пришло время для пана несостоявшегося политолога?

Радист встал и снял со стены винтовку, а затем просто схватил ящик с инструментами, открыл защёлку с запором и вышел на улицу, прежде, чем кто-то из двоих успел возразить.

Он шёл ровным, быстрым шагом, шурясь на сереющий рассвет. Быстро преодолел путь до пляжа. Кессоны торпедного завода омывали чёрные ленивые волны, оставляя после себя пятна лишайников.

Чижик стал карабкаться вверх. На середине подъёма миновал Симона, который так и висел, как оставил его радист: с шеей, опутанной верёвкой, посиневший и неподвижный.

Сдёрнув с радиостанции сеть и брезент, Чижик приступил к работе.

Они звали его. Звали всё громче, умы без мяса, запертые в стальном монстре. Он слышал их крик. Их приказ. Самым нутром он чувствовал их голод и обиду.

А потом начал слать длинные сигналы, что не напоминали ни в коей мере азбуку Морзе, но что составляли какую-то конкретную, целенаправленную комбинацию.

Пока, наконец, в чёрных глубинах Балтики не показался силуэт — монументальный, усыпанный моллюсками и водорослями. Тихий, как сама смерть, он мчался прямо на торпедный завод, где всё ещё слал сигналы Чижик.

По капитанскому мостику нельзя было в точности определить, что это «Ожел». Но Чижик знал, что то, что скрывается внутри, что привлекает его уже несколько дней и зовёт, радикально изменит жизнь людей на побережье.

ИЛОНА ПОДГАЙНА В ШКУРЕ ЧЕЛОВЕКА

Мы умираем. Может быть, мы уже умерли. Свет в подвале гаснет. Люди закапываются глубже. Как кроты. Как животные. Будто там, в подземье можно найти спасение.

Где-то в отдалении виден огонь. Слышны нечеловеческие стоны. Они въедаются в испуганные сердца. Глухие, приглушённые звуки, словно барабаны, призывают на войну. Мы не спасём себя. Не в этот раз.

Люди закапываются глубже и глубже. Вера? Сострадание? Человечность? Они давно умерли. Наверное, мы уже в аду. Оставь надежду, всяк сюда входящий...

Они были повсюду. Их когти размером с человеческую ладонь яростно скребли в вентшахте, царапали стены заброшенного склада. Царапины порождали эхо, будто слившиеся в мощный сигнал, глас проповедника смерти. Девушка шла по длинному туннелю в густой, непроглядной тьме. Куда? Зачем? Эхо её шагов слышно издали. Но, постепенно и оно затихает в длинных пустых коридорах.

Аварийное освещение давно вырубилось. Тьма, хоть глаз выколи. Помощи ждать не откуда. Она знала, что осталась одна. Те, кто выжил, давно сбежали. Ушли. Плевать они хотели на неё. Земля обогрета кровью. Здесь сыро и мерзко. Так пахнет смерть.

В туннеле раздаётся звук шагов. В отдалении мелькает тусклый свет. Фонарик, прикрученный к стволу автомата, режет тьму. Свет выхватывает из мрака тугие змеящиеся кабели, ржавые трубы и старые, брошенные бочки. Девушка знала, что аккумулятор уже на исходе. Скоро батарея сдохнет так же, как и она сама.

Девушка ёжится. Дрожит. Из рта валит пар. На ней всего лишь рабочий комбинезон и тонкая, поношенная куртка.

Девушка откинула прядь волос с лица и ускорила шаг. Глаза щипало и жалило, оружие тяжелило руки, а ноги отказывались повиноваться. Усталость медленно и неотвратно окутывала её, заставляя замедлить шаг. Мutilа разум, точно нащёптывала: присядь на минутку, вздремни пару часиков, и ты восстановишь силы. Ну, уж нет. Девушка не могла так поступить. Она жила надеждой, что по дороге, в конце концов, она на кого-то наткнётся. На кого-то живого. Если нет, это будет значить, что Влодаж пал. Её разум отказывался верить, что сто восемьдесят человек могли быть вырезаны за одну ночь.

Неожиданно в туннеле послышался протяжный крик. Тревожный человеческий и нечеловеческий одновременно. Девушка остановилась, стараясь унять отрывистое дыхание, оглянулась.

— Трусиха ты, Петра, — прошептала девушка, услышав, как шёпот исчезает где-то далеко и отражается эхом от стен.

Но эхо коварно. Не разобрать, кто говорит. Человек или... Девушка с трудом подняла ствол автомата выше.

Она чувствовала, как по спине пробежали мурашки. Ей чудилось, что нечто идёт за ней. Медленно и неотвратно, как будто зная, что и так её достанет. Вопрос только в том, когда это произойдёт. И будет ли она страдать перед смертью. Сколько ещё ждать?

Девушка краем глаза заметила тени на стене. Она знала, что это не крысы. Крысы уже давно отсюда сбежали.

— Петра...

Услышав тихий вкрадчивый шёпот прямо под ухом, девушка резко остановилась, точно перед ней разверзлась пропасть. Петра облизала потрескавшиеся губы и прищурилась, желая разглядеть хоть что-то в тусклом свете подствольного фонарика. Она хотела верить, что голос ей почудился. Галлюцинации? А что же ещё? Её отец умер. Как он может шептать её имя, если его здесь нет?

— Петра...

Внезапно справа от себя девушка увидела движущуюся тень. На долю секунды Петра увидела размытые силуэты. Высокую, статную фигуру, одетую в знакомую сталкерскую куртку с нашивками, которые девушка отлично помнила.

«Это невозможно, — подумала девушка. — Успокойся, они хотят тебя напугать. Мёртвые не возвращаются. Пошли, пока не дойдём».

Дрожащей ладонью Петра вытерла выступившую на лбу испарину. Ледяные пальцы немного охладили кожу, чуть успокоили.

И тут девушка увидела их. Они выплывали из темноты, как огромный корабль-призрак, парящий на тёмных волнах. Они как будто выпростались из тьмы, материализуясь на глазах. Люди. Нелюди. Призраки.

Когда кто-то видит такое в первый раз, человеческий разум пытается найти всему разумное объяснение. Бывало, что люди смеялись за мгновение до того, как их разрывали и сжирали заживо.

Страх сжал костлявую руку на горле девушки, но Петра не собиралась сдаваться. Палец привычно лёг на спусковой крючок.

Твари атаковали одновременно. В свете фонарика Петра увидела три изогнутых темнокожих силуэта, мчащиеся в её сторону. Недолго думая, она выпустила длинную очередь из автомата. В туннеле воцарился хаос. Петра успела подстрелить двух монстров, остальные пули отрикошетили от стен. Раненые мутанты кричали как резанные свиньи, которых разводили во Влодаже. Потом успокоились, замерли.

Когда автомат выплюнул всё содержимое магазина, наступила тишина.

Петра оглядывалась, ожидая последнего зверя. Неужели твари проиграли? Хорошо бы, патронов почти не осталось. Девушка осторожно подошла к убитым мутантам. На неё смотрели невидящим взором большие мёртвые глаза, лишённые белков, как стеклянные глаза куклы. Их кожа напоминала человеческую, длинные конечности венчали когти, две пары ног. Одно слово — мутанты!

И тут произошла третья атака.

Петра не успела отскочить, как её придавила неподъёмная туша. Автомат выпал из рук, фонарик погас. Острые зубы впились ей в руку, девушка завопила от боли и гнева. Если бы фонарик работал, она бы увидела острые пожелтевшие клыки, приближающиеся к её лицу. Увидела бы глаза, наполненные тьмой, словно бездна, в которой исчезают безвозвратно.

Но вдруг произошло что-то странное. Петра услышала выстрел, грохот сразу же ее оглушил. Не видя ничего, девушка безуспешно пыталась встать. Она знала, что должна бежать, но сил уже не осталось. Петра боролась с собой еще некоторое время, пока не провалилась в спасительную тьму...

* * *

Сколько она пробыла без сознания? Минуту? Час? Вечность? Девушка проснулась из-за странного свечения, пробившегося под плотно сжатые веки. Петра почувствовала на лице приятное тепло и какое-то время думала, что Влодаж в целостности и сохранности. Сейчас проснётся её Костик, нужно идти на работу. У сталкеров нет выходных, тяжёлая работа...

Почувствовав запах дыма, Петра открыла глаза. Увы. Это не её дом. Девушка увидела, что она лежит на каком-то вонючем матрасе недалеко от костра. Больная, голодная, обожжённые руки ужасно чесались, наверное, началось заражение. Ноги ныли, в спину больно впивались пружины матраса.

Петра огляделась. Небольшой участок, огороженный профлистом, погружён в густой мрак. Костёр бросает тени на эрзац стены, рисуя причудливые, тревожные тени.

Петра коснулась рукой раскалённого лба, внезапно осознав, что, судя по перебинтованным рукам, пока она была в отключке, кто-то перевязал ей раны на руках. Петра сделала глубокий вдох, сосчитала до пяти. С трудом поднялась и села на краю постели, тщетно ища своё оружие.

И только тогда она заметила фигуру, сидевшую по другую сторону костра.

Сперва он показался ненастоящим, призрачным, как фантастические персонажи из книг, что читал ей отец. Молодой мужчина с острыми чертами лица смотрел на неё большими, странными глазами, в которых отражался свет костра. У него длинные, тёмные волосы, заплетённые в многочисленные косички с вплетёнными крышечками от «Пепси». Одет как солдат, в тёмные военные штаны, серый жилет и сапоги. На мускулистых руках

незнакомца девушка заметила многочисленные татуировки, тянущиеся почти до плеч, но она сидела слишком далеко, чтобы распознать рисунки. На шее, судя по отблескам — жетон.

Петра и незнакомец молча сидели и некоторое время и смотрели друг на друга. Огонь бросал весёлые искорки в темноту.

— Ты спас мне жизнь, — сказала, наконец, девушка, не зная, с чего начать. — Я Петра.

Мужчина улыбнулся, обнажив ряд белых, ровных зубов, с неестественно длинными клыками. Это был тот тип улыбки, что наводит на важный вопрос: а уж не сумасшедший ли человек?

— Кто ты? — спросила Петра, чувствуя растущее любопытство.

— Я призрак, — услышала она в ответ.

Петра нахмурилась. У него был низкий, глубокий голос. Чуток жутковатый, но в то же время по-своему тёплый, как ласковый шёпот.

— Мне это мало что говорит... — пробормотала она под нос.

— У меня есть вопрос, — вдруг сказал «призрак». Крышечки в волосах тихо звякнули. — Там, откуда ты родом, не растут ли кислые яблоки?

Петра вздохнула. Видимо, наткнулась на какого-то отшельника, который после нескольких лет в изоляции начинает терять связь с реальностью.

— Кто ты? Не смейся надо мной! — обиделась Петра.

— Я Бродяга. Но вы называете меня...

— Скиталец, — прошептала Петра и замолчала.

Истории о Скитальце ходили по всему комплексу Ризе. Удивительные истории. Для одних он был призраком сталкера, что видел чудеса, для других — байкой для маленьких, чтобы не шастали по туннелям ночью. Скитальца видели в Совьих Горах, на Лысом Холме, даже в Валиме, где жили язычники. Много ли он успел повидать в жизни? А как же. Пусть и выглядел молодо, ему никак не меньше тридцати.

До сих пор Петра была уверена, что ей всё чудится. От удивления она потеряла дар речи и добрую минуту молчала, глядя на живую легенду. Зачем ему врать? Хоть она и обязана ему жизнью, осторожность никогда не повредит.

— Скажи мне, Петра, где мы?

— Где-то между Собонем и Осувкой, — неуверенно ответила девушка. Сама не знала, где находится.

— Гм... не помню, чтобы я хотел туда пойти. Ну, Скиталец опять зашёл слишком далеко. Ноги несут, а сердце поёт.

Петра чуть не ущипнула себя за руку, чтобы убедиться, что это всего лишь сон. Что этот парень говорит? Она ничего не понимала.

— Если хочешь, я покажу тебе карту, — предложила девушка.

Кроваво-красные глаза Скитальца зажглись.

— Я люблю карты!

Петра осторожно поднялась с матраса и вытащила из кармана аккуратно сложенный лист бумаги. Подошла к мужчине и села рядом на брезент. Нос уловил необычный запах. Как его назвать, девушка не знала, но он был приятным.

«Откуда же ты взялся, Скиталец?» — подумала Петра.

Бродяга же с интересом рассматривал схематичное изображение бункера на карте. Петра долго не могла оторвать от Скитальца глаз, но, в конце концов, тоже посмотрела на карту.

Каждый раз, когда Петра изучала план бункера, её поражало величие этого места. Великан. Комплекс Ризе. Последняя надежда Гитлера. Надо же, когда-то построив его для себя, немцы спасли жизнь нам, какая ирония.

Тем временем, девушка посмотрела на карту. Она обратила внимание на стёртую надпись «Собонь», комплекс, расположенный на юго-западе. Его туннели и залы весьма

обширны. Сейчас там обжились многочисленные католики. У них есть церковь и священники. Число заповедей выросло до двадцати, а грешников казнили, как в старые времена.

Времена изменились. Выражение «подставь другую щеку» кануло в лету. Страшные теперь обычаи у этих христиан...

Дальше, на севере, находятся Верхние Юговице, там была штаб-квартира учёных и инженеров. Бункеры завалило, а жаль, потому что комплекс, высеченный в массиве Крестьянской Горы, был превосходно защищён. Двойные гермодвери, люки и даже камеры обеззараживания! Население — семьдесят пять человек. Но год назад, в ночь с третьего на четвёртое ноября, население сократилось до нуля. Петра не знала подробностей, но когда сталкеры смогли, наконец, добраться до комплекса, они обнаружили там нечто ужасное.

— Почему ты отметила Валим красным? — спросил вдруг Скиталец. — Я нашёл там очаровательный уголок в долине.

— Вы, наверное, шутите. Там живут язычники. Никто не ходит в Валим, — ответила Петра.

— А ты там была? — Скиталец уставился на девушку.

— Нет. Но отец мне рассказывал, что в Жечке творится жуть. Язычники приносят в жертву людей. Говорят, они едят человеческое мясо, считая себя воплощениями старых богов. Что там сейчас творится...

— Они такие же, как и фашисты, — оборвал девушку Скиталец. — Хотя... — парень задумался, — Нет, они были слишком вежливы ко мне, они всего лишь хотели отстричь мне косички. Куда катится человечество?

— Видимо, ищут немецкие сокровища, — буркнула Петра.

— Ищут, что правда, то правда, — признался Скиталец. — Но с сокровищами надо быть осторожным, ибо их берегут разные существа. Против них бессильно даже немецкое оружие, найденное в штольнях... А ты откуда?

Петра посмотрела на самую верхнюю точку на карте, часто заморгала, по её щекам потекли слёзы.

— Комплекс Влодаж, — ответила девушка тихо. — Его больше нет. Ничего больше нет.

Скиталец посмотрел на Петру, их взгляды встретились. В расширенных зрачках Скитальца бушевало пламя и скрывалось безумие. Он всё меньше и меньше напоминал человека.

— Расскажи мне, — прошептал он.

— Два дня назад во Влодаже появились мутанты, — начала девушка. — Пришли ночью, атаковали блокпосты на восточной стороне. Кто-то открыл им первую дверь, завыл сигнал тревоги, им удалось проникнуть в две штольни. Люди бросились в панику, солдаты в спешке бежали за оружием. Я немедленно присоединилась к остальным сталкерам защищать главный зал, зная, что первым падёт он. Мы слышали крики и мольбы о помощи. Мы чувляли запах жареного мяса, запах смерти...

Прервавшись, Петра поняла, что её руки сжаты в кулаки, костяшки побелели. Девушка разжала пальцы, и только тогда почувствовала боль.

— Что было дальше? — спросил Скиталец.

— Мой друг послал меня в Осувку за помощью. Комплексы находятся совсем близко друг к другу, десять минут ходу. Я не хотела их оставлять, но приказ есть приказ, я побежала. В Осувке я попросила людей пойти со мной защищать Влодаж. Между тем, начальник приказал закрыть вход в туннель. Гермодвери толстые, в три метра, не использовали со времён Второй Мировой войны. Крики стихли, осталась только тишина. Осувка бросила этих людей на смерть. И они ждали пять дней, затем отпустили меня с автоматом и бутылкой воды. В туннеле лежали изувеченные тела. Мы сами создали рукотворный ад.

— Другие бункеры должны были вам помочь, — бросил Скиталец. — В конце концов, это комплекс, всё здесь соединяется туннелями.

— Помочь? — тихо воскликнула девушка. — Чем? В случае опасности все гермодвери задраиваются. Здесь нет сплочённости и чести, они сгнули на поверхности, двадцать лет назад вместе с миллионами невинных людей. В Новом Мире есть одно правило: умри ты сегодня, а я завтра.

— Вот почему я не люблю людей, — прошептал Скиталец. — Что теперь с тобой будет, сталкерша?

— Думаю, лучше будет, если я пойду в Глушицу. Там есть небольшой комплекс, где живёт мой друг.

— Я пойду с тобой, — сказал вдруг Скиталец, вставая с постели. Он подбоченился и хищно улыбнулся. — Я всегда хотел увидеть этот муравейник изнутри.

Петра заколебалась. Тихий голос разума вопил, о чём-то предупреждая, но сердце звало в дорогу, говоря, что лучше идти в компании. Бродяга протянул руку Петре. Девушка улыбнулась и протянула ему свою.

— Спасибо, Скиталец.

— Может, мы найдём по дороге твоих друзей. Кто-то мог спастись.

Петра хотела в это верить. Очень хотела.

Бессилие может сожрать тебя живьём. Может распространиться по всему разуму, убить волю, загасить тлеющие где-то на дне самого сердца угольки надежды. Говорят, мы сами себе выбираем судьбу. Врут, наверное...

Петра могла вынести всё. Она была дочерью лучшего сталкера в Ризе. Того, кто героически погиб во время миссии, оставив её одну. Ей пришлось выдержать давление, когда все ожидали очередную героиню Влодажа. Приходилось выкладываться больше, чем остальным, бороться со страхом и сомнениями. Петра выдержала всё. А сейчас бессилие проникло в её сердце, в её разум. Идти не хотелось. Петра давно не чувствовала себя так паршиво. В последний раз так плохо было, когда собаки-мутанты прикончили Шимека на поверхности.

Был в их команде Шимек, амбициозный мальчик, восемнадцати лет, пошёл с Петрой и Костиком на первую миссию. Когда по заведённому порядку они искали что-то для торговли, на них напал двухметровый серый зверь с двумя хвостами. Она видела, как тварь смыкает челюсти на лице товарища. Она видела, что Шимек был ещё в сознании, когда тварь стала жрать его живьём. Петра обещала, что будет за ним следить. Обещала его матери, которой никогда больше не сможет посмотреть в глаза.

У сталкеров не было шансов спасти Шимека. Отряд чуть сам не пал жертвой этого монстра. Когда-то мутант, наверное, был обычной дворняжкой, но в Новом Мире, в новой реальности, всё изменилось. И изменение в данном случае не в лучшую сторону.

— Ты что-то сказала, Петра?

Тёплый голос Скитальца отогнал страшные мысли. Если бы не маленькая керосиновая лампа, которую он держал, они бы шли в полной темноте.

Увидел бы их кто со стороны, заметил бы, что шаги и движения у Скитальца мягкие и осторожные, как и у Петры. Девушка поправила на плече ремень пулемёта, что подарил ей новый спутник. Она понятия не имела, откуда он достал такое оружие, но не собиралась задавать пока такого рода вопросы, а тем более отказываться от подарка.

У Скитальца на плече висел арбалет. Петра никогда не видела такого оружия, и ей было интересно, как оно действует.

— Почему мы должны идти так медленно? — спросила она шёпотом. Она хотела как можно скорее добраться до Глушицы, но спутник почему-то не спешил.

— Тише едешь, дальше будешь, — бросил на ходу её спутник. — Как-то мало здесь мутантов. Слишком тихо, — добавил Скиталец, встряхнув косичками. Каждый раз, когда крышечки весело звенели, он улыбался сам себе.

— Пока двери и люки закрыты, монстры редко высовываются. Но после того, что случилось во Влодаже, можно предположить, что туннели находятся под угрозой.

Петра и Скиталец вслушивались в каждый шорох, следили за каждой тенью. Некоторое время всё было спокойно. Как будто все твари, скрывающиеся за пределами досягаемости света, вежливо пошли спать.

— Расскажи мне что-нибудь о себе, — попросила, наконец, Петра.

— А стоит ли? — улыбнулся Скиталец, поднимая над головой лампу. — Так таинственнее...

— Я ничего о тебе не знаю... — упорствовала Петра, — скажи хоть, где ты живёшь.

— Гм... везде и нигде. В основном сплю в катакомбах под старым кладбищем. Никто из вас туда не заходил.

Девушка тихонько фыркнула. «М-м... Любопытно», — подумала она.

Над их головами пролетела стая неестественно больших летучих мышей. С их маленьких ртов капала ещё свежая кровь. Исчезли в темноте, и снова наступила тишина.

— Почему ты не живёшь в Ризе? Подземный мир безопаснее. На поверхности воздух отравлен, солнце палит, а зимы тяжёлые. Что тебя там держит? — спросила Петра после небольшой паузы.

В тёмных глазах Скитальца мелькнули искорки, погасшие прежде, чем девушка успела их заметить.

— Свобода, — прошептал он.

Петра не ожидала такого ответа.

— И, тем не менее, ты спустился под землю. К людям. Почему?

— Ну... времена изменились. Наш мир изменился.

— Что это значит?

— Год назад наступила долгая зима. И на этот раз она принесла с собой... то, что не хочет покидать Совьих Гор.

Скиталец говорил всё тише. Он помнил хорошо тьму, что поглотила катакомбы, где он спал. Перед глазами мелькали мутанты, которых изменил неведомый мрак. Интересно, как там сейчас...

— Видишь ли, сталкерша, есть причина, почему вы туда не ходите. После Судного дня лес ожил. Сейчас напоминает огромное существо, что старается причинить боль человеку, нарушающему границы леса. Он никого не отпускает. Можно блуждать по нему целую вечность и никогда не найти дороги домой.

— Тогда ускоримся! Идём! Здесь небезопасно, — взмолилась Петра и ускорила шаг. Слыша звон крышечек, она впервые почувствовала себя неуверенно.

* * *

Их остановили в тридцати шагах от входа в бункер. Заставой служила маленькая кабинка, где двое мужчин, одетые в длинные чёрные куртки, пили чай со странным, душным ароматом.

— Куда направляетесь? — спросил один, заступив им дорогу. — Где ваши пропуска?

— Пропуск? — Петра посмотрела на Скитальца. Тот пожал плечами. — Слушай, мы сталкеры из Влодажа, сам понимаешь, нам некуда податься.

— Ты не слышала, что он сказал? Без пропуска прохода нет, — второй охранник вышел из кабинки, держа наготове оружие.

— Знаете Редуктора? Он мой друг, может подтвердить, — в Петре росло раздражение. Всегда цепляются к тем, кто нуждается...

Один из мужчин подозвал другого, тот отошёл в сторону зала. Хороший знак.

— Как вас зовут?

— Я Петра, а это Бродяга.

Скиталец улыбнулся и слегка кивнул, приводя в движение шумные крышечки.

— Скажи мне, пан часовой. Там, откуда ты родом, часом, не растут ли?..

Скиталец не успел закончить, как девушка быстрым движением зажала ему рот ладонью. Скиталец смутился, часовой ещё больше напрягся, а Петра не на шутку рассердилась.

— Не привлекай к себе внимания! — шёпотом зашипела девушка, затыкая рот спутнику.

— Стефана знаете? — спросила она, желая сменить тему. — Странно, что его отсюда ещё не выгнали.

— Меня кто-то звал?

Петра и Скиталец обернулись на голос. Они увидели высокого блондина с сигаретой за ухом, идущего в их сторону. Не было, наверное, в комплексе никого, кто не знал бы Редуктора, а, скорее, его варварского чувства юмора. Самый большой, и, наверное, единственный поклонник его знаменитых шуток был он сам. Стефан — сталкер с десятилетним стажем, прекрасно разбирающийся в свойствах взрывчатки и боеприпасов. Мог починить почти всё. Он утверждал, что может разобрать и снова собрать машину. И никто до сих пор не уличил его во лжи.

— Ремни моего рюкзака! Петра! — воскликнул Редуктор, протягивая девушке руки.

Девушка подошла к нему и крепко обняла.

— Стефан, ты даже не представляешь, как я рада тебя видеть!

Петра заметила, как сильно постарел за это время её друг. Ему слегка за тридцать, но глубокие морщины уже избороздили его лицо, а тени под глазами стали темнее. В этом мире молодость коротка, а тех, кто её пережил, можно назвать счастливыми.

— Я их знаю, босс. — Стефан небрежно помахал рукой часовому. — Пропусти их, ради бога! Ведь они шли пёхом добрых несколько часов, да и жрать точно хотят.

У часового, наверное, был хороший день. Или он что-то должен Стефану. Мужик колебался, но, в конце концов, позволил им пройти.

— Я слышал о Влодаже. Мне жаль, девочка, — сказал Редуктор, когда они шли по туннелю к комплексу. — Чёртова Осувка. Когда у трусов кончится счастье... он твой парень? — добавил Редуктор, обратив, наконец, внимание на идущего за ними Скитальца. Затем вопросительно посмотрел на Петру. Девушка не смогла сдержать улыбки.

— Нет. Этот бродяга спас мне жизнь, так что будь с ним поласковее, — объяснила девушка. — Познакомься, это Скиталец. Скиталец, это мой друг Стефан.

— Прямо как тот знаменитый колобродник, кто видел чудеса, — заметил Редуктор. — Ты не похож на нормального.

— Стефан, веди себя прилично...

— Спокойно, сталкерша, — улыбнулся Скиталец. — Такого определения я ещё не слышал. Скажи мне, Стефан. Там, откуда ты родом, случайно не растут ли кислые яблоки?

Редуктор недоумённо смотрел на Скитальца с несколько секунд, после чего раскати-сто расхохотался.

— Он мне начинает нравиться, крошка, — сказал Редуктор. — Добро пожаловать в Глушицу!

Комплекс приветствовал их приятным гамом, но атмосфера этого места показалась Петре необычной. Может быть, причиной тому последние события, а может, усталость и натянутые как струна нервы не позволяли ей хорошенько оценить ситуацию.

Она была в Глушице всего один раз, но всё ещё хорошо её помнила. Комплекс был маленький и плохо освещённый, по сравнению с её домом казался мрачной дырой. Но в теперешней ситуации грех жаловаться. Влодаж проиграл битву и пропал навсегда во тьме. Ещё один комплекс превратился в погост. Мёртвые города на поверхности и мёртвые города в Ризе.

Друзья вошли в большой зал, увенчанный бетонным полукруглым сводом. Вдоль стен, прижавшись друг к другу, стояли киоски, почему-то сегодня закрытые. Как правило,

здесь шла бойко торговля, с ссорами и обвинениями, что один нагло украл клиента у другого. Сегодня эта часть комплекса была почти пуста. Петра почувствовала, как Скиталец схватил её за руку.

— Не нравится мне здесь, — шепнул он, подходя ближе. — Где все?

— Здесь живёт всего шестьдесят человек, — бросил через плечо Стефан. — Многих скопил в последнее время грипп и... всякое такое. Пошли!

Приятель двинулся широким коридором, напоминающим настоящую городскую улицу. Слева стояли жилые палатки, мрачный посёлок Глушицы. Маленькие, тесные дворы отделяли куски металла, толстый брезент или простыни. Женщины кружили здесь, занимаясь стиркой или готовя на кострах. Детей, как правило, снующих туда-сюда под ногами, не видать. С другой стороны находились столики и бары, необычно пустые для этого времени и сияющие прохладой голубых лампочек и гирлянд, подвешенных на стенах. Местные жители смотрели на гостей с неприязнью, искоса поглядывая на оружие.

Петра и Скиталец закружили головами по сторонам, точно чувствуя незримую доселе опасность. Девушка попыталась расслабиться, но уловила царящую в этом месте нервозность, нарастающее напряжение, атмосферу ожидания.

— Стефан, почему эти люди такие... — шёпотом спросила Петра.

— Тихо, крошка, тс-с... — мужчина приложил палец к губам. — Идите медленно и прикидывайтесь самыми счастливыми на свете.

Всё ясно. В комплексе сменилась власть, ей угрожал внутренний конфликт или эпидемия. Или что-то другое?

Троица свернула в узкий ход, двинулась между палаток. Редуктор остановился за одной из них, проверил, не идёт ли кто за ними.

— Ладно, теперь слушайте, — произнёс Стефан, покрутив головой по сторонам, точно оценивая обстановку, — здесь происходит неладное, и будет лучше, если мы уберёмся хотя бы в Собонь.

— Скажи мне, наконец, зачем весь этот цирк?! — потребовала Петра.

— Глянь туда, — Стефан указал пальцем в центр зала, на главную площадь, где стояло деревянное возвышение.

Вокруг него собиралось всё больше и больше людей, на их измождённых лицах можно было прочесть напряжение, другие же улыбались, как будто ожидая выставки или какой-то приятной неожиданности. Долго ждать не пришлось. Через некоторое время на сцене появилось четверо статных мужчин, одетых как солдаты. В руках они держали тяжёлые пулеметы. Между ними, словно зажатый в тисках, стоял худосочный парень, лет четырнадцати. Когда парнишка поднялся на возвышение, люди начали кричать и бросать в него всем, что было под рукой. Парень пытался вырваться, но солдаты крепко его держали, давя на плечи с такой силой, что, по всей видимости, сломали ему какие-то кости.

— Кто эти люди? — спросил Скиталец.

— Представители новой идеологии, — ответил Стефан, с ненавистью глядя на экзекуторов. — Теперь у нас всё не так, как раньше. Дело в том, что начальник лишился власти. Три месяца назад пришёл чудной парень. Он говорил, как священник, но не по-христиански, по-моему. Говорил, мы все обречены. Его называли юродивым и вначале считали паразитом, жившим милостыней и человеческим состраданием.

— Не в первый раз в Ризе объявляется псевдопророк, — заметила Петра.

— В этот раз по-другому. Люди за ним идут, — ответил Стефан. — Не знаю, как это объяснить, но его боятся и слушаются. Как будто у них нет своих мозгов. Давно подумываю свалить. Собирался идти во Влодаж, но после того, что там случилось... Нам всем надо уходить.

— Я устала убежать, Стефан, — перебила его Петра. — Дай мне осмотреться, а потом сделаем так, как хочешь ты.

Не дожидаясь ответа, девушка быстрым шагом двинулась в сторону толпы. Стефан за ней. А вот Скиталец куда-то пропал...

Тем временем, толпа кричала, точно распалила себя, называя парня предателем и грешником.

Когда Петра и Стефан подошли к толпе, атмосфера стала ещё более напряжённой. Здесь, наверное, собрался весь комплекс. Десятки искажённых яростью и ненавистью лиц. Кажется, ещё мгновение, и беснующаяся толпа взорвётся.

— Что они с ним сделают? — спросила девушка у Стефана.

Взгляд друга был красноречив.

— Грешникам здесь нет пощады, Петра.

Когда на сцене появился невысокий, щедущий мужчина, на людей точно снизошло подозрительное смирение. Петра видела, как ярость сменяется благоговением, а оскорбления превращаются в восхваления. Глядя на священника, люди зашептались между собой.

Он выглядел вполне обычным человеком, тощим и чахлым, чьи годы юности уже давно позади. Мягкое с виду лицо, как маска, скрывало свирепость и безжалостность. На бледном, испещренном шрамами лице блуждала циничная улыбка.

— Жители! — зычно крикнул он, разом обрывая гомон толпы. — Мы собрались, чтобы воздать по заслугам человеку, который не уважает законы нашей земли. Этот грешник, — ксёндз указал на тощего парня, — отверг дар, коим одарил нас свет. Он отказался принять благодать. Сегодня он получит от нас отпущение грехов.

В зале стало так тихо, что по спине Петры забегали мурашки. Вглядывалась в сосредоточенные лица и думала, что он мог сделать, этот подросток-балбес, чтобы заслужить такое наказание. Может быть даже... — сердце Петры ёкнуло — казнь?..

— Много лет назад людей учили смирению, — продолжал священник. — Завыли сирены, и звёзды смерти падали на землю, а небо пылало гневом Божьим. Сияющая сила разрушала греховные города, греховные тела и души. Выжгла глаза во славу Судного дня, последнего дня Старого Мира.

Толпа начала аплодировать и одобрительно кричать. Ксёндз тем временем продолжал надирать:

— Боги света сошли с небес, чтобы показать нам свою мощь. Нас изгнали в преисподнюю, чтобы научить смирению. Но не бойтесь. Идут новые! Мы должны быть терпеливы, и нас ждёт спасение. Мы должны очиститься от любых сомнений. Смерть лишь начало. Уснёшь и очистишься.

— Уснёшь и очистишься, — повторила за ним толпа.

Парень заорал, безуспешно пытаясь вырваться от охраны. Петра с ужасом увидела, как один из мужчин схватил парня за волосы и приставил к его горлу нож.

Между тем толпа ревела, требуя отпущения.

— Да помолимся звёздам, — произнёс священник, подняв руки в жесте молитвы. — Среди лугов душистых разложением...

— Ждём дня возрождения, — подхватили люди. — В этом прекрасном краю смерти.

Крики мальчика превратились в бесчеловечный вопль покинутого, отчаявшегося существа. Петра сняла с плеча пулемёт, но Стефан перехватил её руку. Не делай этого, говорил его взгляд. Ты следующая.

Жрец выкрикивал слова молитвы. Толпа скандировала. Всё громче и громче. Громче.

Люди беснуются, всё меньше походя на разумных существ. «Я ошибалась», — подумала девушка. Это не мутанты, встречающиеся в туннелях, были худшим кошмаром. Это уже нелюди, существа, переполненные ненавистью, одетые в шкуру человека, носящие имена своих матерей и отцов. Звери...

Крики толпы, усиленные эхом, становились всё громче. Когда пришло время, священник закончил молитву. Наступила пугающая тишина. Лицо мальчика исказилось страданием и страхом, застыло в ожидании.

Время замерло на мгновение. И случилось то, чего никто не ожидал.

Петра увидела, как лицо солдата, держащего нож, заливают кровью, пятная алыми разводами мундир. Мужчина упал на доски, едва не утянув пошатнувшегося парня с собой.

Кто-то в толпе вскрикнул. Испуганные взгляды собравшихся метаются по залу, ища виновного.

Петра обернулась. Она увидела Скитальца, стоящего на ящике и держащего арбалет на уровне лица. Его глаза блестели, а лицо выражало общую эйфорию. Заметив Петру в толпе, он улыбнулся. Девушка почувствовала нарастающую панику. Стефан сжал ей руку, желая увести отсюда, но Петра запротивилась. Девушка не хотела оставлять Скитальца, не могла даже допустить такую мысль. Люди слепы, они убьют её друга так же, как и этого парня. Что для них жизнь? Мы породили тут собственный ад...

— Немедленно бросай оружие! — заорал один из солдат. — Ловите его!

Внезапно раздался взрыв. Где-то рядом, в соседнем зале, но у Петры создалось впечатление, что дрогнул весь бункер. Из туннеля, соединяющего обе части комплекса, повалил густой чёрный дым. Подсобные помещения, расположенные у выхода штолен, охватило пламя.

Люди запаниковали, начали кричать и метаться, топча друг друга. Некоторые от ужаса и шока не могли пошевелиться, стояли на месте или падали на колени, зажимая уши руками, вопя или что-то шепча.

Скиталец ловко соскочил с ящика и рванул в сторону туннеля, откуда они пришли с Петрой. Петра увидела, как часть солдат бежит за ним, остальные бросились тушить огонь и спасать что можно. В зале завыл сигнал тревоги.

— Беги за Скитальцем! Живо! — крикнула Петра Стефану, вынимая из-за ремня пистолет.

— Я не оставлю тебя! Ты с ума сошла, — запротестовал Редуктор.

Петра сунула ему в руки оружие и побежала в сторону возвышения. Где-то вдалеке звучали крики и выстрелы. Зал наполнил запах жжёного пластика.

Было в этой картине что-то пугающе знакомое. Не прошло и недели, а Петре снова придётся смотреть на умирающий в агонии город. Но сейчас она могла что-то сделать. Могла забрать отсюда парня, которому Скиталец спас жизнь. Девушка не могла избавиться от ощущения, что Скиталец прекрасно знал, что будет. Возможно, он знал этого человека, возможно, уже где-то сталкивался с подобным. А может, это была просто его прихоть. Она пообещала себе, что после всего спросит его об этом.

Теперь ей нужно быть осторожнее. Она была на открытом пространстве, и площадь почти опустела. Дым уплотнялся, становился невыносимым. Петра протёрла слезящиеся глаза. Нужно спешить, здесь скоро станет нечем дышать.

Она заметила лежащего на лестнице парня. Рядом с ним стояло двое солдат, наблюдающих, как пламя лижет стены зала.

Петра надеялась, что сможет проскочить, но один из мужчин увидел её. К счастью, девушка успела добежать до возвышения, когда те начали стрелять, пока не выпустили весь боезапас. Она присела на корточки, прячась за лестницей. Услышала, как они перезаряжают оружие. Причём оба одновременно, вот идиоты...

Петра выглянула и выпустила очередь из пулемёта. В одного попала, точнее, увидела, как по куртке мужчины расплывается алое пятно, и тут же пригнулась. Вовремя! Пули просвистели над ухом.

Второй солдат, наверное, запаниковал. Расстрелял целую обойму, после чего Петра услышала звуки тяжёлых ботинок, гремящих по доскам. Этого было достаточно, чтобы слегка высунуться. Девушка выпрямилась и быстрым движением ударила мужика винтовкой в коленную чашечку. Вскочила на мостки, приземлившись мягко на доски. Второго удара в голову оказалось достаточно. Солдат отключился. Петра подошла к парню, надеясь, что тот ещё жив. Когда она коснулась его раскалённого лба, он открыл глаза.

— Мы должны бежать отсюда. Как тебя зовут?

— Михаль, — прохрипел он.

— Я забираю тебя отсюда. У нас мало времени...

Желая помочь ему встать, девушка отложила пулемёт. И это было её роковой ошибкой. Петра почувствовала, как большие, сильные руки сжимаются вокруг шеи. Кто-то повалил её на пол, едва не свернув при этом шею. Ноги девушки едва касались досок, она стала задыхаться. Солдат мерзко улыбнулся ей. Девушка безуспешно попыталась вырваться. Тщетно. Руки у мужика крепкие, словно сталь.

— Отпусти её, — услышала девушка знакомый голос и вздрогнула.

Солдат ослабил хватку. Петра упала на доски, судорожно ловя воздух ртом. Она видела, как священник протягивает ей руку, но ладонь ему не подала. Петра посмотрела вверх. Над ней высились два охранника, один из них держал её на мушке.

— Похоже, твой друг оставил тебя, — тихо заметил ксёндз. — Подлая грешница.

— Кто ты, чёрт возьми? — зашипела девушка на старика, поднимаясь с досок.

Когда он подошёл к ней, Петра выпрямилась и посмотрела ему прямо в глаза, чувствуя непередаваемую ненависть. «Если бы ты был один, ублюдок. Я бы тебя голыми руками разорвала на куски».

— Люди слабы, девочка. Благодаря мне, они живут в гармонии. Жертвы обеспечивают нам безопасность, отталкивают демонов, скрывающихся на поверхности. Твои действия навлекли горе на нас. Ты заплатишься за это. Умоляй о пощаде и будешь очищена.

— Да пошёл ты! — процедила Петра.

С каменным лицом ксёндз ударил Петру кулаком в скулу. За свою жизнь сталкершой девушка привыкла к такому, но удар был таким сильным, что Петра потеряла равновесие и чуть не упала. Девушка ощутила тёплую кровь на губах, но не обратила на это внимания. Священник глубоко вздохнул и нахмурился, как будто продумывая очередной ход в карточной игре.

— Не понимаешь, да? — спросил ксёндз. — Насколько же пустой должна быть твоя жизнь. Такой пустой и жалкой. Так не должно быть. Ты можешь получить благодать. Просто...

— Просто принести в жертву невинного ребёнка, да? Это ваш путь к спасению, да?! — выкрикнула Петра. — Пальни себе сам в голову, сэкономишь богам немного драгоценного времени.

Ксёндз ударил девушку кулаком в живот. Петра согнулась пополам, подавившись воздухом. Потеряла равновесие и упала на колени. Священник вздёрнул её за подбородок, заставляя посмотреть на него.

— То, что ты здесь видишь — только начало, — произнёс он. — А теперь смотри!

Петра увидела, как один из охранников схватил Михалю и прижал к себе. Парень из последних сил попытался вырваться, всё напрасно. Солдат одним отточенным движением перерезал парню горло. Кровь окропила доски. Михаль упал на пол, его широко распахнутые глаза уставились в пустоту.

Петра почувствовала, как по щекам бегут слёзы. Ярость, смешанная с давящим чувством беспомощности. Не спасла Шимека на поверхности. Не спасла здесь Михалю. Зачем всё это? Сколько ещё людишкам копошиться в этом аду?

— Теперь мы остались одни, — священник равнодушно посмотрел на тело Михалю, затем перевёл взгляд на Петру. — Мы умираем. Все умирают. Не волнуйся. Теперь пробил твой час. И тебя ослепит слава. Ты станешь порождением света, лишь попроси.

Петра захотела наброситься на ксёндза, перегрызть ему глотку. Она сделала бы это, если бы не оглушительный грохот выстрелов. Девушка увидела, как один из солдат валится на землю, залитый кровью. На пустынной площади стоял Стефан, держа в руках пулемёт. Ксёндз спрятался за вторым охранником. Грянули новые выстрелы. Пули, пройдя навывлет, разворотили грудь охранника, выбив из его спины кровавое облако. Мужчина вышел из порохового дыма и прыгнул на мостки. Подошёл к месту казни, схватил ксёндза и завёл ему руки за спину, заставляя пасть на колени.

— Грешники! Злодеи! Пусти меня! Отпусти! — заголосил старик, пытаясь вырваться.

— Я думал, что это никогда не закончится, — сказал Стефан, подходя к Петре. Он был мокрый и грязный от пыли и крови. — Мы должны бежать отсюда. С тобой всё в порядке, крошка?

Петра посмотрела на окровавленное лицо Михалю.

— Грешники! Вы попадёте в ад! — продолжал надрываться ксёндз.

— Если ты ещё не заметил, мы уже в аду, — тихо ответила Петра, забирая у Стефана оружие. Она отвела затвор, и, убедившись, что в патроннике остался последний патрон, медленно подошла к старику.

— Твоё последнее слово? — спросила девушка, холодно глядя на священника.

— Вы ничего не понимаете! Я должен спастись! — старик воздел глаза к потолку.

— Не беспокойся, преподобный, — тихо сказала Петра, подняв ствол. — Ты будешь очищен. Только попроси...

МАЦЕЙ «КОМПО» МАРКЕВКА

320

«Выходи, Нэвилль!»

Ричард Мэтисон «Я — легенда»

Надпись «ЕДУТ ЛЮДИ» на выложенной акриловым стеклом камере ярко зажглась зелёным — значит, подъёмник готов двинуться на поверхность. Красные ворота в стальной клетке с грохотом захлопнулись, закрыв внутри четверых людей. Пронёсшееся по туннелю эхо предвещало неизбежный отъезд. Со стоном, свойственным конструкции ушедшей эпохи, лифт двинулся вверх. Для двух его пассажиров, охраняющих остановку на семидесятом уровне, это было обычное путешествие туда и обратно. Для остальных же — билет в одну сторону.

Габриэля охватила дрожь. Впервые. Для душевного спокойствия больше года назад бросил привычку считать Паломничества, когда люди по собственной воле закрываются в тесной ловушке и поднимаются на поверхность. Прекрасно помнил, какие лица у большинства попутчиков. Вроде бы все разные, но чем-то похожи. А именно глазами. Полные сожаления, разочарования, безнадёги, несбывшихся мечтаний. Глаза осужденных. Габриэль боялся этих взглядов, и они использовали этот страх, мучая его по ночам. В повторяющихся всё время кошмарах, среди сотен призрачных глаз, ловил взгляд своего сына, грустно смотревшего на человека, который отправлял его в последний путь. И этим человеком был он сам. Несмотря на важную и ответственную задачу, выполняемую в подземной общине, у Габриэля вовсе не было никаких оснований чувствовать себя увереннее других. Лотерея была равна ко всем обитателям. На кого падёт, тому идти. Сегодня судьба снова ему улыбнулась. Как долго ещё будет благоволять? В последние дни в туннелях шахты «Гвидо» появилось аж четверо новых жителей. Дальше в течение недели пройдёт очередной розыгрыш. На самом деле на территории размером с футбольный стадион действовала простая арифметика — кто-то прибывает, кто-то другой должен уйти. Баланс необходимо соблюдать, безусловно. Как провожающий, Габриэль знал об этом лучше всех. Предстоящий розыгрыш, однако, он боялся больше всего. Потому, что там впервые примет участие его сын.

* * *

— Лотерея начнется через пятнадцать минут! Всех граждан старше пятнадцати лет просьба проследовать в основной отсек! Повторяю! — стандартная формула разносилась снова и снова по коридорам, шахтам, растворяясь в нарастающем гуле толпы, шедшей на розыгрыш.

Габриэль глубоко вздохнул и похлопал по плечу сына.

— Собирайся, Мацек, твоя первая лотерея.

Мужчина безуспешно пытался скрыть дрожь в голосе. Это не ускользнуло от внимания свежеиспеченного пятнадцатилетки, казалось, не особо переживавшего.

— Пап, да не переживай ты так. Какова вероятность, что меня заберут в первый раз? В Гвидо живёт семьсот человек, многие с самого начала, так же, как и ты. Я скорее умру здесь от старости, чем выиграю в лотерею, — пошутил парень, поправляя на себе военную катану, подарок отца.

Плечо куртки украшала нашивка с номером «574», отданную жителем, который в день его рождения принудительно уступил ему своё место. Мацек не знал, кем был этот человек и как его звали. Несколько раз он пытался спросить об этом отца, но тот всегда ловко менял тему разговора. У матери не было никакого шанса спросить — она умерла от потери крови при родах. В здешних условиях все достижения современной медицины быстро вернулись в форму знахарской практики, и даже такие несущественные прежде проблемы, как переливание крови, вновь стали почти невозможными. Поэтому у его родителей было слишком мало времени, чтобы насладиться друг другом. Как рассказал ему однажды обозначенный номером «634» отец, с его матерью Зузанной они познакомились уже здесь, в течение первого года вынужденного заточения на ста семидесяти метрах под поверхностью Забже. Как считали все его жители — скорее всего, единственной шахты в регионе, где туннели не обвалились во время катастрофы. Вот же повезло. На восточной окраине Силезской агломерации, вдали от Катовице, который принял на себя всю силу ядерного удара. Вызванные в результате атаки толчки были, однако, достаточно сильны, чтобы нарушить структуру, размещённой ещё на сто пятьдесят метров глубже заметно более широкой части шахты. Всё с самого начала держалось на честном слове, а рухнуло позже, когда шахтёры, с помощью направленных взрывов и проходческих комбайнов, предприняли попытку расширить жизненное пространство.

— Я гляжу, к ночи на шутки потянуло, — ответил Габриэль, вкладывая много энергии в эту натужную колкость.

Отодвинул полог палатки и махнул головой, давая знак выходить.

— Идём, парень, — велел он.

* * *

В главном отсеке, когда-то музейном зале, бывшем одной из туристических достопримечательностей, царил ужасная давка. Небольшое, по сути, помещение не могло вместить всех пришедших, большая часть поэтому стояла в глубине коридоров, а кое-кому пришлось довольствоваться соседними камерами. На установленном в углу помещения деревянном помосте находились, как всегда, знакомые всем лица. Стоящий справа лысеющий мужчина в довольно хорошо сохранившемся форменном костюме занимал должность начальника шахты. Он должен следить за ходом розыгрыша. Место слева занимал Габриэль, одетый в военную форму. Держа руку на закреплённой на поясе кобуре, окидывал взглядом толпу в ожидании результата розыгрыша. Его задачей было отвести двух неудачников к лифту, независимо от того, пойдут они добровольно или придётся применить силу. В самом центре, напротив стеклянного шара, заполненного рулончиками бумаги, стоял Бочонок — тридцатилетний толстяк, названный так с издевкой в честь совершенно другой лотереи, популярной в прежние годы, ещё до того, как всё рухнуло. Бочонок выполнял свою работу с 2028 года, когда его предшественник вытащил собственный номер. Как свидетельствуют очевидцы, «выражение его лица было бесценно». Царящий в камере гомон резко оборвался, вместе с первыми словами Бочонка.

— Приветствуем всех на Лотерее! — закричал в изношенный, но всё ещё исправный оранжевый мегафон, позволяющий стоящим далеко от лестничной площадки тоже слышать каждое слово. — Как вы знаете, недавно наша община пополнилось четырьмя новыми членами! А так как никто не ушёл естественным путём, на предстоящее Паломничество нам нужно такое же количество взрослых жителей! Двоих отвели ровно неделю назад, ещё одну

пару выберем сегодня! — он сделал паузу, разворачивая смятый лист с написанными правилами, который, несмотря на столько лет, всё ещё, видимо, не выучил наизусть. — Напоминаю правила! В Лотерею могут принимать участие только лица, достигшие пятнадцати лет! Результаты розыгрыша являются обязательными, обжалованию не подлежат! Это значит, что после их объявления невозможно добровольно поменяться с человеком, вытянутым по жребию! Кто хочет уйти добровольно, пусть сделает это сейчас! — ещё одна пауза, на этот раз заметно короче, в истории Лотереи до сих пор не нашёлся подобный смельчак. — Объявленные лица обязаны явиться на выход не позднее, чем через пятнадцать минут с момента объявления результатов! После получения оборудования, необходимого для выживания на поверхности, их отведут в подъёмник, на котором в сопровождении охранников выведут за укреплённую территорию здания шахты! Они отправятся в Паломничество на поиски новых мест для жизни! Если им удастся их найти — пусть проживут как можно дольше! Если нет — пусть найдут покой в чертогах Господа нашего! — последняя пауза длиннее, но даже тихий шорох не нарушает тишину. — Если всё понятно, начинаем Лотерею!

Бочонок крутанул стеклянный шар и из сотен рулончиков выбрал один. Габриэль тяжело смотрел, как жирные пальцы разворачивают бумажку с напечатанным номером.

— Четыреста сорок три! — объявил Бочонок в мегафон.

Из зала донёсся крик отчаяния двух девочек-подростков. Бездушный рок указал своим когтем на их маму, которая мрачно, судорожно обняла своих дочерей. Не обратив внимания на стенания, разделивший их семью Бочонок снова засунул руку в стеклянный шар. Развернул ещё одну бумажку и на мгновение заколебался. Габриэль почувствовал, как по спине ледяными струйками потёк пот.

— Пятсот семьдесят четыре... — произнёс в мегафон Бочонок.

До Габриэля не сразу дошла новость. Моргнул несколько раз, покачал головой и посмотрел на толпу, которая не просто вернулась к прежней суматохе, а скакала и обнималась. Счастливицы, что избежали изгнания, совершенно не обращали внимание на развернувшуюся драму. Габриэль, наверное, ослышался, второе число ему подсказала фантазия. Ну конечно! Так боялся, что выпадет именно оно, что мозг, в конце концов, сыграл с ним злую шутку. Болезненное столкновение с реальностью ощутил только тогда, когда среди расселившейся толпы высмотрел стоящую неподвижно фигуру, смотрящую на него заплаканным взглядом. Тем самым, что преследовал его по ночам.

— Не может быть... — тихо убеждал сам себя. — Этого не может быть, — повторил он, на этот раз громче.

Стоящие рядом Бочонок и начальник шахты смотрели на него с состраданием. Первым заговорил мужчина в костюме.

— Габриэль. Даже не знаю, что сказать... мне так жаль.

— Если хочешь, заменю тебя сегодня, — предложил Бочонок, желая избавить отца от необходимости вести к лифту собственного сына.

— Этого не может быть! — заорал Габриэль в ответ.

Он кричал это снова и снова, пробиваясь сквозь толпу к Мацеку. Повторял как мантру, однако голос заглушали крики сотен других людей. Он словно безмолвствовал.

* * *

Надпись «ЕДУТ ЛЮДИ» на выложенной акриловым стеклом камере ярко зажглась зелёным — значит, подъёмник готов двинуться на поверхность. Двое охранников открыли красные ворота в стальной клетке, вводя внутрь скорбящую по юным дочерям женщину, а затем одетого в шахтёрский костюм Мацека, умоляюще смотрящего отцу в глаза. Габриэль чувствовал себя бессильным. Он не мог повлиять на результат розыгрыша. Не мог поехать вместо сына. Он не мог ничего. Поэтому он решил соврать.

— Слушай меня внимательно, — начал он, вручая сыну пузырёк с горсткой мелких кристаллов, напоминающих сахар. Это был цианистый калий в смертельной дозе. Держал его всегда при себе во время розыгрыша, на случай, если Лотерея укажет на него. Уж лучше быстрая смерть, чем долгая агония. — На улице очень, очень холодно. Гораздо холоднее, чем здесь. Когда будешь там, найди себе неподалёку какой-нибудь безопасный тайник. Хорошо запишись внутри, накройся чем только можно, и залей в этот флакон немного воды из фляги. Выпей до дна. Это согревающее средство, поможет пережить ночь. Подожди меня там. Я поговорю с начальником шахты, он мне должен, так что, безусловно, позволит мне утром к вам присоединиться. Вместе у нас больше шансов. Я не оставлю тебя там одного.

— Обещаешь? — спросил Мацек, с дрожащим от слёз подбородком.

Габриэль обнял его так крепко, как только мог, и сделал шаг назад, выходя из кабины лифта, с трудом готовясь сказать ещё одну ложь.

— Обещаю, — ответил Габриэль.

Мацек не знал, что отец не может сдержать слова. Из-за сложности в обслуживании подъёмника его использовали исключительно экономно, в соответствии с установленным в начале каждого месяца графиком. Не ждать же следующую лотерею, а ближайший выход сталкеров назначен на следующую неделю, так же, как и новая смена операторов подъёма и охранников здания шахты. «Обещаю». Этими словами он окончательно попрощался с ребёнком. Он знал, что это ляжет тяжёлым бременем на сердце до конца жизни. Как вес скобы, что запирает двери лифта. И рука, которую он поднял к большой оранжевой кнопке, чтобы дать ожидающему на поверхности машинисту-подъёмщику знак отправки.

* * *

Габриэль сидел с вытянутыми ногами, упирившимися в ту же стену, по которой он сполз на пол добрых полчаса назад. Как правило, он бы уже давно оставил своё рабочее место, вернулся бы в родную палатку. На этот раз, увы, его там никто не ждал. Будет здесь сидеть, пока не сдохнет. А если дотянет до выхода сталкеров наверх, добровольно покинет шахту, найдёт убежище сына, ляжет рядом с его отвердевшим телом и умрёт прямо там. Мощные канаты из высокопрочной стали, как струны гигантского контрабаса, начали наигрывать мелодию возвращающегося с дребезгом лифта. Охранники возвращались. Габриэля это мало интересовало, даже не посмотрел в сторону раскрывшихся с щелчком дверей кабины.

— Твою мать... Габриэль, что ты здесь ещё делаешь?! — спросил с явным удивлением в голосе один из охранников.

Второй поспешно закрыл двери лифта, будто что-то скрывая.

— Сижу, не видно? — ответил риторически.

— Чувак, нам очень жаль, но лучше иди уже. Отдохни, тебе это на пользу пойдёт, серьёзно, — убеждал мужчину, схватив Габриэля за руку, как если бы пытался помочь ему встать на ноги, хотя тот вовсе об этом не просил. Мужчина был явно расстроен, он действовал поспешно и неуклюже. Как будто пытался избавиться от незваного гостя.

— Да отцепись! — запротестовал в отчаянии отец. — Чем тебе, курва, мешает, что я здесь?!

Дз-з-з-зынь!

Звук сигнала при отправлении подъёмника перебил его. Лифт, по сути, поехал, вот только не вверх, а вниз.

— Что за... — пробормотал Габриэль. Кабина лифта исчезла под полом и продолжила путешествие вглубь земли. — Что происходит? Куда едет этот лифт?! — спросил тоном, не терпящим отказа.

— Чувак, я не знаю, такой у нас был приказ, спустить его вниз, вот и спустили. Нам платят за работу, а не за вопросы! — ответил охранник, что ещё минуту назад настойчиво пытался его увести.

Габриэль понял, что всё произошедшее не предполагало свидетелей. Понял также, почему этот второй так поспешно закрыл двери лифта. Он хотел скрыть от него груз. Интуиция подсказывала, что там могло бы быть, поэтому рискнул задать ещё один вопрос.

— В лифте был мой сын?

Охранники замерли как вкопанные. В точку. Второй, молчавший до сих пор охранник, поднял в его сторону автомат Mini Beryl.

— Вали отсюда, и для собственного блага забудь всё, что видел. У тебя пять секунд, я не шучу, — процедил тот сквозь зубы.

Габриэль понимал, что должен отступить. Сверля нападающего ненавидящим взглядом, молча удалился вглубь коридора. Он понятия не имел, каким будет его следующий шаг, но знал, что должен действовать быстро. Ответ пришёл с совершенно неожиданной стороны. Более добрый из охранников догнал его недалеко от входа в жилой отсек. Прошептал ему на ухо одно единственное предложение: «Главное отделение, спроси Эдмунда», после чего исчез так же быстро, как и появился.

* * *

Возле деревянного помоста, где обычно проходила Лотерея, сидел старик. Замотанный в тёмные тряпки, он пытался согреться у костра, разведённого в стальной бочке. Сосредоточенный на кончиках собственных сапог, не сразу заметил направляющегося в его сторону Габриэля.

— Ты Эдмунд? — удивил старика вопросом.

— А кто спрашивает? — ответил вопросом на вопрос, прикрыв при этом глаза, чтобы в свете костра разглядеть своего собеседника.

— Габриэль, я сопровождаю Паломников к подъёмнику.

— А-а-а... — старый Эдмунд нахмурился и покивал с пониманием седой головой. — Значит, это ты послал моего сына на паломничество...

Габриэля сбило с ног. Только сейчас в сгорбленном старике узнал седоватого мужчину, что десять лет назад со слезами на глазах и молитвой на устах отдавал ему своё единственное дитя в руки палача, собиравшегося отправить его на тот свет.

— Не бойся, сынок, я не держу на тебя зла. Ты сделал то, что должен был, хотя и не было дня, чтобы я не пожалел, что не выпало тогда на меня. — Слова прощения из уст Эдмунда позволили Габриэлю вздохнуть с облегчением. — Однако, как видишь, не выпало на меня ни тогда, ни когда-либо потом. Я не был близок со своим ребёнком должным образом, а сам я не решаюсь лишиться себя жизни, хотя Бог мне свидетель, я пытался неоднократно. Так что я подожду ещё немного. Думаю, уже скоро, — словно в подтверждение своих слов разразился кашлем. Сплюнул мокроту, отёр губы и добавил: — Был я и на сегодняшнем розыгрыше. Никто лучше тебя не поймет боли, что уничтожила до основания мою душу. Бедный мальчик, у него было ещё столько всего впереди...

Больно. Габриэль не мог, увы, впасть в отчаяние. У него не было на это времени. Вместо этого выпалил сразу:

— Видимо, ты знаешь правду об уровне триста двадцать. Ведь этот сегмент рухнул вскоре после катастрофы. Сегодня сам видел, однако, как туда отправился подъёмник... подозреваю, с моим сыном внутри...

— Его туда послали? Боже, помилуй его душу... — старик перекрестился. Видно было, что он хочет сказать что-то ещё. Его потрескавшиеся губы то складывались, готовые произнести ещё слово, то снова закрывались наглухо. Формулировка предстоящего высказывания причиняла ему явное затруднение, словно должна была раскрыть давнюю тайну. Наконец заговорил снова. — Сынок, уровень триста двадцать обрушился, да, но лишь частично. Мы потеряли к нему доступ со стороны лифта, но сами коридоры остались целы. У нас не было уверенности, что кто-то выжил, хотя многие утверждают, что из шахты слышат странные звуки. Одни говорили, что это ветер, другие, что крики выживших, третьи, что

это их души. Правда оказалась совсем другой. Наконец команда шахтёров взялась за обвал. Об этом не распространялись, потому что наградой для всех участников должно было стать годовое освобождение от участия в Лотерее.

— Я не знал, — ответил явно удивлённый Габриэль. До сих пор он полагал, что Лотерея, помимо смерти, единственное в шахте, равное для всех.

— Никто, кроме рабочих, не знал. Сам понимаешь, руководство шахты не могло допустить бунт, а только справедливая оплата могла убедить шахтёров работать на такой глубине. Идея принудительно отправлять туда людей также была отвергнута ради тех, кого отправляют на поверхность. Лучше, в конце концов, работа киркой, чем верная смерть в отравленном мире, как известно. Посвящённые пообещали в письменной форме хранить молчание под страхом немедленного изгнания. Вместе с одним членом семьи.

Габриэль выкатил глаза. Он не хотел верить словам старика. Неужели Лотереей настолько манипулирует руководство шахты? Хотя он и не задал вслух этот вопрос, Эдмунд поспешил с ответом.

— Вся эта Лотерея выеденного яйца не стоит. Результаты устанавливали по своему усмотрению. И не только когда была такая необходимость. Потому что, видишь ли... не каждый Паломник на самом деле попадает на поверхность. Сначала подъёмник всегда едет вверх, потом останавливается и ждёт команды спускаться. И дальше в самый низ...

— Ты знал всё это время?! — Габриэль был в шоке, не контролировал себя. — На хрена их туда свозят? Сколько их было? Где мой сын?!

— Я знал, да! И молчал бы дальше, если бы не твой сын. Я лучше знаю, каково потерять единственного ребёнка! — он ответил столь же твердо Эдмунд. — Ты даже не знаешь, сколько стоило мне хранить эту тайну, но я сделал это ради всех нас. Чтобы это понять, правда, ты должен знать, что мы обнаружили тогда, там, внизу.

Стук крови в висках Габриэля немного утих. Кивнул: что там дальше?

— Завал был одинаково серьёзен в обоих концах туннеля, рядом с лифтом. Мы выбрали один и начали копать. Мрак, холод и чудовищная запыленность всё усложняли. Когда, наконец, удалось, выбранная по жребью группа отправилась по коридорам в поисках людей, их трупов или хотя бы запасов. Но дело в том, что они долго не возвращались. Мы ждали час, два, три. В конце концов, мы выбрали вторую группу. На этот раз выпало и мне. Не скажу, что я никак не переживал, я не знал, что там происходит. Ну и куда подевались жители, или хотя бы следы от них? Ответ пришёл буквально через сто метров. На развилке, в темноте одного из рукавов, я увидел то, во что потом отказались верить даже те, кого не удивишь гротескными ужасами на поверхности.

— Скажи мне, сынок, ты когда-нибудь слышал о стржиггах? — спросил он в конце.

— Стржиггах? Вампирах из славянских верований? — удивлённо уточнил Габриэль. — Что ты несёшь, старик?

— Уровень триста двадцать прикончил не обвал земли, а именно они, стржигги. Одного из этих монстров мы видели тогда в туннеле, — ответил он, не обращая внимания на бестактный вопрос собеседника. В глазах отражался ужас тех мгновений. Эдмунд, по-видимому, не шутил.

— Что ещё за стржигги? Какие-то мутанты с поверхности? — допытывался Габриэль.

— Никаких мутантов. Стржигги, стржигуны. Дьявольские души, зачарованные с рождения в человеческих сердцах. Захватывают власть над телом человека после его смерти, охотятся на живых, питаются их кровью, мясом, внутренностями. Помнишь ещё, как раньше мы прятали умерших?

— Закапывали их в землю... но что есть, то есть...

— В землю, верно, — прервал его старик. — Но разве это всё? Тогда об этом едва ли кто-то знал, а сегодня ещё меньше, но наш обряд похорон связан непосредственно с традицией антивампирского захоронения. Выносить трупы вперёд ногами, чтобы умерший не мог увидеть и запомнить дорогу домой. Поспешно прикрывать зеркалом место, где пройдут похороны. Заклинания, с которыми родные бросают горстки земли, чтобы посыпать гроб;

публичные заверения, что он ушёл и никогда не вернётся. Это не случайно. Сознательно или нет, все мы боимся возвращения из могилы. Независимо от веры, культуры или возраста, в котором живём. Стржиги исчезли только потому, что проводился такой обряд. Теперь же умерших мы вывозим просто в лифте на поверхность, оставляя на произвол вечной зимы. А заодно, наверняка, и различным падальщикам. У отрезанных от мира жителей триста двадцать, увы, такой возможности не было. А после обвала трупов стало хоть отбавляй...

— Это нелепо, — возразил Габриэль. — Говори, что ты там видел.

— Стржигуна, я же сказал. Там стоял вроде как человек, но ужасно худой и бледный. Со слепыми глазами, с кровью на устах. И труп одного из наших, лежащий у его ног.

Габриэль задрожал. История была невероятная, но, несмотря на это, теперь решил не ставить под сомнение слова старика.

— Я ринулся бежать без оглядки. Даже тогда, когда один из моих товарищей споткнулся об рельс, упал и громко умолял, чтобы мы его подождали. Мы же издалека кричали тем, кто ждал в лифте, чтобы дали знак машинисту поднимать нас. Ввалились вдвоём в подъёмник буквально за минутку до того, как тот двинулся вверх. Крик несчастного, брошенного внизу, резко оборвался, прежде чем мы вышли на уровень сто семьдесят...

Наступила тишина. Неужели история подошла к концу? Габриэль решил получить ответы на ранее заданные вопросы.

— У тебя есть какие-либо доказательства этих откровений? И что с ответами на мои вопросы? Если есть какие-то легендарные существа, почему туда свозят людей? Сколько их было? Что с ними... что случилось с моим сыном?

— Доказательства? Ты видел их, но не заметил. Помнишь ряд таинственных исчезновений вскоре после того, как отрезало уровень триста двадцать? — Габриэль кивнул. — Всё было иначе. Это те звери, сразу после нашего побега, сломали механизм вызова лифта и начали его использовать. Машинист подъёма тогда ещё не знал об этом, ответил на вызов, думая, что там всё ещё ведутся работы. Привёз на наш уровень стржигу или нескольких. И не раз. Затем пропал один из наших, никто даже не заметил когда. О том, что лифт использовали между уровнями без нашего ведома, мы узнали только через несколько дней, когда машинист вернулся со смены. Теперь лифт ходит на этот уровень только в назначенные дни... часто совпадающие с датой отправки на поверхность Паломников...

— Как часто? И зачем?! — спросил Габриэль. Снова дал волю нервам.

Эдмунд, однако, не собирался проверять его терпение на прочность.

— Часто. Как правило, каждое второе Паломничество. Видишь ли... несмотря на все меры безопасности, стржиги нашли путь наверх. Залезали по запасной шахте, заброшенной с самого начала, и чёрт знает где ещё. Люди снова начали пропадать. Тогда кто-то придумал дьявольский план, за который мы все отправимся прямо в ад. Страшный, но эффективный. Мы начали их кормить.

— Ты гонишь, — не поверил Габриэль.

— Паломники и так шли на верную смерть, а их регулярные поставки на триста двадцать остановили, наконец, этот ряд несчастий. По-видимому, существа достаточно разумны. Лучше ждать готовенькое, чем лезть наверх. А что с ними делали? Я предпочитаю не думать. По крайней мере, они не страдали. Охранники, во время предполагаемой транспортировки на поверхность, усыпляли их хлороформом, а сами поднимались на уровень сто семьдесят. Всё, что я знаю. И так слишком много для одного человеческого сердца. Если надо будет, я буду первым в очереди к лифту. И поеду вниз. Хочешь, можешь сообщить об этом кому надо. Пусть ад поглотит, в конце концов, и меня. Я заслужил это.

Габриэль встал без слов, развернулся на каблуках и стал удаляться от костра. Чуть отойдя, бросил через плечо:

— Сообщу, за мной не заржавеет. Я сам туда поеду.

* * *

— Сто двадцать один! — закричал в мегафон Бочонок.

Стоящий в первом ряду необъятной толпы Эдмунд даже не вздрогнул, когда назвали его номер. Он был готов к этому.

— Шестьсот тридцать четыре! — выпал ещё один номер, на этот раз принадлежавший Габриэлю.

Он тоже не выглядел испуганно.

Таким образом, власти шахт боролись за статус-кво, избавляясь от людей, потенциально способных поставить под угрозу стабильность и так с трудом построенной социальной структуры. Несколько часов назад Габриэль постучал в дверь кабинета начальника шахты, чтобы рассказать обо всём, что узнал от Эдмунда. По-прежнему безукоризненно одетый мужчина в самом деле ожидал его прибытия после сообщения от одного из охранников о происшествии в лифте. Что, впрочем, не помешало руководителю показать впечатляющие актёрские способности. До конца оставался в роли, разыгрывая удивление, и неверие, и даже заботу. Менее чем через час глашатай объявил внеочередную лотерею, проводимую только в самые сложные времена, когда количество граждан нужно было уменьшать на постоянной основе. На этот раз причиной назвали слишком быстро сокращающиеся запасы продовольствия. Отговорка хорошая, как и любая другая. Вполне достаточно для изгнания вредных лиц. Ведомые к подъёмнику вновь назначенные на изгнание мужчины не собирались протестовать. Хотя фиктивный выезд на поверхность, а затем спуск в самые глубины шахты был частью плана, Габриэль почувствовал себя неуютно, когда оказался внутри кабины. В испуганном взгляде молодого изгоя он без труда увидел то же чувство вины, чью горечь познал на себе. Он знал, что мальчик боится его взгляда. И также знал, что он будет преследовать его во сне.

* * *

Безжизненное тело охранника с лязгом ударилось о пол кабины. Из чудовищных ран на шее всё ещё хлестала кровь.

— Блин, я не хотел, чтобы так вышло, — сказал Габриэль. Рука сжимала окровавленное лезвие.

— Что сделано, то сделано, — утешил его Эдмунд. — Если бы ты колебался ещё минуту, наверное, мы были бы сейчас на их месте.

И всё же у Габриэля не было иного выхода, по крайней мере, так он оправдался перед самим собой. Когда лифт, направлявшийся в сторону поверхности резко остановился, а охранники бросились на них с тряпками, смоченными хлороформом, дело приняло очень плохой оборот. Готовый к коварной атаке Габриэль собирался захватить одного из нападавших, а затем использовать его в качестве живого щита против другого. Легко в теории. На практике же приглушённый короткий залп из автомата повёл драку по совсем другому сценарию, и его кровавый финал украшал пол. Бой, из которого, пожалуй, только случайно они вышли победителями, только кончился, а лифт уже остановился на уровне, откуда изначально двинулись. Мужчины потратили короткую остановку, чтобы забрать оружие охранников и выкинуть их трупы. Сердце Габриэля стучало набатом, вот только им руководил не только первобытный инстинкт выживания, но и связь, соединяющая его с сыном. Он всё ещё верил, что успеет добраться до него, пока не поздно. Сильным рывком кабина сообщила, что направляется к цели путешествия. Не тратя ни минуты, Габриэль отодвинул двери лифта. От того, что он увидел, застыла кровь в жилах.

— Боже мой, это они! — закричал старик, в отчаянии пытаясь взобраться по задней стене кабины.

В полной темноте, не более чем в десяти шагах от лифта, стояли стржиги. Не одна или две, а целая армия. Толпа бледных тощих силуэтов, одетых в грязные лохмотья. Существа

неподвижно смотрели затуманенными бельмами глаз на пару новичков. Любая борьба против такой оравы противников заранее обречена на провал. Пуль в магазине, вероятно, не хватило бы даже на первый ряд. Габриэль отбросил автомат и упал на колени. Он чувствовал себя столь же беспомощным, как в момент отправления Мацека на верную смерть. Сил ему хватило лишь на одну фразу:

— Верните мне моего ребёнка — проскулил жалобно.

— Папа! — ответил ему голос из толпы. Он принадлежал его сыну.

Сжавшийся в комок Эдмунд, наконец, решился поднять глаза. Как раз вовремя, чтобы увидеть, как разделённая недавно семья обнимается.

— Но... как?.. — спросил Габриэль сквозь слёзы, не выпуская сына из объятий.

— Папа, тут такие же люди, как и мы! Они пришли позже, но тоже с поверхности! — поспешил с ответом Мацек.

— С... поверхности? — переспросил ошарашенный Габриэль.

* * *

— Не светите на меня, пожалуйста, — попросил тощий, бледный человек, прикрывая ладонью мутные глаза. Его голова была лысой, а кожа морщинистой и покрытой гнойниками. — Вижу плохо, а свет причиняет мне боль, — добавил он.

Габриэль сидел напротив необычного собеседника в маленькой горной камере, обнимая сына рукой. Рядом с ним сидел Эдмунд.

— Вы, наверное, хотите знать, что мы за существа, — продолжал бледный человек. — Мы обычные люди, выжившие в катастрофе. Бедные тогда, ещё беднее сейчас. В прежние годы, не имея возможности найти работу в шахте, вели добычу угля сами по себе. Угольные шахты незаконные, опасные, но позволяли сохранить семью. Некоторые копали неглубоко, в одиночку или парами, другие — целыми группами, организованно. Докапывали до действительно богатых месторождений угля, иногда и на сотню метров или ещё глубже. Тогда эти шахты давали нам деньги, а в день катастрофы дали убежище. Не уберегли нас, увы, от губительных последствий радиации. Мы зарылись ещё глубже. Чем только могли, даже голыми руками. Некоторые погибали при обвалах, но на их место приходили новые, тоже ищущие убежища. Приносили с собой горно-шахтное оборудование, иногда взрывчатые вещества. Это облегчало наши труды, но однажды привело к трагедии. Мы не знали, что мы уже так близко к туннелям Гвидо. Очередной устроенный взрыв серьёзно повредил не только наши туннели, но и ваши. Погибло тогда много, но, по-видимому, такой должна была быть цена, чтобы найти безопасное место. Полные запасы, генераторы тока, дизтопливо, медикаменты. Однако живущие здесь люди не хотели делиться. Упрекали нас за отключение их от шахты лифта, хотя, как выяснилось позже, сами тоже были причастны, повредив ранее конструкцию коридоров проходческими комбайнами и взрывчаткой. Мы хотели договориться, даже умоляли, но те не хотели слушать. Это была ошибка. Бессмысленная война между нами унесла не только много жизней, но и все накопленные запасы. В конце концов, и наших, и ваших на время объединил голод. Многие мародёрствовали на поверхности в поисках еды, некоторые пытались прорваться в здание шахты с поверхности. Но ваша стража не терпела злоумышленников, будь те людьми или чем-то ещё. Стреляли без предупреждения из шахты, как только кто-то оказывался в пределах досягаемости их оружия.

Габриэль почувствовал себя виноватым. Он нашарил в памяти день, когда он, резвый юноша, сам пытался попасть в охрану поверхности, прежде чем беременности Зуанны удалось сорвать его планы, и пришлось, в конечном счёте, стать провожающим. Бледный человек продолжил.

— Хотя нас изуродовала радиация, голод оказался самым большим врагом. Каждый знает, к чему это приводит. В отчаянии мы начали жрать своих. Как правило, мёртвых, ибо не было выхода, а также слабых. Ели и чужаков, что приезжали сюда на лифте и, в конце

концов, докопали до нас. Это было наше худшее время. Голод и лучевая болезнь сократили наше число более чем наполовину. Некоторые пытались попасть на более высокий уровень. То приступом, то по заброшенной шахте, и снова по вентиляции. Пока, наконец, кто-то не стал сам посылать нам людей. Тогда пришло раскаяние. Вместо того, чтобы нападать друг на друга и умирать в опасном восхождении на более высокий уровень, мы разделили роли и начали сотрудничать. Сильнейшие или вновь прибывшие выходили на улицу искать ценные вещи, а слабые, дети и старики работали здесь. Со временем нам удалось восстановить утраченную человечность. Сегодня мы стараемся жить как раньше. Тех, кого сослали сверху, мы принимаем как своих. Каждая здоровая пара рук здесь на вес золота. Твой сын, например, оказался отличным поваром и мастером на все руки. — Мацей улыбнулся на эти слова. — Так вкратце звучит наша история. Нас не слишком много, а рак и другие болезни забирают больше старых, чем приходит новых. Нам нужны люди. Если не хотите наверх, оставайтесь с нами, — закончил он.

Трое мужчин — старик, мужчина в расцвете сил и подросток — обменялись взглядами. Поняли всё без слов. И в прямом и в переносном смысле выиграла в лотерею.

* * *

Укладывая спать рядом с похрапывающим уже отцом, Мацек покрутил в руках стеклянный пузырёк с хрустальным порошком. Хотя в туннелях шахты никогда не царил тепло, сунул её обратно в карман куртки, оставив на чёрный день. Вернее, на особо холодную ночь.

* * *

В больничной палате на уровне 170 молодая мать кормила грудью двухнедельного сына. Значительная потеря крови во время родов задержала её в импровизированном родильном доме дольше, но сегодня, наконец, она смогла вернуться домой. В свободной руке она держала нашивку с номером своего ребёнка, унаследованным от Пилигрима, что уступил ему место в рядах подземной общины. Она решила ещё раз взглянуть на записку, что получила от акушерки в комплекте с нашивкой. Обе вещи принадлежали, видимо, отцу изгнанного из шахты парня. Письмо было адресовано новорожденному. В письме, написанном от руки, говорилось:

«Дорогой номер 574!

Тебе достался особенный символ. Заключающий историю двух замечательных и близких мне одновременно людей. Первой этот номер носила моя жена Зузанна, кто, несмотря на слабое сердце и предостережения врача, решила доносить плод и рожать в сложных условиях. Она отдала свою жизнь за нашего сына Мацея, а вместе с последним вздохом передала ему свой номер. Тот самый, который 15 лет спустя отдал Тебе сам Мацей, отправленный туда, откуда уже нет возврата. Он ушёл, чтобы Ты получил право на жизнь. Не упусти его, пожалуйста, и будь таким же хорошим человеком, как те, кто носил этот номер до Тебя.

Удачи, номер 574».

Мальчик уже доел, мать отложила записку на кровать, подняла его вверх и осторожно погладила по спине.

— Наелся, Матюша? — спросила она своего сына.

Мальчик беспечно улыбнулся своей матери. Он ведь пока понятия не имел, в какой холодной, тёмной и суровой реальности ему пришлось родиться. Об этом он узнает совсем

скоро, но не сейчас. Он мог закрыть глаза и спать спокойно. Ведь до своей первой Лотереи ему ещё целых пятнадцать лет.

ЮСТИНА МИЦОТА НЕМОЙ

1

Чёрная рукоять, соединённая с длинным, тяжёлым лезвием. Аккуратно выполненная, чуть-чуть изогнутая и красивая, как стерва. Выщерблена, несмотря на переточки. Наверное, больше обычной, и видела больше, чем многие люди.

Я держал его в руках с уважением, граничащим, по мнению некоторых, с благоговением. Так, как надо относиться к диким животным, — с мягкой решительностью, но не без настороженности. С одной стороны от держателя и до самого конца тянулись толстые зубрины замысловатой формы, чтобы разрывать, шинковать, резать. Одного не хватало. С другой — серебряный скальпель.

Протёртая и изношенная рукоять лежала в ладони, словно влитая.

Я слегка повернул запястье, и лезвие послушно повернулось на сто восемьдесят градусов. Если бы только здесь было довольно света, серебряная сталь блеснула бы в темноте отражённым светом. Я вёл медленно пальцем по гладкой поверхности, чувствуя на себе ревнивый взгляд Ваньки. Он ничего не сказал, он знал правила. Найденным всегда делимся, а что украл — твоё.

Я почувствовал кожей мелкие продольные углубления, расположенные крестом — маленькая свастика залита белой краской, на которой ещё виднелись следы.

Я был хорошим вором. Среднего роста, с обычными чертами лица, что легко стирались из памяти. Смешивался с толпой и наблюдал. Я не составил план — замутнило бы только необходимую трезвость мысли, в этой профессии нужна импровизация. Я видел всё и всех — что они делают, куда идут, зачем. Видел схемы и шаблоны, настроения, отражающиеся на лицах торговцев. Я знал, где находятся переходы, и догадывался, куда они ведут, я знал все пути отхода, укрытия, посты. Я брал, что мне было нужно, и уходил, куда хотел.

На близлежащих станциях нас знали прекрасно, приветствовали с распростёртыми объятиями новые товары. Ещё лучше, конечно, мы знали их, станции, сети боковых и центральных тоннелей нашего района — от ВДНХ до Сходненской — каждое помещение, каждый переход. Часто бывали на отвратительно процветающих, ярких, почти как солнце, переполненных сладковатыми запахами мыла и острым запахом трав оживлённых станциях Кольцевой линии. Мимо погружённых в бессознательное процветание москвичей прокрасться довольно сложно. Пускали нас и на Красную Линию, только символически обыскивая, — у нас были специальные документы от высокопоставленных лубянских деятелей, обмененные на роскошные предметы из Ганзы. Не спрашивали, откуда они у нас, догадывались, что по пути берём их и на красных станциях, но алчность затмевала чувство ответственности за жителей, и они ждали только, пока мы придём торговать странными, экзотическими фруктами и специями из Полиса, хорошим, свежим мясом с Динамо, чайком с ВДНХ, чёрными сигаретами с Бауманской.

Сам я никогда не испытывал ни малейшего проявления неприязни или превосходства со стороны «красных», наоборот, они воспринимали меня как равного себе. Ганза же постоянно уничижительно смотрела на торговцев и нищих.

Однажды нас накрыли. Кто-то понял, что мы не слишком чисты на руку, и дал знать охране. Мы едва успели заметить, что идут по наши души. Ткнул Диму и вчетвером стали медленно, но точно отступать. Кто-то фыркнул на нас с отвращением, — Антон толкнул какую-то женщину. Те ускорились. В спокойную доселе толпу осторожно вкрался хаос. Мы побежали, мы были уже близко. Боковой, пустой коридор в небольшую комнатку, в узкую вентиляцию. Лишь бы повернуть в нужную минуту, исчезнуть из виду. Кричали, чтобы мы

остановились. Иван бежал последний. Ни один из нас не заметил, как он исчез. Кто-то бросился на него, схватил за ногу и стащил на землю. Пол взлетел вверх, врезался в лицо холодным покрытием. Парень сел на Ваньку, вывернул ему руки за спиной. Вокруг раздались крики богатых, как куклы, женщин. Смотрел вокруг, как загнанный псами олень, пока мы не пропали в толпе. Не было смысла кричать.

Вернули его нам на Дмитровскую, разумеется. Спустя два дня. В синяках, окровавленного, грязного, измученного. Всего лишь из-за отсутствия дурацких документов.

Ни один из нас не считал, что мы полностью это заслужили. Могли бы предположить, что были глупы и недостаточно внимательны.

Я погладил ласково коварный нож — кусок стали длиной почти с моё предплечье, самое ценное из моих сокровищ, что был со мной так долго.

— Убери его, себе хуже сделаешь, — услышал рядом хриплый, так хорошо знакомый мне уже много лет голос приёмного брата Димы.

Я собирался было что-то буркнуть, но он смотрел на сидящего под стеной утомлённого Антона, перекидывающего из руки в руку неприметную гранату. Тот смерил его весёлым взглядом. Притворился, что слегка замахивается и бросает её в Диму.

Мы сидели в темноте, в туннеле у Достоевской, на пересечении с перегоним Новослободская — Проспект Мира, уже какое-то время. Не было смысла жечь костёр — просто пустая трата ресурсов и энергии.

— Кто-то взял с собой пожрать? — спросил Ваня, как бы между прочим.

Мы переглянулись с Димой с лёгкими улыбками.

— Ага, — подтвердили мы.

Наступило молчание. Мы старались не смотреть друг на друга, чтобы не разразиться смехом. Ванька опять сожрал всё, что взял. Бедный, вечно голодный Ваня. И при этом тощий, как палка.

— Ну, дайте мне, блин.

Дима усмехнулся, вытащил что-то из сумки и бросил Ивану.

Я приложил кончик лезвия к указательному пальцу левой руки, глядя, как кожа прогибается, белеет, натягивается под давлением холодного металла. Я нажал чуть сильнее.

Мы сидели и ждали — именно из-за играющего с гранатой Антона. Он ещё что-то добавил в этой истории, но теперь ждал спокойно вместе с нами. Слушал тихий скрип потрепанной от непрерывной езды дрезины.

На самом деле это была его вина. Теперь мне кажется, что, может, скорее, заслуга.

Мы нашли её на относительно свежем трупе. Большинство таких находок мы привыкли продавать, но кто думал, что кто упустит такую возможность? Конечно, не мы. Если бы мы были достаточно смелы и достаточно хорошо вооружены, чтобы выйти наверх, может, и решили по-другому — всегда ведь существовала опасность, что туннель рухнет от силы удара. Но мы хотели это увидеть, пережить, почувствовать, а обрушение какого туннеля нам бы понравилось смотреть? Простой вопрос — простой ответ.

Маленькая капля тёмной крови. Я отложил лезвие и начал внимательно её разглядывать. Металлический вкус. Тепло человека, а вкус машины, робота. Странно. Сдвинул брови в задумчивости и погрузился в бессмысленные размышления, посасывая указательный палец левой руки.

Тогда мы слышали то, чего так долго ждали.

Как обычно, у нас не было никакого продуманного плана, не говоря уже о плане Б. Но это не страшно. И так ничего не делали бы иначе.

Все четвером мы вскочили на ноги, начали прятать все вещи, разложенные на рельсах, в сумки. Антон схватил фонарик и вышел на середину туннеля. За несколько секунд мы готовы были сорваться с места, сердца бились как сумасшедшие от нервов и возбуждения, по спине пробежали мурашки. На бледных лицах играли глупые улыбки.

Подъезжала ганзейская дрезина — без вариантов. Как всегда, забитая всяким добром.

Казалось бы, всё просто — свет, крик, бросок. А потом взрыв, вибрирующие стены, потолок, рельсы — всё метро. Пламя, искры, запах, особый и отличный от всех. То, чего мы никогда не забудем. И месть — сладкая месть. За синяки Ваньки, за его сломанные пальцы. Ущемим беззаботное богатство жителей Кольца, безразличным к другим. Месть за мерзкую расточительность, за эти запахи, за музыку.

Казалось бы, так просто. Наверное, многое могло пойти не так, даже в самом лучшем плане многое может пойти не так — мы, однако, не знали, что разочарует основной пункт программы.

Мы отчётливо слышали дрезину. Ехала справа, со стороны нашей Дмитровской. Антон включил фонарик. Резкий свет затопил туннель, открывая совершенно иной образ метро. Призрачно-голубоватый, жестокий и слишком искренний. Настолько, что ещё проще поверить в его ложь.

Тогда мы устроили суету.

— Стоять! — заорал Дима.

— Здесь нет прохода! — крикнул Ваня.

— Остановитесь!

Я молчал с вытаращенными глазами, почти дрожал с открытым по-простецки ртом.

Мы услышали какой-то невнятный ответ, где-то далеко в туннеле, откуда мы видели освещающий путь дрезины белый свет. Потом визг тормозов, когда нас заметили.

Антон весь онемел. Холодные, потные пальцы сжались вокруг гранаты, угрожая, что, когда придёт долгожданный миг — подведут. Отдал кому-то фонарик, — не знал даже, кому, — другой рукой на удивление спокойным движением схватился за чеку. Он старался дышать равномерно и глубоко — как ни странно, это было вовсе не трудно.

Скрип тормозов всё ближе и ближе. Уловить миг. Он сощурил глаза. Поднял руку. Дёрнул маленькую чеку.

Кто-то что-то говорил, кто-то на него смотрел, о чём-то спрашивал. Дрезина почти остановилась. Антон бросил гранату прежде, чем успел распознать лица. Прежде, чем он мог им посочувствовать и пожалеть.

Невинный, радостный стук. Первая секунда. Получилось, попал. Не мог не попасть. Не Антон.

Я бросился на землю, отчаянно сжимая руками голову. Потому что так, наверное, нужно сделать — упасть и зажать уши, верно? Почему, чёрт возьми, не я стоял за стеной? Уже поздно. Кто-то упал прямо на меня. Дима? Ваня?

Вторая секунда. Какие-то голоса. Кто-то понял. Крики.

Третья секунда. Я боялся открыть глаза.

Ещё секунда. Паническая возня, шарканье, позже всё накрыла глухая тишина.

Ещё одна. Мы по-прежнему ждали.

Ещё одна. И снова. Ещё одна.

Последняя. Стук сердца сотрясал всё тело, будто я превратился в один большой мускул. Пот тёк по спине и лицу. Открыл глаза. Яркий свет спереди дрезины всё ещё спокойно освещал туннель. И тишина. Страшная, потому что неизвестно, как долго будет продолжаться. А в голове полная пустота. Тогда я мог бы много сделать, но откуда я мог знать? Я лежал вместо этого, как неподвижный мешок картофеля.

Я должен был встать первым. Слишком поздно понял, что значит эта долгая тишина. Я стоял и смотрел на дрезину, точно видел её первый раз в жизни, под стенами лежало несколько свернувшихся тел. Все неподвижны, словно замороженные, будто остановилось время. И ничто не указывало на то, что оно бежит вперёд. Ни одного звука, даже самого лёгкого дуновения ветра. Готов был даже поверить в это.

Ситуация была в принципе довольно смешная — теперь я могу так сказать, когда прошло уже немного времени. Ошеломлённые, парализованные — дураки. И да здравствует маленькая граната — осечка.

Я должен был встать первым.

Кто-то встал передо мной.

Осторожно шевельнулся тёмный силуэт у стены. Позже второй — ближе ко мне, и ещё один — рядом с первым. Пугливые секунды вскоре помчались как угорелые. Один дгнал дрезину, другой потянулся в карман. Очнулись лениво, как насекомые. Осматривались, словно не знали, где они. Приходили в себя. Кто-то потянул меня за плечо. Какой-то приглушённый голос — до сих пор я обнимал руками голову. Я не верил в это. Так не могло быть на самом деле. Так не должно быть. Меня дёрнули сильнее. Я моргнул. Встал — наверное, Дима. Кто-то что-то крикнул, а я всё ещё лежал и ждал. Тем не менее, он дёргал меня, а я не хотел реагировать. Не мог. Я должен был встать, но слишком поздно.

Потом раздался грохот. Раз за разом. Я зажмурил глаза, Дима — мой брат — упал на землю. А может, Антон. Меня дёрнули. Я уже знал. Я не хотел смотреть, не хотел слышать. Я сдался. Слишком поздно, прекрати меня дёргать, нет смысла.

Но все-таки до меня доносились звуки. Хаос, мольбы, ещё выстрелы, угрозы. А сквозь веки просвечивал белый свет дрезины.

Головная боль.

А затем навалилась темнота, наступила тишина.

2

Мне приснилось однажды, что я выстрелил себе в висок. Или, может, кто-то другой выстрелил мне в висок. Разница небольшая, в конце концов, это был всего лишь сон.

Я помню странное оцепенение, покой. А потом короткая, острая боль. Как бы это сказать... как если бы кто-то ударил мой мозг током. Сильный удар по всей поверхности черепа. Ужасно, но в то же время даже приятно.

Давно это было. Так давно, что воспоминание почти стёрлось. Я рассказывал его, однако столько раз и столько раз вызывал в памяти, что ещё в состоянии его описать.

Всегда было интересно, так ли всё будет, случись это на самом деле. Как мой мозг воссоздал то, чего никогда не испытывал? Он представил себе ощущения? Интересно, насколько точно, насколько близко к реальности. Лишь бы никогда не узнать.

Не знаю, что меня разбудило. В голове шумело. Я чувствовал себя, будто центр тяжести перенёсся под лобную кость. Я чувствовал: что-то не так, наверное, нужно открыть глаза, потому что здесь что-то не так. Может быть, это запах, температура воздуха, какой-то звук. Но пахло хорошо, может, чуточку чересчур хорошо; было прохладно, но не холодно, вокруг, кажется, всё, как всегда. В конце концов...

Я приоткрыл глаза и сразу обратно зажмурился. Я уже знал, в чём дело. Было светло. Мерцал призрачный свет.

Пришёл в себя за секунду. Я, должно быть, на Кольце, другого объяснения нет. Только откуда я здесь, чёрт возьми, взялся? В голове пустота и это нежное мигание.

Я был уверен, что если снова открою глаза, без сомнения, ослепну. Но не могу так лежать до конца света.

Глубоко вздохнул. Быстро моргнул. Ещё раз. И ещё. Я широко открыл глаза, принимая агрессивный, холодный свет прямо в мозг. Больно. Вскоре я мог уже различить какие-то фигуры, цвета, людей, очертания станции.

— Доброе утро, — произнёс кто-то хрипло над ухом, склонившись к моему лицу.

Я почувствовал что-то мокрое, грубое, душащее, что затыкает мне рот и нос. Волей-неволей я вдохнул острые пары. И, наконец, снова стало темно.

* * *

Юра ненавидел как фашистов, так и коммунистов.

Как раз так счастливо сложилось, что им подослали фашиста / коммуниста. Не известно было только, откуда этот щенок взялся, но он был причастен к попытке взорвать

ганзейскую дрезину, вёзшей кучу еды на Проспект. Им повезло. Оказалось, что граната просто не взорвалась, а эти четверо были к этому совершенно не готовы.

Да, им повезло. Но лучше просто сказать, что их солдаты настолько хорошо обучены, что могут отбить любую атаку. Для них не может просто граната не взорваться.

Юра улыбнулся сам себе. Всё всегда так хорошо складывается. И ещё ему удалось отжать этот красивый перочинный нож.

Он не мог удержаться от восхищения перед зубчатым лезвием. Нашёл напильник и стирал теперь яростно маленькую свастику с рукояти. Та лежала в ладони, словно влитая.

Тихий стон. Юра поднял взгляд и с удовлетворением посмотрел на пленника. Вполне прилично раненного. Его били полдня с перерывами, а он всё повторял одно и то же, как мартышка. Что он обычный вор, что с окрестностей Дмитровской. Сколько раз уже Юра это слышал — сам не помнил.

Нашли его документы — одни блатные от «красных», другие, вероятно, поддельные — с Дмитровской, а также этот хороший нож с прекрасным доказательством преступления, и пару других интересных вещичек.

Пинали его, избивали — ботинками, палками, голыми руками. Сообщили, что трое его товарищей уже давно лежат мёртвые, и он плакал, как маленькая девочка, у которой сдох котёнок. Вскоре весь опух и посинел. Юра видел и хуже случаи: лица, искажённые, как пластилин, словно кто-то кому-то делал домашнюю пластическую операцию строительным силиконом. Тело переливалось всеми цветами радуги, кстати, на вид довольно интересными. Внутри кости переломаны, и тело приобрело причудливую форму.

Юра мог бы запытать пацана до смерти — из принципа, — но приказ есть приказ.

Заставили его отправить во Дворцы на какие-то тесты. Это случалось довольно часто. Почти каждый второй преступник туда ехал, как материал для исследований — почти все, кто выживал.

Пленник снова застонал, каким-то странным, нечеловеческим стенанием.

Дворцы. Никто не знал, где они находятся и что там происходит. Большинство никогда этого слова не слышало. А те, кто слышал — не вникали. Кроме того, это было просто глупое, детское, условное название, используемое между спекулянтами вроде Юры.

С одной стороны, Юра завидовал парню, что тот сможет увидеть это легендарное место. С другой стороны, немного поразмыслив... нет. Не сочувствовал ему.

3

Она сняла белый халат и повесила на спинку вращающегося стула. Ещё немного, и она сможет закончить на сегодня. Присмотрит горячий душ, если ещё осталось немного горячей воды, а потом свернётся под толстым одеялом и будет спать всю долгую ночь.

Выключила старый компьютер большой, давно протёртой кнопкой. Машина медленная, но простая и эффективная. Её взгляд упал на старую красную кружку. Заглянула внутрь, уже зная, что увидит. Холодные остатки кофе с утра — противной жидкости, что никто здесь не любил, и каждый поглощал в подозрительно больших количествах. Она пожалала плечами и выпила её одним глотком, морщась.

Тут она что-то почувствовала. Лёгкое покалывание на шее. Словно кто-то на неё смотрел. Обернулась. В высоком кресле сидел человек. Это её не удивило, он появился, когда она уже здесь была. Только этот человек спал, не мог же он смотреть на неё. У него закрыты глаза, и он глубоко дышал.

Он дышал так уже два дня. Нахмурилась. Ей показалось. Не тот, другой, же на неё смотрит!

Уже почувствовала: что-то изменилось.

Второй тоже последние несколько дней дышал хрипло, свистяще. Теперь перестал. Сидел неподвижно, с открытым, как выброшенная на берег рыба, ртом, аппаратура вокруг него замерла.

Нет больше никакого свиста, от чего с самого начала по спине бегали мурашки. Нужно держать себя в руках.

Может, и к лучшему. Теперь опять будет тихо.

Не может пока спать. Пойдёт, но не сейчас. Надо сообщить о теле в своей комнате, проследить, чтобы его забрали, и только потом пойти на боковую. Она подошла к трупу и мельком взглянула на прикреплённую к нему записку с именем. Сколько их здесь лежало, она даже не пыталась запомнить. Может быть, второго, третьего ещё ей было жалко, десятого, пятнадцатого — не вспомнить. У него было лицо, очень даже симпатичное под цветными синяками.

Иван Игоревич Вазов. Ещё один бледный, жилистый и избитый.

Снова это почувствовала. Покалывание на шее. Резко повернулась. Никого.

Только Вадим Владимирович Черемский. Который по-прежнему спал.

Поставила несколько громко кружку на стол и быстро вышла в коридор, не оглядываясь. Сразу же почувствовала себя лучше, будто вынырнула из воды. Вдохнула.

На сегодня хватит. Труп перестал её волновать. Его могут благополучно убрать отсюда и завтра утром. Она хотела принять ванну и немедленно лечь в постель, спать.

Быстрые шаги женщины затихли в отдалении. Глянул на Ваньку. Он не шевелился и, конечно, уже не дышал. Я криво улыбнулся. И всё же соврали. Ваня не умер в туннеле.

Не стоит терять время. Я был совершенно вял и слаб, голова нещадно раскалывалась, во рту пересохло, и ещё мне хотелось плевать.

Вокруг было столько устройств и кабелей, сколько я не видел ещё никогда в жизни. Пахло странно, тошнотворно и сильно. Запястья и лодыжки стянуты ремнями, похожий пояс держал живот. В район сердца и желудка вели тонкие трубки, исчезающие под кожей.

Дёрнулся пару раз, но кресло только насмешливо скрипнуло, точно хотело мне сказать: «Чего ты хочешь, малыш? Ты что, идиот?». Но я по-прежнему валялся, почти не чувствуя боли в затёкших мышцах.

Тогда я увидел то, что вызвало истерический смех. Ремень, удерживающий моё правое запястье, был слегка надкушен, как если бы кто-то пытался его перегрызть, но не успел. Что за отсутствие профессионализма.

— Слава тебе, приятель, — пробурчал я тихо и принялся за работу.

Стал жевать подозрительно солёный материал. Отгрыз небольшой кусок и сплюнул на пол. Справа из-под приоткрытых век на меня спокойно смотрел Ваня.

— Помог бы лучше, вместо того, чтобы пялиться, — произнёс обиженным тоном и снова расхохотался безумно, в горло.

Что странно — я смеялся всё больше и больше, — меня начало трясти от смеха. Просто не мог удержаться. Я пытаюсь съесть кресло, к которому меня кто-то привязал, а Ваня сидит рядом — мёртвый.

Наконец-то удалось. Ремень лопнул, и я поднял сжатый кулак в победном жесте.

— Смотри и учись у мастера, дорогой мой.

Ванька не ответил, что неудивительно.

С яростью я вырвал дурацкие трубки из груди, будто это их вина, что их воткнули.

Отцепить остальные ремни заняло не более минуты. Мне пришлось делать это вслепую — застёжки находились за спиной, но, в конце концов, удалось. Я торжествующе расплылся в глупой улыбке. Всё шло слишком легко.

Но нужно спешить. Я схватил белый халат.

— Прости, чувак, — бросил Ивану и вышел в коридор.

Алексей был сегодня в хорошем настроении. Редко им попадались такие жемчужины.

Мужчина не проявлял никаких особых физических изменений, за исключением мозга, что ещё не успел проверить, а оставил себе на «чай». Существовала, конечно, возможность, что он просто сошёл с ума, темнота и голод ударили в голову так сильно, что у него что-то

перещёлкнуло. Или он получил слишком сильно по голове, и крыша поехала. Рассчитывали же на кое-что другое. На что — боялись произнести слишком рано вслух, будто они могли спугнуть открытие. Он производил впечатление, словно хотел сожрать всех подряд. Ревел, как свинья на вертеле, не проявлял никаких признаков усталости, не реагировал на свет, цвет, звуки, не говоря уж о конкретных словах. Жаль только, он не мог сказать, где и почему с ним так обошлись.

Вот Алексея сюда и наняли, чтобы работал над такими случаями. Над случаями, имеющими решающее значение, что могут привнести нечто совершенно новое в области радиации, что позволит ему почувствовать острые ощущения.

Из-за угла в другом конце коридора вышел какой-то молодой человек, почти ещё ребёнок. Он выглядел растерянным. Алексею казалось, что когда тот его увидел, он заколебался, хотел повернуть назад, но, вероятно, это было всего лишь наваждение, потому что мальчик сразу двинулся решительным шагом вперёд. Алексей никогда раньше его здесь не видел. Наверное, кто-то новый.

Он дружелюбно улыбнулся. Тот ответил слегка извиняющейся улыбкой, словно несколько смущённый, что заблудился. Алексей посмотрел на бейджик на его халате и нахмурился. Анна Татарова? Он перехватил его взгляд, который теперь изменился. Нахмурился, на лице промелькнули страх и недоверие.

Он знал Анну. Когда последний раз проверял, она казалась женщиной.

Прошёл мимо, пытаясь переварить то, что только что увидел, но шестерёнки его мыслей всё ещё блокировал мрачный взгляд. Повернулся. Тот тоже посмотрел через плечо и ускорился. Теперь он ясно видел, как сильно этот человек не подходит к этому месту. Он двигался как-то странно, как животное, неуклюже, словно не привык к... этому.

Я опустил взгляд на маленькую, невинную табличку. «Анна Татарова», — кричали мелкие, узкие буквы. Вот блин! Я схватил её со злостью и сорвал рывком.

Коридоры слишком белые, подозрительно чистые, лишённые каких-либо теней и хорошо освещённые. Я, должно быть, в ганзейских подземельях, других вариантов нет. Только как отсюда выйти? Свернул. В самом конце странно выглядящие двери, над ними много надписей на большой доске — длинных и странных. Я толкнул дверь.

Два коротких гудка. Я подскочил на месте, как ошпаренный, и уставился на маленькую лампочку, которая замигала красным светом. По-видимому, это какая-то ловушка. Я медленно отошёл на два шага и бросился наутёк. Нужно вернуться.

Вскоре я нашёл лестницу — чем выше, тем ближе к дому. Ещё одна сеть коридоров — почти идентичная той, что этажом ниже.

Несколько человек беззаботно болтали, голоса доносились с правой стороны, и я быстро свернул влево, повернул и наткнулся на какую-то женщину с металлической тележкой. В ней позвякивали какие-то инструменты.

Потом они — шаги. Кто-то за мной шёл. И шёл быстро.

Ещё поворот. Я побежал и скорее почувствовал, нежели услышал, что преследователь сделал то же самое. Тупик — ещё одна дверь, на этот раз огромная. Я навалился на неё с удвоенной силой, и та поддалась.

Большое помещение. Потолок на высоте не менее двадцати метров, больше, чем какая-либо станция. Полно машин, проводов, людей, и все они смотрели прямо на меня.

Посередине возвышалась огромная железная конструкция. Её размер превышал все мои представления. Я встал как вкопанный, поднял кверху голову и принялся ей вертеть.

Наверное, это иллюзия, подумал я тогда. Такого не может быть.

Я почувствовал острый укол, когда меня ударили током, и всё пропало.

4

— ...подозрение на нарушение спинного, — низкий, мужской голос, одновременно содержащий какую-то едва заметную девичью нотку, что казалось мне немного глупым.

— Ну, конечно. Как будто не смогли сделать что-то сразу и хорошо, — я был уверен, что этот голос принадлежит владелице моего белого халата, несмотря на то, что не видел её. — И где мы сейчас, чёрт возьми, найдём другие АВ-?

Я улыбнулся слегка, с удовлетворением.

По крайней мере, так мне тогда казалось. Только позже я понял.

— Ладно, я полетела. Увидимся вечером, — бросила через плечо.

Шаги в коридоре двигались в мою сторону.

Я открыл глаза. Кто-то выключил свет в комнате. К счастью, теперь я мог видеть. Однако я почувствовал себя неуютно. Две вещи никак не складывались.

Первая: в комнате никого не было, а ведь секундой ранее я слышал разговор, и так отчётливо, как если бы говоривший стоял рядом со мной.

И вторая, гораздо более тревожная — что-то, что имело связь с моей головой. Она была странно лёгкая. Чего-то в ней не хватало, и я не мог понять, чего. Кто-то побрил её налысо, но это не всё.

Вдруг меня оглушил с силой мчащегося быка страшный факт. Почему мне легче. Кто-то отрезал мне язык. Кто-то отрезал половину моего языка.

Анна стояла, записывая жизненные показатели почти вслепую.

— Как поживает наш овощ? — Егор ворвался в комнату, как всегда, без стука. — Блин, здесь нельзя зажечь какой-то свет?

— Нельзя, — отрезала женщина, может быть, несколько резко.

— Чё это? — спросил он чуть жалобным тоном.

— При свете увеличивается пульс, повышается температура тела, что нивелирует биодрепаноцит, — быстро пояснила, пытаясь отвлечь его внимание от хамского приветствия.

— Температура от зажжённой лампы? — лёгкое недоверие, граничащее со своеобразным уважением.

— Можно и так сказать.

Я тихо рассмеялся. Победа! Но у меня было странное чувство, что меня никто не услышал.

— Вы не можете просто завязать ему глаза? — виновато улыбнулся Егор, когда наткнулся на её взгляд.

— Нет. Нужно ведь исследовать реакцию зрачков, — Егор работал здесь несколько меньше её, и возникало впечатление, будто он всё ещё практикант.

— Верно, — прервал её быстро. — Я должен был понять, что вы ничего не забыли.

Со смущением я почувствовал нежную нотку обожания. Она, наверное, тоже, потому что с ещё большим рвением вернулась к своим заметкам. Некоторое время было слышно только её дыхание и скрип ручки. Странное, громкое и чёткое поскрипывание.

— Ты хотел знать, что с ним, — не слишком ловко сменила тему, хотя все трое знали, что он пришёл сюда, чтобы встретиться с ней.

— Да, конечно, — придал голосу наигранного энтузиазма и неуклюже пробрался через тёмную комнату.

— Много нового не узнаешь.

Она начала медленно двигать пальцем у меня перед глазами, слева направо.

— Видишь? Ноль реакции. Обычно если не следят взглядом, по крайней мере, сразу бы посмотрели.

Егор сосредоточенно покачал головой. Слишком сосредоточенно. Чересчур.

— А здесь ничего.

Как это ничего?

Последила за пальцем не только взглядом, но и всей головой, сильно скашивая глаза. Это ничего?

— Хорошо, пусть спит, — вздохнула она и записала на бумаге маленький минус.

Овощ. Вот кем я был.

Одни смотрели на меня с отвращением, другие жалели молодого парня, лысого и безмолвного, худого и беспризорного, снующего по коридорам, как привидение. Не реагировавшего, казалось бы, ни на что, с тупой немотой без языка.

А я всё понимал и всё слышал. С расстояния двух этажей и нескольких поворотов — даже тишайший шёпот, легчайшее изменение давления, движения воздуха. Мог по звукам распознать, кто идёт. Я улыбался им, пытался сказать моим укороченным языком, шепелявя, но никто не реагировал. Я потерял контроль или как-то так. И я мог только смотреть и моргать, даже не зная, как мне казалось, что могу как-то иначе. Какое счастье, что с остальными частями тела всё было в порядке.

Однако выудил из этого немало выгоды. Я мог ходить туда, куда не было доступа половине персонала ганзейских подземелий, просторных, чистых и сурово-прекрасных, ослепительно ярких, как королевские дворцы. Лаборатории, кабинеты, ваннные комнаты, кухни, спальни, склады, и даже дежурные комнаты медсестёр большие, как церковные залы. Из последних меня резко выставили.

Это по-хорошему очаровывало меня. Коридоры были почти как туннели, большие, обширные этажи как станции, коридоры как боковые переходы. Я запоминал этот лабиринт всё лучше и лучше, с удовольствием в нём блуждал. И всё же это было не то же самое. Я скучал по моему тёмному метро, по моей Дмитровской. Но всё ещё не мог найти выхода.

Зато я нашёл другое. Мою старую подругу в шкафчике одного из охранников. Длинная, почти с моё предплечье. Всё так же хорошо лежала в ладони. Теперь она может блистать, отражая этот чёртов свет.

— Что ты здесь делаешь, детка? — спросил я охрипшим голосом, зная, что сам себя на самом деле не слышу.

Прижал её к себе, как плюшевого мишку, и вопреки себе, я почувствовал, что плачу. Вытер тыльной стороной ладони своё жёсткое, как маска, лицо, но оно было сухим. Она была права, я мог только моргать.

Я спрятал её в одной из палат. Там, где редко кто ходил, и уж точно никому не придёт в голову заглядывать в углы.

Тогда я нашёл себе новое развлечение. Просто бродить стало для меня слишком мало. Ходил теперь с невидимой, раздражающей улыбкой, гася свет, где только мог. Я любил слушать удивлённые возгласы внезапно ослепших женщин на кухне, а я шёл по тёмным коридорам, гораздо проще убеждая себя, что это грязные туннели, что ты слышишь хруст камней под ботинками, украденных у нерадивых торговцев или у мертвецки пьяных военных, что по холодным рельсам впереди идёт целый и невредимый Ваня, сзади Антон, а сбоку Дмитрий, мой брат. И мы смеёмся опять над какой-нибудь глупостью, сжигая чёрные вонючие сигареты с Бауманской, потому что ещё не случилась та маленькая коварная осечка, что вместо того, чтобы сделать то, что следует, всех нас угробила.

Потом кто-то зажжёт свет обратно, и Дима пропал с этой своей дурацкой ухмылкой.

Только когда я в темноте в моей палате, мне никто не мешал. Я мог бы там сидеть и точить свою косу до самой смерти. Я прочитал уже все длинные слова с доски, часами гонял лифт туда-сюда, снова вырезал на ручке кем-то стёртую маленькую белую свастику.

Шли недели. И, в конце концов, я понял, что никогда не отыщу выхода.

Застряли. Они застряли в тупике. Всё указывало на то, что девочка полностью здорова, а ведь она была на грани смерти. Как такое возможно?

Да, это был интересный случай, один из поразительнейших. Только почему каждый из них должен стоять кому-то жизни?

Снова он. Снова ей пришлось его занять. Она ненавидела это.

Она не могла смотреть в эти туманные, тёмные, маленькие глаза. Когда-то — прекрасно помнила — такие полные жизни, так отчаянно желающие освободиться. Теперь мёртвые и полные упрёка. Именно из-за неё.

Отвернулась и прошла мимо него с лёгким поклоном, стараясь не ускоряться. Ещё у неё было странное чувство, будто он не совсем без сознания. Что-то ещё понимает.

Она уже собиралась было поднять глаза, вздохнуть, уйти и на какое-то время забыть обо всём, когда почувствовала на шее что-то холодное и острое, что заставило её немедленно замереть. Шею грело тёплое дыхание.

Скорее почувствовала, чем увидела. Это был он. Её охватила паника. Что он от неё хочет? Мести?

Она почувствовала, как он поворачивает её в сторону, любезно отодвинув слегка нож от её шеи, чтобы она могла дышать. Наблюдала, как неуверенной, детской рукой выводит на стене слово «ВЫЙТИ».

Он посмотрел выжидающе ей в глаза. Было такое впечатление, что на секунду увидела в них тот осторожный, мрачный блеск. Кивнула ему, и он приложил палец к мёртвым губам. Она двинулась вперёд, чувствуя, как спину холодит лезвие большого, острого, как бритва, ножа.

Она не сказала ему, что это самоубийство. Она ничего не сказала. Подумала, что, может, даже лучше, если его здесь не будет. Лучше для всех.

Хотя на самом деле всё случилось совсем недавно, всё кажется размытым. Может, это значит, что уже начинается.

Этот охранник что-то спросил. Как там было? Нужно, наверное, разрешение.

Он не задумывался, почему выход в самом низу. Следует же подниматься вверх, не так ли? А может, даже задавался этим вопросом. Может быть, даже понял, но мне не хотелось уже... просто уже не хотелось.

Я смотрел с открытым ртом, как большие ворота медленно раздвигаются в стороны. Другие тоже смотрели. Много людей. Наверное, они думали, как одиноко я выгляжу, стоя перед этой необъятностью совсем один. Но это не так.

Раньше я был одинок. Сейчас в их головах ходили те же мысли, что и в моей. Наконец-то меня начали понимать. Я больше не был один. Улыбнулся бы им, если бы только мог.

И пошёл дальше, в подобие тамбура, там меня ждали вторые ворота.

Мне кажется, что уже тогда, конечно, я должен был понять. Я слышал, как начинают закрываться, я чувствовал на себе взгляд их всех. Я не хотел, чтобы все смотрели на моё лицо. Я хотел, чтобы они поняли, что я не плохой человек. Я не безумец или глупец, немой, но не глухой.

Поэтому помахал им на прощание.

Под конец я слышал дружелюбный смех и поднял вверх кулак. Как победитель.

Я давно уже знал, что не вернусь домой. Что я больше не увижу Дмитровскую. И людей, что там жили. Но теперь я уже смирился с этим.

Так, наверное, думал.

Потом закрыли одни ворота и начали открывать вторые. И я увидел истинную яркость, не фонаря, не прожектора. Солнца.

5

Это было совсем не так красиво, как рассказывали, о нет. Это было в тысячу раз красивее. Как бы это описать...

Первое, что меня поразило, это, пожалуй, запах. Воздух. Какой свежий воздух! Я вдыхал его, почти чувствуя, как меня убивает, вдыхал жадно, как... Как будто я действительно дышал в первый и последний раз в жизни.

И снова почувствовал дурацкие слёзы — это солнце выжигало мне глаза. А я был так счастлив. Я пытался охватить всё сразу, но это было просто невозможно.

Что ещё? Звуки. Сотни звуков. Атаковали скопом мой чувствительный слух. Крики, визг, скрежет, треск, шаги, шум, ветер, шелест, мельчайшие изменения давления. Клёкот птицы, кружащей надо мной. Унёсся вдаль, за горизонт, улетел, эхом разбился об огромный простор. И все подходили друг другу, все были замечательными, они создавали что-то идеальное. Я никогда прежде не слышал ничего столь прекрасного в моей жизни, как эта гармония разнообразия.

Я моргал, как сумасшедший, пытаюсь увидеть как можно больше. Буйство красок, миллиарды оттенков, мягко перетекающие один в другой.

Высокие небоскрёбы опоясаны причудливыми зелёными гирляндами, тихо шелестят листья, когда их тревожат обитающие в них создания, и каждое шло по своим делам.

Ах, это нежное, восхитительное тепло на коже...

Потянулся взглядом далеко — и насколько хватало глаз, всюду было прекрасно.

Много чему я не мог подобрать названия. Надо мной синева. Красивая и глубокая. И, смотря, я наконец-то понял, что значит слово «бесконечный», потому что синева действительно не имела конца. В конце всегда есть тьма, а там её вообще не было.

И белые облака, далеко-далеко. Как всё это для меня непостижимо! Совершенно невысказано. И всё по-настоящему.

И я забыл всё. Да, этого было много. Чересчур много. Я упал на колени.

Я был так счастлив. Сердце рвалось из груди, оно тоже хотело отдышаться, каждая клетка хотела вздохнуть, разорвав меня на части. И я весь дрожал от счастья.

Мне просто хотелось умереть, перестать жить, покончить с этим, ибо я был слишком счастлив. Нельзя быть настолько счастливым. А я был так счастлив, что это причиняло боль, я не хотел больше. Больше не мог так.

Я заливался слезами, как маленький ребёнок, и я не чувствовал, как чёрный нож режет мне пальцы, требуя внимания. И ничего меня уже не волновало. Я не мог больше на это смотреть.

Потому что это красиво. Безумно красиво.

Медленно поворачивался, окидывая взглядом длинные улицы.

Он старался не удаляться слишком далеко, чтобы оставаться в пределах слышимости голодных, быстрых пискков. Годами он учился покою и научился осторожности.

Неоднократно видел, как поспешность побеждает даже самых крупных существ.

Потихоньку поворачивался, ловя нежные потоки ветра, прислушиваясь. Я был там. Прямо под ним.

Он знал, что они могут быть жутко свирепыми, но этот выглядел иначе. Развернулся, медленно, осторожно, больше не прячься. И узрел соперника, среднего роста пса, худого, но быстрого. Крикнул предупреждающе и с удовлетворением увидел, как тот в панике шмыгнул в какую-то дыру.

Ещё только миг.

Поворачивался всё медленнее.

Человек стоял на коленях на открытом пространстве. Что за отсутствие благоразумия. Полное отсутствие благоразумия. Посмотрел, не идёт ли кто.

Он был полон решимости. Готов был бороться за этого двуногого.

Но никто не шёл.

Ещё только миг.

Устремил взгляд на неподвижную фигуру. Вдохнул воздух. Бросился.

ТОМАШ ПШИЛУЦКИЙ ГОРОД-33

В баре «Под Попугаями» собирались самые разные птицы. Местные вороны и стервятники кружили беспокойно и поглядывали исподлобья на орлов или соколов, что хотели

залететь в Вильнюсское гнездо, в очаровательной Вильнюсской галерее. Самое богатое место в метро, ведь на правом берегу агломерации нет конкурентов.

Заведение пользовалось в городе особой репутацией, поэтому не каждая чужая птичка могла прорваться сквозь завесу взглядов. А если переступали порог, случалось, что получали в клюв и выгоняли орла. И он не мог взять в толк, что он такого сделал, в чём виноват, потому что согласно пражским правам, цвету перьев, неправильному флагу, да и по праву рождения, легко мог пустить в ход чешущиеся кулаки.

Выгнанному бедняге оставалось одно — жалеть о неслышанных мелодиях, что нигде больше, кроме «Под Попугаями», не были столь проникновенными.

* * *

Я такой же, как ты. Это мой город, в нём мусор, песок и пыль, а руины вдоль Вислы, залитые лучами красного солнца, скалят на меня клыки. У меня в этом городе своя жизнь, самые ужасные сны, я потерял здесь совесть в самые худшие дни. Кто-то хотел мысленно вернуться назад во времени и памяти, или наоборот, но не хватило сил — нет уже города, а некрополь дал начало новой жизни. Река разносит чей-то визг. Плещется в мутных волнах мёртвая рыба, из пенной гривы выглядывает зубатая, а ты всё мчишься сквозь варшавский день, между западом и востоком, берегом и берегом. Но знаешь, Висла, кто в тебя вселился?

* * *

К незнакомцу, одинокому мужчине, стоящему у элитного бара «Под Попугаями», подошёл мальчик. Может, привлёк детскую душу, что также в одиночку плелась между взрослыми тяготами бессмысленной жизни. А, может, потому что парень, якобы незнакомец, не выглядел ни орлом, ни соколом, и все эти шрамы от ожогов делали его самым настоящим фениксом.

— Не нарисуете ли вы мне барашка? — спросил малыш и протянул ручку с пожелтевшей записной книжкой.

— Просто барашка? — мужчина нахмурил лишённый бровей лоб. — А почему не динозавра?

— Мне не нужны такие большие животные! — возмутился мальчик. — Я не могу посмотреть через окна галереи.

— Понятно. Но я не умею рисовать.

— Но я хочу барашка, — он сжал губы. — Ребята должны знать, как выглядят овцы.

— Должны? Зачем?

— Чтобы слишком быстро не взростеть, — решительно сказал мальчик, поправляя шарф на шее и нахально суя блокнот в покрытые шрамами руки мужчины.

— Раз так... — кивнул, хотя и оттолкнул от себя листки. Он качнул головой в сторону бара: — Лучше я тебе покажу. Видишь, там, у стойки, лысого дядю с рыжей бородой, в кожаной куртке, кому только что бармен предложил стакан?

— Вижу.

— Вот тебе самый настоящий баран, молодой человек.

Мальчик широко открыл рот, а Пламень улыбнулся узкой линией обожжённых губ. Он почувствовал боль в растянутой коже, встал и подошёл к длинноволосому очкарику, который несколькими минутами ранее свил гнездо за столиком под помостом зала и вслушивался в поток слов, с него стекавший.

* * *

Сколько дней, до потери сил, до потери сознания, сколько мгновений. Если ты жалеешь тех, с кем у тебя ничего общего, одно стоит знать, одно только знай: важны лишь те дни, что мы ещё не знаем, важны лишь несколько мгновений, те, что мы ждём.

* * *

— Куда делись те веселья? Где те девушки и тот мир? — жаловался Пламени очкарик, не отводя взгляд от зала. Протёр только тонкие стёкла, что запотели от эмоций.

— Честно? — Пламень согласился, разглядывая шрамы на руках. Чешутся. Что-то готовилось... Но именно за этим он сюда и пришёл. — Что для меня на этот раз?

— Гм... — задумался очкарик, окинул Пламеня взглядом и добавил, почёсывая за ухом, словно хотел выразить этим смущение: — Необычный вопрос. Деликатный.

— К делу. Мы на Виленке, не забывай, мне здесь неудобно сидеть.

— Ах, да... — Стефан вовсе не производил впечатления сознательного человека. Казалось, его мысли кружили где-то среди нот и слов старых песен. — Да, да, та акция с дворцом...

— Заткнись.

— Ага, ага.

Пламень резко облокотился о столешницу, выгнул запястье вниз и показал Стефану отверстие наплечного огнемёта. Это немедленно отрезвило очкарика.

— Любовное дело.

— Что-что?

— Роман.

— Это я здесь, как по льдинам, по речным тварям перехожу на эту сторону Вислы, под открытым небом, подвергая себя опасности быть сожранным заживо и злоупотребляя гостеприимством местного мэра... — Пламень сердито шептал прямо в ухо Стефана, а последнее предложение произнёс с особой досадой: — Нет времени на глупости, я не сутенёр, просто охотник за головами!

— Мне нужно не просто кого-то найти. Тут более деликатный вопрос, и ты подходишь, как перчатка.

— Ну? — Пламень не менял положение ствола огнемёта.

— Хорошо, дай мне минуту на объяснения. — Стефан сделал из стакана быстрый глоток. — Дело начинается так же, как любая романтическая сказка. Один мальчик, наш заказчик, сидел когда-то на краю платформы и качал ногами, как это принято у мутировавших бездельников со Стадиона. Ковырял в носу, когда вдруг услышал что-то из туннеля, и его охватило любопытство. Прошёл один поворот, второй, пока не дошёл до воды, сел у воды и снова шух-шух ножками, пока не влюбился. Утверждает, что влюбился в женщину из западного туннеля.

— Ведь там никого нет. Неужели радиация ему в голову ударила?

— Я бы тоже так подумал, но всё сложнее. Однако прежде... — осушил стакан и жестом велел бармену наполнить его, — ... закончу о влюблённом. У мальчонки оказалось немного здравого смысла в голове, хотя сердце толкало его в затопленный тоннель. Якобы он встречался с этой своей девкой, но ничего такого...

— Ничего?

— Ну, ничего.

— Откуда он знает, что это... любовь? И что это вообще женщина?

— Я-то откуда знаю? — он смочил губы только что налитым вином. — Я думаю, он её даже не видел. Встречались в тёмных туннелях, разговаривали шёпотом, сильно опасаясь за чрезмерный шум в этой грёбанной дыре. Не сблизился с ней, только так... Даже не знаю, как это назвать. Кто поймёт любовь?

Пламень молча пожал плечами.

— Также наш холостяк, несмотря на большие чувства, сохранил некоторую осторожность, не сближался с невестой. Решил, что она гм... фантом, выдумка, нереальная фигура или какой-то глюк от грибов.

— Тут мы возвращаемся к первому пункту, да? — ввернул охотник за головами.

— Вот именно! — Стефан хлопнул в ладоши, довольный своей интригой. — Холостяк, не до конца уверенный в безопасности встреч с подозрительно нереальной красоткой, решил раскошелиться на небольшое расследование. Это значит: надо узнать, кто эта женщина, если она вообще существует, и, если окажется, что жить с ней лучше не стоит, — тут он кисло усмехнулся, описал пальцем полукруг у себя на груди, — можешь её грохнуть.

— Как романтично...

— Я полагаю, там на самом деле что-то сидит. Потому что это уже второй заказ, на этот раз по соседству, с Национального бассейна, подобное случилось.

— Эпидемия смертоносной любви? Серьёзно?!

— Нет. Что-то поедает их «болтунов»², и потом жителям нечем торговать. Говорят, что-то вылезает из реки, проникает через какую-то щель на скользкий пол Стадиона и... Берёт ногу, или, вернее, плавник, с частью икры в зубах.

— И ты взял оба дела? Они имеют отношение к атому?

— Ну, нет! Потому что оба имеют источник на станции ЦНК.

Пламень, наконец, убрал руку со столешницы. Вот теперь он услышал конкретику.

— Как звучит задание заводчиков рыбок?

Стефан щербато улыбнулся и завёл прядь жирных волос за ухо. Весь ответ.

— Один труп, а награды две. Мне это нравится. Как в сказке о золотой рыбке.

— Скорее о сирене, Пламень, как в сказке о варшавской сирене...

* * *

Любовь тебе всё простит,
Печали превратит в смех,
Любовь так красиво оправдывает
Измену, ложь и грех.³

* * *

— Ещё кое-что. Предупреждение. Бассейнники знакомы с этой проблемой. Несколько парней пошли, но, как видишь, дело ещё в силе.

— Что тебя не убивает, делает тебя сильнее, — пробормотал Пламень, почёсывая рубцы на шее, и выпил стакан самогона до дна.

Не первый раз ему дают работу, с которой не справились другие.

— Вот именно! — хлопнул в ладоши от удовольствия Стефан. Любил так хлопать, как ребёнок, а Пламеня это лишь раздражало. Решил, что когда-нибудь сломает ему руку... — Есть общая характеристика злодейки рыбы. Я подчёркиваю, женского рода!

— Где чёрт не сладит, туда бабу...

— Вот именно! — Пламень поморщился, услышав очередной хлопок. Даже сидящие рядом хулиганы повернули головы, и теперь смотрели на них, как на клоунов в цирке. — Как ты знаешь, ЦНК затопило. Вся станция под водой. И наша, назовём её сирена, скрывается именно в водных глубинах. Сирена тоже не любит компании, думаю, как и наш ловец. Он утверждает, что при каждой встрече подаёт ей сигнал, показывает золотое кольцо,

---

² Болтуны, или шифровики, — не имеющие сознания в человеческом понимании инопланетяне из романа Питера Уоттса «Ложная слепота». Похожи на змеехвосток, что отражено в польском переводе романа.

³ «Любовь тебе всё простит». Слова: Юлиан Тувим, исполнитель: Ханка Ордонувна (1933).

что носит на пальце, и ждёт, пока она не начнёт петь. Украшение попадает тогда в какой-то необычный резонанс, и она, как летучая мышь, улавливает вибрации... Блин, да как тут объяснять, если сам не понимаешь! Важно, что только после установления контакта можно приступать к любовным обрядам.

— Это значит, разговаривают? — хмыкнул Пламень.

Стефан пожал плечами, пытаясь сдержать веселье, и продолжил:

— Если нет кольца, будут проблемы с установлением контакта в окрестностях ЦНК. Барышня, наверное, тебе голову откусит заранее. Так было с миссионерами от бассейтников.

— То есть из этого следует, что сирена слепая, верно думаю?

— О... — мужчина поправил очки на носу. — Об этом я не подумал.

— Ведь баба должна быть слепой, раз она встречается с «красавчиком» со Стадиона. А если она как летучая мышь, то мало чем отличается от чудовищ с Дворца Культуры... — заметил Пламень. — А как ты знаешь, у меня есть в этом некоторый опыт.

— Да, да, — кивнул Стефан, возвращаясь к своей естественной, потерянной в собственных мыслях форме. — Ведь вместе с этими бэтменами ты поднял на воздух половину шпиля Дворца, нашего символа...

Наёмник сжал губы, но не упрекнул товарища. Только огляделся, чтобы никто не услышал слишком много. Он считал, что люди обижаются на почве символов, ностальгии и вообще прошлого. А руины Дворца уже давно лежат. Бадабум не удался, а Пламень давал советы... Если бы сегодня обнаружили виновника взрыва, некоторые могли иметь к нему претензии.

— Да, да, — размышлял Стефан. — А теперь ты возьмёшься за убийство ожившего герба города. Я начинаю жалеть сирену...

* * *

Варшава моя, о Варшава моя,
Я всё плачу, когда вижу тебя,
Варшава, Варшава моя!
Там, в метро, голод, и бедность, и холод,
И хуже голода, холода
Тоска, Варшава моя!⁴

* * *

Туннель от Виленца до станции Стадион был чуть более километра. Пламень прошёл короткий путь без труда и каких-либо мыслей. Не пробыл на месте слишком долго, хотя собирался найти этого самого Ромео и вытянуть с него аванс. Прорвался сквозь вонючий сброд полумутантов и наполовину сгнивших личностей, сидевших на мелководье «зелёной станции» и отравлявших воздух. Не нашёл, однако, своего заказчика, потому решил вернуться сюда на обратном пути со спортивной арены.

Никогда не задавался вопросом, каким чудом эта конструкция XXI века ещё не провалилась под собственным весом, если её стены трескали уже перед вводом в эксплуатацию, а срок «годности», наверное, давно прошёл. Может, это за счёт того плюща, что сделал здание пушистым и каким-то непостижимым образом держал его в целостности и сохранности? Видно, символ национального спорта охраняли какие-то счастливые силы, потому что не

---

⁴ Оригинал: «Варшава моя». Слова: Анджей Власт, исполнитель: Зофья Мрозовска (1946).

только стадион стоял, но и его жителям жилось вполне благополучную и... беззаботно. Особенно по сравнению с бедняками в левобережной части города.

Вскоре после того, как всё перевернулось вверх дном, как после апокалипсиса Восстания⁵, Висла, внезапно освободившись от человеческого контроля, расширила своё русло. В чашу футбольной арены попало много воды, затопив большую часть подземных помещений здания, но как её не подмыло — ещё одна конструктивная загадка. В воде этой завёлся один вид продолговатых, похожих на змей рыб, чьё мясо, что быстро обнаружили, лишено распространяющейся в воздухе отравы, словно эти животные имели врожденную фильтрацию всех «благ», что принёс Армагеддон. Более того, рыбки эти облюбовали падаль, которой в изобилии хватало в метро.

Эти превратности судьбы привели к тому, что Национальный стадион переименовали в Национальный бассейн (хотя не совсем понятно, почему оставили первую часть названия, поскольку смысл в «нациях» — во множественном числе — потерялся), благоустроенный ушлыми заводчиками с ближайшей станции метро, и, кстати, используемый для утилизации трупов. Мутанты, возможно, не жили дольше, но и доходы, что приносили им разведение «болтунов» и пропитание большей части выживших, давали гарантию максимально комфортной жизни.

Поэтому насущной проблемой стали хищники из Вислы, которые, как оказалось, не только пожирали рыбу, но успели напасть и на двух бассейнников. Пламень собрал эту и другую информацию о сирене (ему понравилось это имя), оборудование для подводного плавания, и, прежде всего, аванс, частью которого щедро себя накормил — «болтун» в хмельном кабаке, жареный на молочном масле и приправленный маленькими помидорами, выращенными на электрифицированных плантациях.

Слишком долго согреться на отравленном ядовитыми парами в воздухе стадиона не стал, вернулся к станции метро. Переход по поверхности был в этот день посуху — у королевы польских рек были своё расписание приливов и отливов — не пришлось обходить, так что дорога заняла всего несколько минут. И так опасные, потому что с Зеленецкой аллеи сверкали бесчисленные глаза голодных скарышевских зверей.

Наконец добрался до станции на другой линии метро и там разыскал влюблённого — редкостное страшилище: кожа зелёная, сам тощий, кривой, горбатый, закутанный в странные грубые ткани, лишённый ноздрей и с ушами, как у слона (да-да, Пламень видал слонов). Только одно скрашивало, отчего общество Альбина (Пламень считал, что «Ромео» было бы намного более подходящим именем) стало терпимее, — от него пахло прямо как от цветного луга из далёких воспоминаний.

Внешность горе-любовника подтвердила предположения охотника, что сирена должна быть слепая или в глубоком отчаянии.

Альбин оказался совершенно неприятным типом, когда говорил, а когда молчал, и лампочка гасла, пряча его в полумраке жилого отсека, он казался даже... приемлемым. Увы, визит Пламеня так его накрутил, что выложил тот совершенно всё.

— Красивая. Красивая, — говорил он глубоким, чуть хриплым голосом.

— Хорошо, а можешь мне что-то сказать о её поведении? Я не пойду на свидание, только... — он заколебался. — Ну, на разведку.

— Красиво поёт. Красиво. — Его глаза блестели, когда он рассказывал.

— Что-то ещё, кроме пения?

— Красиво говорит. Красиво.

— Близко подходит? Сидит в воде, в туннеле? В котором часу вы встречаетесь?

— Отлично плавает, отлично сидит. Только днём, не ночью.

— О, это кое-что...

---

⁵ Имеется в виду Варшавское восстание 1944 года против нацистских оккупантов, организованное командованием Армии Крайовой и польским правительством в изгнании.

— Быстро плавает, о да... — свистнул сквозь зубы и сделал рукой наводящий жест, как будто падающая с ускорением бомба.

Пламень уже понял, что больше не вытащит из этого парня. С него хватит, и решил не возвращаться ко второй части жалкой оплаты.

— Красивое кольцо, Альбин, прекрасное, красивое, — спровоцировал мутанта, подражая диалекту парня.

— Ой, ой. Да, да. Я нашёл его вон там, за водой, за озером.

— Камёнковским?

— Да, да. За парком, много деревьев, а на земле безумно красивое колечко, прекрасное. Но опасно. Звери.

Пламень задумался.

— Это кольцо у тебя каждый раз на пальце, когда ты идёшь на встречу с... как ты её назвал? Аааа... — крикнул и махнул рукой, не сумев повторить имя возлюбленной Альбина. — Затем она поёт, проверяя, кто идёт, а по этому украшению узнаёт тебя, да?

— Именно! — всплеснул руками Альбин, повторяя манеру Стефана, кажется, он понял, что показал ему Пламень, и остался этим доволен.

Сверкнул нож, блеснули удивлённые глаза — на этот раз полные непонимания. Мутант что-то прохрипел, кровавая слюна потекла изо рта, и Альбин застыл. Охотник аккуратно накрыл тело брезентом палатки. Он начал сражаться с кольцом, которое будто вросло в тело Альбина. Чёрт, поморщился про себя Пламень и отрубил зелёный большой палец, вместе с украшением.

* * *

Я люблю этот город
За хорошее и плохое
Постоянно, упорно, под ветер.
Какая ты?
У улиц твоих есть лицо.
Ты просыпаешься холодной, как лёд,
Дикой, как волк, и тёмной, точно слеза.
Я смотрю и чувствую её боль.
Но, как женщина, переменчива,
Станешь хорошей, если захочешь.⁶

* * *

Он хотел провести ночь на Виленце, отдохнуть, прежде чем отправиться в путь. Туннель метро вывел его к самой восточной станции — без конкуренции разбогатевшей на обитании правобережной части агломерации.

Планы — ох уж эти планы — пошли пропадом, когда лысый, брызгая слюной на свою окладистую рыжую бороду и кожаную куртку, высказал Пламени то, что нельзя процитировать на богатом диалекте, вряд ли варшавском (явно приезжий), но очень грубом. Смысл был примерно следующий:

— Ты назвал меня бараном при моём ребёнке, хамло, сраный «варшавянин»!

И тогда в Пламени вскипела дурная кровь. Потому теперь охотник должен был исчезнуть из Виленского Дворца как можно скорее.

* * *

---

⁶ «Приходи на кофе, Варшава». Слова: Яцек Цыган, исполнитель: Ирена Сантор (2014).

По туннелям шёл какой-то расфуфыренный гость,
На рожу он вроде ничего.
Вдруг споткнувшись о шпалу, зарычал «О, проклятие!
Как они могут в этой столице жить!»
И тогда вскипела во мне злая кровь,
Поэтому я его «обласкал» на тот же мотив:

Можешь меня хамом звать, можешь мне в морду дать,
Но из столицы — вон, ибо прольётся кровь.

Мы, варшавяне, мы такие:
Кто нам на мозоль наступит, тот уже холодный труп.

И пусть каждый знает: кто нас задирает,
Тому сразу выходит боком, разве нет?
На варшавянина нет такого ловкача,
Хочешь с нами так начать — купи себе сначала гроб.⁷

* * *

Когда солнце садилось, коридоры наполнял свист сквозняков. Тени становились длиннее, а гуляющий ветер всё чаще доносил звон, плач, визг и стоны существ, вылезавших порезвиться из своих гнёзд и нор. Варшава никогда не засыпала.

Пламень забаррикадировался в одном из помещений Пражской больницы. Здание пользовалось дурной славой, потому что оно не только пережило столько лет на честном слове в непосредственной близости от полностью разрушенного собора — как видно, лишённого божественной помощи, — но и по сей день на многих кроватях лежали посеребрившие останки пациентов. Никто не имел мужества обобрать больничные подвалы, шкафы и залы, похитить оттуда что-нибудь под слепым взором вездесущих черепов. Даже миссионеры отказались от мысли прочесать это место, когда в течение первых нескольких лет после апокалипсиса люди пропадали без вести или впадали в безумие после лабиринта больничных коридоров. Уверенность была, что и сейчас тоже сюда не сунутся, даже если бы из-за нескольких трупов мэра Вильнюсского пустил за Пламенем погоню.

Не в первый раз провёл здесь ночь. И снова пришлось.

Потом пришла в голову гениальная идея срезать путь — через зоопарк. Когда он убежал изо всех сил от гигантского, разъярённого слона (да-да, именно тогда Пламень увидел слона), мчался, не разбирая дороги. Было бы счастье, да несчастье помогло, обошёл старые террариумы, пауков-переростков, прыгающих по «искривлианам» обезьян и сумел забаррикадироваться так же, как сегодня, в дежурке медсестры. В коридоре бесновались самые разные существа, он слышал их шаги и дыхание, взаимную борьбу. Думал тогда, что это конец, поэтому позволил себе обшарить шкафы и сделал укол морфия, чтобы облегчить боль. А потом пришли призраки. Пламень ясно слышал крики убиваемых тварей и видел брызги крови на стенах.

Вздрыгнул от этого воспоминания, когда за дверью заскревели по полу чьи-то не то когти, не то копыта.

Достал шприц, наполнил его найденным наркотиком, воткнул в вену, нажал поршень и погрузился в темный, беспокойный сон.

---

⁷ Оригинал: «На варшавянина нет такого ловкача». Слова: Альберт Харрис, исполнитель: Станислав Гресюк (1946).

* * *

За окном солнечный начинается день,
Я начинаю новый день жизни.
Я смотрю из щели, очи смыкает мне сон,
А Прага выходит из тени.
Введённый препарат попадает в вены,
Я надеваю маску для бега.
Из-за стёкол смотрю на бетон столицы,
Я уже на другом её берегу.⁸

* * *

Надпись на стене гласила: «Ибо если у него когда-нибудь родится царь, то лишь в Варшаве». Слово «Варшава» в этой строке означает не что иное, как левобережную часть столицы, что с интервалом в несколько десятилетий дважды обращалась в прах. В то время как «правая сторона» рассматривается с превосходством, как если бы это были «иностранные кварталы» и «периферия». Лозунг определял формальную границу центральных станций метро и сообщества, чьи туннели и станции от Политехники до Ратуш Арсенала назывались по-наполеоновски Варшавским герцогством.

На станции метро Пламень не хотел идти, потому что там обязательно дотошно проверят транзит через другие подземные анклавы. И, конечно, пошлины. Это заняло бы больше суток, а солнце только начинало свой поход по небу.

Как только мужчина прорвался через единственный уцелевший мост — Силезско-Домбровский, — и, избегая вездесущую фауну, обитающую в многочисленных парках, побежал с утра через зелёный чёртов Жолибож, решил пройти до самого ЦНК так же, как героические солдаты-предки в сорок четвёртом году: каналами.

Пламень хорошо знал подземелья города, проложенные Гитлером и Сталиным, и с тех пор мало что изменилось, — однако это вовсе не означало, что он не потеряется в прогулке по каналам. Часть проходов была завалена, часть заросла тартарами так, что не пройти; часть заканчивалась тупиками или мощными решётками. Иногда возникало впечатление, будто коридоры постоянно меняют своё местоположение, словно нарочно вились, чтобы заблудить тех, кто осмеливается войти в зловонное нутро города.

Эти канализационные туннели Варшавы, которые регулярно посещали странствующие миссионеры, как правило, были покрыты толстым слоем сажи и золой испепелённых растений. Пламень тоже когда-то принадлежал к миссионерам, вёл группу поиска по всей столице, сжигая огнём кровожадные тартары — смертельно ядовитые растения, которые пустили свои щупальца-корни вглубь земли.

* * *

Царь Зигмунд! Скажи нам, ты
Видел, насколько Варшава ужасна сегодня?
По краковскому предместью к лестнице,
Двигаясь к лестнице и вниз.
Приключение, варшавское приключение,
где искать тебя, если не здесь.

---

⁸ Оригинал: «Варшава», слова: Муник Стащик (Т. Love), исполнитель: Станислава Целинская (2013).

На рынок устроен налёт,
танец даёт нам ритм,
это лай и погоня,
приходи пораньше
на вальс между нами.

Трата-та-та-та.⁹

* * *

«Как же я не люблю муравьёв!» — подумал Пламень, стряхивая со штанины чёрное насекомое размером с мужской большой палец. Он поднял ногу и со всей яростью стал давить паршивца до тех пор, пока не брызнула вязкая жидкость. Охотник нагнулся и осветил фонариком на чёрно-золотую кляксу, но вложил столько силы в акт ненависти, что разглядеть, что осталось от медового муравья, не представлялось возможным.

На самом деле он редко их встречал, и каждый раз они больше раздражали, нежели интересовали. Дивный дар природы — поставляли людям пригодный для еды мёд (по крайней мере, тем, кто рискнул его достать) и как будто наблюдали за балансом возрождающейся природы. Пламень направил свет фонарика в потолок канала и последовал за ним взглядом. Кое-где замелькали мелкие чёрные насекомые. Он поднял левое плечо и плюнул огнём перед собой. Многие муравьи загорелись, десятки в суматохе заметались — как если бы это были пьяные светлячки.

— Чёрт! Да сколько их здесь?!

Он слышал немного о муравьях, хотя, как и все остальные жители метро, не имел понятия, где находятся их ульи. Именно так — ульи. Потому что, хоть эти существа выглядели как муравьи, казалось, были роем пчел, что собирали сок и нектар с цветков.

А теперь этот рой горел... В ужасе из темноты выбежала с визгом крыса. Она спасалась от чего-то.

Пламень плюнул ещё раз из огнёмёта вглубь канала. Он повернулся, взял ноги в руки и быстро добежал до полоски света, льющегося с потолка. Там он перелез через ржавую лестницу и со всей силы навалился на дверь, немного расширяя зазор, откуда струился свет. Слышал под собой визг бегущих крыс, а также медленно нарастающее не то чириканье, не то трение тысяч хитиновых брюшков.

Сильнее вжавшись в лестницу, он, наконец, поднял крышку, и в тот же миг под ним подломилась ступенька, и Пламень приземлился на влажное дно канала. Не почувствовал боли, но объяснил это себе приливом адреналина — на него забралось несколько муравьев, пробуя на вкус малюсенькими жвалами его химзу. Он тут же вскочил и вскарабкался по стенам под потолок. Завис на мгновение в проёме люка, а пол под ним затянулся чёрными брюшками. Пламень подтянулся, вылез из канала и наугад — ослеплённый солнцем — послал в дыру остатки горячей смеси, какая ещё оставалась в бачке.

Глаза медленно привыкали к свету, спасибо тонированным стёклам маски. Пламень поднял руку ко лбу и огляделся.

— Эй, там, король Зигмунд! — он бросился к целому на вид пьедесталу. Этот апокалипсис колонна пережила — не так, как в ходе Восстания. Однако Пламень, глядя на обосранного птицами короля, задался вопросом, не лучшим ли концом было бы обратиться в прах? Побежал к ближайшим стенам, вдоль Краковского предместья. Он хотел использовать то, что напуганные муравьиной активностью твари разбежались.

---

⁹ Оригинал: «Если приключение, то лишь в Варшаве». Слова: Людвик Старский, исполнитель: Ирена Сантор (1954).

* * *

Как я бы хотел беззаботным шагом
Пуститься в далёкое странствие.
Без цели пройти Маршалковскую
И вот, как раньше, с молодых моих лет
Для меня, Варшава, ты смеёшься.

Я знаю, что ты не такая сегодня,
Что кровавые позади уже дни,
Что отчаяние и боль переполняет тебя
Что готов я над тобою заплакать,
Но такая, как ты, живёшь в памяти,
И я верну жертву кровью своей.¹⁰

* * *

С самого начала Пламень решил попасть на станцию ЦНК не с восточного туннеля, где встречалась странная пара, а... сверху. Он хотел использовать все полученные сведения — не только опознавательное «кольцо допуска», но и знания о часах питания сирены.

Ни ловелас, ни бассейнники никогда не встречали сирену ночью, от заката до рассвета. С одной стороны, это казалось странным, если признать предположение Пламени, что это действительно существо, лишённое зрения, но, с другой стороны, эта атомная эволюция породила уже столько существ неясного происхождения!.. И почти все они казались охотникам-коллекционерам лишней шишкой на заднице.

Мужчина лежал на крыше венткиоска станции. Наблюдал закат, отдыхая, — насколько это было возможно в костюме химзащиты. Дорога до этого места была не похожа на прогулку без цели по Маршалковской, как в молодые годы. Мало того, что муравьи попались на пути, так ещё придётся ползти и прятаться перед Коперником, как называли некое существо, лютующее возле памятника польского астронома. Когда монстр чуял жертву, он поднимал такой шум, что земля начинала содрогаться. Никто его раньше не видел, но многие миссионеры слышали, и абсолютно ни один не выразил желания встретиться с глазу на глаз с крикуном.

Солнце пульсировало над горизонтом Варшавы, а разрушенные, брошенные, а иногда и заросшие небоскрёбы вычерчивались тёмными руинами на фоне оранжевого диска. Пламень посмотрел в ту сторону — на Дворец, теперь обезглавленный. Что-то в этом виде на самом деле раздражало, чего-то не хватало. Неужели сентиментальностью можно заразиться? Отбросил эту мысль, хотя сердце в груди подсказывало ему, что на следующей охоте стоит позаботиться о символах прошлого. В конце концов, память, дающая возможность учиться на собственных и чужих ошибках, — это одно из самых ценных сокровищ человечества.

— Время огня, Пламень, — пробормотал сам себе и через несколько минут вошёл в вестибюль станции метро.

* * *

В моих снах постоянно Варшава,
Полная улиц, площадей, деревьев.

---

¹⁰ «Песня о моей Варшаве». Слова: Альберт Харрис, исполнитель: Мечислав Фогт (1944).

Редко слышишь тут аплодисменты,
Чаще — ехидный смех.
Лица в метро — чужды,
Да и зачем быть знакомыми?
Это стоит слишком дорого,
Лучше уехать иль спать.¹¹

* * *

ЦНК не была погружена во мрак, как подобает оставленным людьми анклавам. Верхние этажи и переходы с магазинами с разбитыми витринами поросли пучками какого-то мха, от которого исходило холодно-синеватое свечение, усиливаемое цветом стен «голубой станции».

Пламень сразу вспомнил рассказы о подводных лодках, плавающих по течению Вислы и светящих время от времени редким миссионерам, что были достаточно глупы, чтобы оставаться ночью на поверхности, и достаточно счастливы, чтобы дожить до утра. Конечно, подлодки легко можно было бы счесть байками, вот только есть в этих байках зерно истины. Неужели ночь на поверхности не была гарантией, чтобы сойти с ума?

* * *

Если разум что-то означает,
То должен подать знак,
Когда-то ты тоже этот увидишь,
Скажешь мне так:
Исчезнет Варшава
Так явно, как сон.
Жизнь — это не игра,
Я хорошо это знаю.¹²

* * *

Ни в одном переходе не наткнулся на живое существо. Впрочем, он этого ожидал. Укрепился в убеждении, что сирена на самом деле плавает по затопленной платформе и представляет такую опасность, что ни одна тварь не живёт рядом с ней.

Пламень остановился на лестнице — нижние ступени прятались под водой, а в ней светился голубым мох.

Оделся быстро в снаряжение для подводного плавания, что одолжили ему бассейнники, приготовил арбалет с натянутой тетивой, включил секундомер на часах, чтобы мерять время от часа «Ч», и медленно, осторожно вошёл в воду, стараясь не хлопнуть и соблюдать тишину. Жизнь научила Пламеня, что женщины самые красивые и наименее опасные, когда спят. Именно тогда проще всего пронзить сердце возлюбленной.

* * *

Лишь одно воскресенье,
Навсегда расстаёмся,

---

¹¹ Оригинал: «Станция Варшава». Слова: Анджей Могильницкий, исполнитель: Lady Pank (2004).

¹² Ещё один отрывок на основе «Станции Варшава».

Навсегда разойдёмся
Мы в грустный час.

Лишь одно воскресенье,
сны мои золотые,
ожиданья пустые,
ушли навек.

А потом рухнет мир.¹³

* * *

Через тонкую прослойку костюма он чувствовал холодные объятия воды, желающей охватить каждую частичку тела. Подумал, что испытал такой же холод, когда горел. Его обдала дрожь — не от мороза, а из-за страха.

«Отринь, что прошло!» — он пытался прогнать из головы страхи и воспоминания. Он на задании, только это важно!

Он двигался немного неуклюже. Так давно не было возможности плавать, что все движения казались неловкими, а положение усугубляли костюм, маска, кислородный баллон на спине и перекинутая через плечо сумка с болтами. На шее ремешок с привязанным зеленоватым пальцем, на котором держалось кольцо. Он висел сейчас прямо над головой дайвера, точно рвался на встречу с любимой.

Пламень не ожидал, что светло-синяя вода будет настолько холодной. Когда смотрел вверх, было ощущение, что низкий потолок покрыт толстым слоем льда, и он провалился в прорубь, как в ловушку.

Он пошевелил плечами, покрутил ногами, повернул корпус и поплыл в другую сторону. Охотник старался держаться подальше от стен станции. Не хотел оказаться слишком близко к светящемуся мху, чтобы глаза лучше ориентировались в тени и полутьме, что таилась ближе к центру платформы. Он протянул руку вперёд и схватил кулон. Несколько раз постучал в кольцо, в надежде приманить сирену.

Станция метро Центр науки Коперник на уровне туннелей казалась более опустошённой, чем выше. Не хватало только тени в и так мутной воде. Хотя...

Что-то серебристое мелькнуло между рёбрами колонн. Пламень замер и прицелился арбалетом в отблеск. Но тот пропал, она исчезла, как плавником сняло. Мурашки пробежали по телу охотника, приближавшегося к жертве... Только кто здесь на кого охотился, кто был больше в родной стихии, кто больше принадлежит городу тридцать третьего года?

Несмотря на холод, от которого медленно немели конечности, глаза заливали капельки пота.

Он нервничал, и с каждым пройденным метром, с каждой минутой — даже секундой! — его охватывало беспокойство, словно погружался в бездну без выхода. А зев туннеля темнел, словно атомная ночь, втягивал Пламеня, словно чёрная дыра.

Следовал за видением, за воображёнными отсветами, приближаясь к цели. Плыл вверх и вниз, от колонны к колонне этой теснейшей, клаустрофобной станции. Иногда краем глаза вылавливал в водной мути мелочи, что в его голове превращались в нечто доселе невиданное. Видел пальцы, соединённые полупрозрачными перепонками, тонкие руки, жуткое лицо и гриву, как костный нарост, который легко может быть спинным плавником. Видел, но глазам не верил.

---

¹³ Оригинал: «Последнее воскресенье». Слова: Зенон Фридвальд, исполнитель: Мечислав Фогг (1935).

И услышал тихий не то писк, не то напев, водой или временем подавляемый. Мелодия далёкая, но хорошо знакомая. Как будто из колыбели, из другой реальности... Проглотил слюну, выравнивая давление в ушах, и всё отступило, оставив после себя гробовую тишину.

Проверил остальные служебные помещения и углубления на станции. Не слишком разумно поступил, но на мгновение перевёл все внимание на секундомер, чтобы проверить время. Ему осталось воздуха на сорок пять минут.

Его тело задубело от холода, движения становились все медленнее. У него не было сорока пяти минут. А над опущенной головой парили мысли и принимали вытянутые женские формы.

Даже не стал поднимать взгляд, напуганный собственными видениями и ледяным толком. Сосредоточился. Перед ним восточный туннель. Тёмный, мрачный, ледяной — как долгая дорога в ад.

Но задание есть задание — найти и убить. Замахал ногами, держа палец на спусковом крючке арбалета, и попал в объятия чёрной, как смоль, ветки давно сгнувшего дерева, принесённой речным течением.

Фонарик, крепившийся к оружию, погас, точно испугался того, что могло выплыть из тьмы. Продвинулся ещё на несколько метров наощупь, в трансе, несмотря на сопротивляющиеся разум, волю, в водоворот тени и холода. От него стали отскакивать куски замерзшего мусора и куски льда, плавающего в воде, как пузыри, — вопреки законам плавучести, вопреки разуму. Он чувствовал всё яснее ледяные шупальца на своей коже, проникавшие без особых усилий под костюм. Охватывали его, тянули вглубь и вглубь, в туннель, в Вислу.

Что-то сдавило его лодыжку. Что-то схватило его — Пламень рефлекторно пнул, выныривая из слепого оцепенения. Развернулся и выстрелил. Мог побиться об заклад, что услышал свист болта, хотя в воде это было невозможно. Жуткий крик ворвался в разум, точно кто-то крикнул ему прямо в ухо.

Не успел зарядить следующий снаряд, как через мгновение получил удар в рёбра. И в грудь. И в живот. И в плечо. И в запястье, да так, что арбалет выпал. Удары сбили дыхание, а взрывы боли вырвали из забытья. Вой раздался снова, и в Пламени пробудившиеся инстинкты приказали наощупь искать оружие. Потянулся к голени за ножом. В тот же миг острые когти разодрали костюм на плечах.

Он падал на дно; борясь, корчась в дуэли с призраком. Вода текла всё быстрее, направляясь к устью, к водопаду, на краю которого можно попрощаться с жизнью. Как будто кто-то выливал содержимое гигантской бутылки, а Пламень был лишь плавающей в ней мухой. Его тянуло на дно — метры, сотни метров, километры вглубь планеты, в ад, а там, в конце дороги, возникло зарево, просвет, что разрезал мрак, насколько хватало глаз, и резко, в доли секунды, обдал Пламеня свечением.

Круглая пасть, полная клыков, разверзлась перед лицом охотника, многочисленные глазки заискрились на мгновение, обещая смерть.

Тогда Пламень очнулся, полностью пришёл в себя. Сунул винтовку в раскрытый рот твари, перекатился через правый бок и полоснул ножом паучьи ноги. Раненый монстр взревел. Пламень толкнул на него больничный шкафчик. Брызнуло стекло, когда тот обрушился на паука. Охотник не стал ждать. Резал и резал, пока не лишил нападающего возможности передвижения. Паук только верещал изувеченный и обездвиженный.

Пламень подбросил нож, поймал за ручку острием вниз и вонзил клинок глубоко между хитиновыми пластинами брони. Только тогда вздохнул и огляделся.

Первые признаки рассвета лились сквозь щели в стенах дежурной комнаты медсестёр. В потолке зияла дыра, прямо там, где заснул Пламень. Рядом валялись кучи мусора, на трупе монстра лежал использованный накануне вечером шприц.

Что за грязная видение, подумал мужчина, быстренько осмотрел раны и стал выбираться поскорее из этого проклятого места, охраняемого ужасным созданием Пражской больницы. Он не хотел тратить ни секунды больше, чем необходимо.

А ведь Пламеня ещё ждало задание. Самое странное задание на свете — реальность.

Странный этот мир,
В котором есть
Ещё так много зла.
И странно мне то,
Что из века в век
Человека презирает человек.

Странный наш мир,
Мир людских дел,
Порой стыдно признаться в том,
Однако много есть
Тех, кто словом злым
Убивает как ножом.

Но люди доброй воли есть везде,
И можно верить в то,
Что этот мир
Не сгинет благодаря им
Нет! Нет! Нет!
Настал тот час,
Пора сейчас
Ненависть в себе пресечь.¹⁴

Варшава, 11—14 сентября 2015

В тексте также использованы:

«Сон о Варшаве», автор: Марек Гашиньский, исполнитель: Чеслав Немен (1966).

«Дни, которые мы не знаем», автор и исполнитель: Марек Грехута (1971).

МАЦЕЙ «SARAJAS» ГЛОВАЦКИЙ ПИНОККИО

— Папа, а почему у него такая большая маска? — спросил мальчик.

— Это не маска, Пиноккио, — засмеялся старик в толстом свитере. — Это хоботок.

Мальчик явно посерьёзnel: его лицо приняло выражение глубокой задумчивости. Он помолчал немного и заговорил снова:

— А этот хобот... почему не попадает в маску?

Старик снова засмеялся и поправил мальчику подушку.

— Потому что не должен, — пояснил он тепло, — воздух, которым дышат слоны, чистый.

Если бы кто-то наблюдал эту семейную беседу, то наверняка заметил бы настоящий блеск в глазах Пиноккио, свидетельствующий о его понимании темы.

— Африка чистая, да? — поинтересовался малыш, ища подтверждение от отца.

— Да, Пиноккио, а также Австралия... и Мадагаскар, и, наверное, Мальдивы...

Малец унёсся мечтами в далёкие земли из рассказов отца и протяжно зевнул.

Старик нежно посмотрел на своё утешение, а затем осторожно накрыл мальчика плащом и коснулся его лба загубником респиратора.

— Спи, сынок, завтра большое событие, — прохрипел из-за клапана.

---

¹⁴ «Странный этот мир». Слова и исполнитель: Чеслав Немен (1967).

Отец встал с постели, состоящей из шести коробок и подошёл к застеклённой стене, за которой медленно стучали длинные стрелки часов. Это был очередной день, когда Пинноккио засыпал, наслушавшись невпопад тикающих хронометров. Одного на вершине Дворца Культуры и второго у себя на груди.

* * *

Леннон достал из кармана грязную тряпку из микрофибры и потёр ей нежно аверс медальона. Зажим справа слетел, и кулон открылся, показывая две фотографии. Он смотрел некоторое время на них, затем погладил одну и прижал к груди.

Вдруг он услышал стук часов. Может, они тикали и раньше, но он не обращал на это внимания? Полы палатки распахнулась, когда Леннон вышел посмотреть, откуда доносятся звуки.

На станции он был один — совсем. Вокруг громоздились проржавевшие опоры, пережегавшиеся с огромными зубчатыми колёсами, которые ужасно скрежетали. Между шестернями и редукторами висели технические мосты на несколько метров в высоту.

Он видел всё, стоя на одном из технических мостов, ведущих через потемневшие внутренности машины.

Густой пар дышал ему в лицо, то и дело заставляя тереть глаза. Прошёл беспокойно длинный мост, затем свернул за одним из многотонных поршней. Пройдя бетонными коридорами, оставил машинное оборудование и попал через узкий туннель в белое длинное помещение, чья ширина едва позволяла передвигаться одному человеку.

Леннон был достаточно низкого роста, теснота центральной части помещения не создавала ему особых помех. Внешнюю стену занимало толстое стекло, испещренное паутиной проводов из олова и меди. За стеклом мигали два встроенных индикатора, большие, как производимые на Урсынуве сваи защитного частотола перед выходом из метро.

У каждого индикатора были отдельные, вручную выкованные орнаменты. Большинство из них напоминало бессмысленные волнистые узоры, выведенные без лада и склада. Однако у одного индикатора — показывал время — у основания были изображены явно два животных: лиса и кот.

— Папа! — крикнул кто-то за спиной Леннона.

Тот потерял равновесие и полетел вперёд, врезался в стекло, что, несмотря на большую толщину, разбилось. Вместе с осколками стекла устремился вниз с огромной высоты, по пути лова краем глаза панораму Варшавы.

* * *

— Леннон! Леннон! Хватит! — крикнул пожилой мужчина в военной форме с офицерскими погонами. — Ты с нами, успокойся уже.

Леннон открыл глаза и понял, что кричит. Лицо у него было залито потом, а волосы слиплись с промокшей подушкой. Поднёс к лицу руки и глубоко задышал, через каждые семь секунд, как советовал врач. Не смог удержаться и в панике заглянул в медальон, висевший на шее.

Остальные члены отряда спецназа из шести человек, поднятые его криком, стали расходиться по казарме с выражением смущения и сочувствия на лицах. Уже привыкли к тому, что у Леннона довольно распространённая в метро проблема со сном. Видения мира до Гибели, воспоминания и кошмары нападали на людей, когда те были наиболее уязвимы. Монстры не могли пересечь гермоворота, но легко проникали в мир снов, отделённый от реальности, — и там преследовали жителей метро, как сказочные призраки, разрушая им психику и здравый смысл.

Леннон встал с постели и посмотрел на своего командира, как побитая собака.

— Старший штабной прапорщик Швиджинский, — произнёс вдруг подчинённый, — я нарушил ночную тишину и готов понести наказание!

Офицер посмотрел на Леннона с сожалением и достал из кармана сложенный вчетверо платок, а затем схватил за руку подчинённого и высыпал содержимое ему на ладонь.

— Одиннадцатый, Леннон, — ответил спокойно. — Доктор велел тебе принимать гидроксизин перед сном и после сна, так что слушай его рекомендации.

Подопечный посмотрел на офицера, проглотил большую белую таблетку и запил остатком воды из стакана, что оставил ему кто-то накануне вечером. Ещё некоторое время он смотрел на Швиджинского, чьи седые волосы и мягкий характер действовали покровительственно и успокаивающе на Леннона, после чего тот оставил его одного в палатке.

* * *

Пиноккио вскочил на рассвете. Рассвет достаточно условный, хотя сквозь плотные свинцовые облака уже начали пробиваться солнечные лучи. Однако он хорошо чувствовал время — с большими часами это не трудно. Семь ударов двух поршней о себя — этого было достаточно.

Отец Пиноккио рассказывал ему часто, как давным-давно в городе звучали колокола каждый час. Сегодня, увы, колокола безмолвствовали, и лишь стук двух копытообразных поршней ритмично напоминали о себе.

Мальчик спрыгнул с ящиков, что служили ему кроватью. Он потянулся, и в спине тихонько хрустнули застывшие косточки. Бодрым шагом ребёнок подошёл к застеклённой стене в коридоре, где в последний раз видел своего отца.

Мальчику нравилось любоваться панорамой столицы. Он прекрасно знал точную сетку улиц. Как развалины были когда-то лиловыми небоскрёбами слева, как тянулись низкие блоки справа — им каким-то образом, несмотря на большой возраст, удалось сохраниться в лучшем виде, чем высоким новостройкам.

Перед ним лежали вытянутые руки Дворца Культуры в виде двух крыльев здания. Парковка была полна измятых и покорёженных ударной волной автомобилей. Они выглядят теперь, как игрушки, разбросанные скучающим ребёнком. Дальше рос парк — красивый фиолетово-белый лес нервокустов. Отец не любил рассказывать о мире за пределами Дворца, где они жили, предпочитал говорить о загадочных, далёких землях, что показывал ему в атласах.

Однако Пиноккио больше интересовал мир вокруг: причудливые тени, движущиеся днём между зданиями, медленно скользящие силуэты, быстро мчащиеся, но более приземистые и перемещающиеся на четырёх лапах, а также крайне редко — на шести, размером с ветхий автобус. Эти последние появляются время от времени, а однажды Пиноккио ухитрился заметить одинокого человека.

Мальчик получил от отца необычный, стеклянный ящик, способный запечатлеть любое изображение, стоило только нажать кнопку пальцем. Родитель предостерег мальчика, что тот может сделать не более десяти снимков. Один потратил на шестиногого гиганта, один на город и ещё один на большой круг, что пролетел однажды над зданиями, сделал несколько кругов и улетел. В последнее отец не поверил, приняв объект за тёмное облако.

Миновав переход, затянутый копотью и плесенью, полез в дебри узких технических туннелей, хорошо ему знакомых благодаря отцу, передававшему Пиноккио знания в течение нескольких лет. Он знал план всего здания настолько отменно, что мог расхаживать по нему с завязанными глазами и из любой точки попасть в другую, что позволяло экономить свет и время и гарантировало безопасность.

Как ни парадоксально — Пиноккио больше, чем резкого тиканья, боялся того, что мог перепутать какой-то из механизмов часов, и это необратимо нарушит равновесие всей конструкции.

Поэтому же отец не позволял мальчику приближаться к центральному маятнику. Гигантская булава величественно качалась из стороны в сторону. Она была так чувствительна, что даже незначительные изменения температуры или давления приводили к повторной регулировке всей системы. Пиноккио неоднократно наблюдал, как отец с ужасом смотрит на погоду за окном, нервно ходит из угла в угол только себе известным путём, после чего шёл к маятнику, чтобы капельку изменить частоту, что казалось Пиноккио совсем незначительным.

С течением лет Пиноккио понял, что его родитель воспринимает часы, как центр всего мира, почти как магическую тайну, и понял, что если отец беспокоится за состояние механизма, то и Пиноккио должен относиться к ним со священным трепетом.

Отца он нашёл в генераторе тока — в глубокой задумчивости он вычислял, сколько они в состоянии восполнять потери энергии для поддержания постоянной амплитуды колебаний.

Все эти термины были для мальчика лишь заученными фразами, даже такие забавные определения, как добротность часов, что, несмотря на приятное название, было всего лишь ещё одной важной величиной в формуле потребления энергии.

Мальчик подошёл к своему родителю. Тот снял толстые очки с носа и улыбнулся со свойственной ему скромностью.

— Сегодня нас ждёт важная миссия! — объявил отец. — Это действительно важный день в истории часов.

* * *

— Сегодня нас ждёт важная миссия! — объявил капитан Швиджинский. — Это действительно важный день в истории нашей станции.

С тех пор, как был оглашён переломный план прорыва в позиции Святого Креста, напряжение в воздухе ощущал каждый. Правильно установленная взрывчатка, без особого изящества, но зато эффективно, должна была разделить территорию Святого Креста, что позволит разбить ослабленные силы. Баланс сил в метро нарушится, а капитан Швиджинский мечтал, что чаша весов победы склонится на сторону Политехники, а затем ударится о землю под тяжестью последовательно выполняемых миссий его отряда.

— Мы пойдём с наступлением сумерек на Дворец Культуры! — капитан сделал паузу, чтобы насладиться выражением лиц подчинённых. — У нас «зелёный свет» от начальства, так что сегодня покажем всю мощь Политехники!

Отряд капитана состоял из самых надёжных и достойных на станции солдат. Поэтому неудивительно, что он насчитывал вместе с капитаном четыре человека. Не было здесь места для всех подряд, вроде случайных сталкеров и вылощенных героев. Отряд спецназа имел лицензию на убийство, что привело к изобретению простого правила:

— Заходим, не оставляем ни следов, ни свидетелей. Мы не можем рассчитывать на экипаж транспорта, так что придётся собрать как можно больше материалов, а затем вернуться на Площадь Конституции так, чтобы этого никто не заметил, — капитан посмотрел каждому из солдат в лицо и добавил кратко: — И никакой болтовни, ясно? Праздновать будем, когда Святой Крест падёт и разобьётся, как должен был сделать давным-давно.

Леннон кивнул, не меняя бесстрастного выражения лица. Бубен скрестил мускулистые руки и пробормотал что-то невнятно, а Станчик, как обычно, только щёлкнул пальцами и улыбнулся.

Швиджинский поморщился с отвращением. Несмотря на то, что он командовал отрядом официально уже больше года, он по-прежнему видел в людях лишь цирк особенных. Мечтал о настоящем отряде спецназа, которого он заслуживает. Часто думал, что должен стать новым начальником. Шансы у него были, правда, небольшие, ведь нынешний начальник Хрустального дворца был, по общему мнению, замечательным. Однако капитан был

честолюбив и часто думал над тем, как реформировать работу всего Дворца и подчинённых в будущем станций — и мечтал сделать многое.

— Квартирмейстер покажет вам всё для работы, вы возьмёте только то, что необходимо — помните, что от успеха миссии зависит судьба всех нас — думайте об этом!

После короткой и не особенно харизматичной речи капитан отправился в кабинет начальника, чтобы ознакомить его с кое-какими идеями по работе патрулей на поверхности.

Группа ненадолго остановилась, не зная, что делать с полученными знаниями.

— Владыка метро, двух дворцов, — засмеялся Станчик и постучал по коленям.

Бубен усмехнулся, не зная, что его товарищ имел в виду. Оба посмотрели на Леннона, в поисках хотя бы тихого фырканья, но тот лишь повернулся и вышел из помещения.

— Бедняга, не понимает шуток, — поморщился театрально Станчик, после чего стал пародировать походку подопечного лучника и отправился вместе с единственным оставшимся солдатом в направлении платформы.

— Он скучает по своей семье. Не каждый может ладить с людьми после такой потери, — сказал сочувственно Бубен, что с его бычьим телосложением вышло скорее насмешливо, чем вежливо. — Ты бы знал это, не будь ты таким... психом.

Станчик показушно рассмеялся и зааплодировал товарищу. Вдруг остановился и сплюнул в сторону.

— Он должен вырасти, для общего блага! Пусть обнимает какую-нибудь красивую тёлку с ребёнком, тут их полно.

Леннон провёл остаток дня, полируя свой кулон.

* * *

Пиноккио перескочил через шестерню и свесился с зубчатого колеса. Оно крутилось добрых полминуты, пока, наконец, ему не удалось спрыгнуть на землю. Он следил за взглядом своего отца, который смазывал одно из маленьких колёсиков, что позволяют изменить скорость вращения по часовой стрелке.

Когда решил, что родитель слишком занят часами, чтобы следить за ним, сбежал по одному из многих нижних технических мостов и устремился прямо к жилой части часов. Свет лился сбоку через укреплённое бронёй стекло, что неизменно уже много лет было его окном в мир вместе с передней стеной, отделяющей часы от остального грязного, пыльного и открытого непрерывным ветрам мира.

Он знал, что у него есть всего несколько часов, прежде чем его хватятся. Пиноккио схватил свой рюкзак со сложенным бельём и направился к лестнице, ведущей на верхние жилые этажи. Сначала мальчик аккуратно отключил защиту в виде растяжки с гранатой на другой стороне люка. Когда ему удалось попасть на нижний этаж, пришлось пройти ещё несколько ловушек, которые его отец лично установил в коридорах.

Когда спустился на первый этаж, открыл широкие двустворчатые двери и выглянул наружу. Усеянный трещинами бетон напоминал гигантскую засохшую вату, в которой копошились густые облака. Мёртвые раковины автомобилей, полностью очищенные от ценного вторсырья, пустые зевы окон, заброшенные небоскрёбы.

— Симпатичные, — произнёс одними губами мальчик.

Пиноккио поправил шерстяной свитер, который колол его грубую кожу. Посмотрел внимательно на свою грудь и сосредоточенно стал следить за часовым механизмом.

— Семь часов, — прошептал взволнованно. — Успею до полуночи.

* * *

Бубен поправил толстые ремни из подозрительного происхождения кожи, которые оплетали его тело крестом. Натянул перчатки на руки и расстегнул, а затем застегнул снова

пряжки на сапогах. Его щёки приобрели лёгкий розовый оттенок, когда прилаживал третий нож к поясу. Проверил пистолет, что чистил битый час с необычайной заботой.

На все эти приготовления, больше походившие на ритуал, чем на стандартную подготовку, искоса поглядывал Леннон, проводивший свой собственный ежедневный ритуал. Капитан Швиджинский устроил выговор подчинённому Станчику за попытку вымогательства услуг проститутки с помощью «значка» службы безопасности Хрустального дворца. Правда, небольшой штырёк на груди не подходил на роль официального документа деятельности на благо станции, однако из-за отсутствия более достойных и единых материалов заменяли таким вот импровизированным образом. Кроме того, никому не хватало мужества выдать себя за кого-то другого, чтобы получить хотя бы бóльшую порцию еды — десять ударов хлыстом по спине отпугнули даже самых отчаянных. Это сильно огорчало Бубна, кто лично должен был вершить правосудие с согласия начальника.

Леннон принялся внимательно разглядывать герметичную заслонку. Временная конструкция выглядит, скорее, как куча железяк на пару петель, со шкалой по Цельсию, а выделяющиеся при этом пары были неформальной формой пытки для задержанных на время преступников.

Отряд пошёл к выходу и в форме несимметричного ромба покинул безопасную нору. Зимняя ночь принесла холодные ветры, несущие частицы пыли и ржавчины, что врезалась в любое незащищённое место костюмов. То, что можно было принять за снег, было на самом деле раствором и чертовски радиоактивными хлопьями белого пуха.

Отряд шёл медленно, с трудом передвигая в пыли носки обуви и глядел во все стороны, в тёмные пятна на фоне снега. Многие люди верили в существование духов и всякого рода существ не с этой планеты, о чём часто рассказывали сталкеры, возвращаясь с поверхности. Многие... кроме самих рассказчиков, которые знали, что единственные убийцы тварей с поверхности — люди и разные мутанты, появившиеся в результате войны. Всё, что находилось на земле, летало в воздухе, плавало в воде — можно было объяснить. Однако страх никуда не девался.

Станчик напевал под нос песню. Из-под капота доносились искажённые раскаты, больше напоминавшие свистящее дыхание животного. Медленно мужчина вошёл в транс — в свой любимый мир на поверхности. Только так столь недисциплинированный человек мог быть сталкером, и причём довольно полезным.

Слухи в казарме часто утверждали, что в скромных рядах отряда спецназа есть человек, способный разговаривать с мутантами и выслеживать животных через фильтр протогаза. Чудеса в решете — реальность не такая фантастическая.

Станчик был просто хорошим — хорошо справлялся. Он мог выслеживать, двигаться тихо-тихо и даже пребывать в полной неподвижности в течение часа, что было весьма неожиданным талантом у человека с таким взрывным характером.

Несмотря на небольшое расстояние, что отделяло их от второго дворца, пришлось идти медленно, чтобы не попасть в одну из заложенных снаружи ловушек, или, что было бы ещё хуже, не наткнуться на одного из жестоких ночных хищников.

Дорога оказалась настолько безопасной, что на всём пути не встретили ни одну ловушку на крыс, что поставило бы под угрозу непосредственно их жизни.

Всё, казалось, шло по плану.

* * *

Пиноккио стал взбираться на насыпь, то и дело калеча руки о торчащие осколки железобетона. Кусочки кожи рассыпались, словно гипс, когда наткнулся на очередной кусок мусора. Ржавый толстый прут железа торчал из стены, и Пиноккио завис на нём. Мгновенно выбросил вторую руку вверх и зацепился за край этажа.

Сердце стучало как бешеное, когда мальчик, наконец, взобрался наверх и посмотрел туда, откуда пришёл. Теперь казалось, что прошёл всего ничего, хотя потратил на восхождение, по крайней мере, четверть часа.

Когда повернулся, его взгляд наткнулся на пустые рамы витрин опустошённых магазинов, между которыми стояли трёхэтажные колонны, поддерживающие белый потолок, внутри же был треугольник пустого пространства, уходящий прямо в ночное небо. Из стен торчали красные рамы, лишённые стёкол, и, наверное, когда-то образуя проём, в который мог литься ночной лунный свет.

Пол зарос тонким слоем мха, местами украшенного красными широкими бутонами с неровными краями. Некоторые из них были закрыты и выделяли сладко-ароматную, густую жидкость, капавшую на землю. Сладковатый гной привлекал окрестных насекомых и крыс, как зебр на водопой. Наркотическое воздействие усыпляло животных, и те покачивались из стороны в сторону и засыпали, а красные чашечки тянулись медленно в их сторону, чтобы накрыть их своими алыми ртами.

Однако настоящее зрелище находилось в центре этого странного, с заросшим потолком Колизея.

Гигантское шестиногое существо лежало на боку, озаряемое лучами света, скупо любуясь сквозь просвет. Кровь с розовым оттенком образовала большую лужу у последних, задних лап животного. Гексапод постанывал и тихо выл, да и то требовало больших усилий. Пиноккио наблюдал за ним, совершенно не понимая, что происходит. Через несколько минут стонов чудовище вытеснило из себя красное тело о шести тщедушных ножках. Кусок мяса шмякнулся о землю с потоком влаги.

Пиноккио перевесился через перила, чувствуя, как увлечение мгновенно превращается в отвращение. Сам он тоже выбросил что-то из себя, однако его поступок, хоть и естественный, не отличался благородством, в отличие от гигантской матери, которая в лунном свете родила ребёнка.

Эта натуралистичная сцена долго не продлилась. Радужные фигуры вышли из тени, где он уже давно стоял. Теперь, когда всё завершилось, хищник мог полакомиться мягкой и питательной жертвой. Человекоподобное, тощее создание одним прыжком достигло новорождённого и вонзило клыки в его живот. Мелкий гексапод не успел даже первый раз закричать, как монстр вонзил ему когти в мягкое горло.

Мать стала подниматься на ноги, хотя кровь из открытой матки продолжала течь. Одним движением конечностей, похожих на тюк, отбросила «гуманоида» прочь. Чёрная тварь врезалась спиной в тонкий столб, сломав его пополам. Ослабляемый в течение года и раздираемый бурями бордюра, за который держался Пиноккио, переломился, и мальчик повис на нём в метре над землёй.

Гексапод завыл и прижал мёртвого новорождённого к своей голове, что была больше самого ребёнка. В один миг всё перевернулось с ног на голову, потому что мать принялась размахивать и молотить ногами кругом, гребя окружающую растительность. От красных чашечек оставались лишь мокрые пятна вместе с дремлющими жертвами, а в воздух выбрасывались красные облачка газа, который стал быстро расползаться по полу.

Пиноккио привлёк внимание шестиногой матери и отпустил перила. Он побежал за колоннами в сторону остатков лестницы, когда зверь сломал опоры первого этажа. Одна из ножек пробила колонну насквозь, ранив мальчика каменными осколками.

Он вбежал на лестницу, перескочил четыре ступеньки и кинулся вправо. Он должен миновать первый этаж, чтобы попасть к выходу, а пол уже начал проваливаться и засыпать первый этаж щебнем.

Мать сошла с ума после потери ребёнка, она стала неуклюже подниматься по лестнице, затем пошатнулась набок и упала на красные растения, отчего красный газ стал интенсивнее выделяться. Он взмывал с угрожающей скоростью, пока не достиг первого этажа.

Пиноккио перепрыгнул через пробоину в полу и стремительно скользнул вниз, спасаясь из адского Колизея. На полпути споткнулся, и остаток пути проехал, сбивая колени в

кровь. И всё-таки сбежать не удалось. Доведенное до безумия создание протаранило стену торгового центра, выбежало на улицу в облаке газа, который успел оставить на его коже кровавые пузыри.

Рёв, наполненный отчаянием и яростью, прокатился по центру города.

* * *

Кровь на стенах, полу и даже потолке произвела неизгладимое впечатление на капитана и его команду. Помещение выглядело как после бойни. Куски мяса различных животных и даже человека, с остатками одежды, валялось повсюду. Стены были обуглены и украшены осколками от многочисленных взрывов.

— Ублюдки действуют с размахом! — засмеялся Станчик, сделав первый шаг вглубь помещения.

Все четверо медленно двинулись, выискивая между кровавыми лужами и останками ловушки. В течение нескольких минут успели пройти мимо более чем трёх никелевых жёстких звеньев прямо над полом. Невероятно осторожная и долгая дорога позволила им проникнуть в относительно пустой и чистый коридор, заполненный мраморными колоннами, высеченными с четырёх сторон. Поскольку помещение не было освещено — даже окна на улицу отсутствовали! — капитан Швиджинский приказал включить фонарики, рискуя быть обнаруженными.

Спустя час скитаний по коридорам Дворца им удалось попасть в наиболее особенное помещение в здании. Лестница вела прямо в необычную комнату с застеклённой стеной, а рядом стояло множество ящиков, контейнеров и бочек с маслом. Между предметами чисто технического назначения торчали части кухонного уголка и даже две кровати.

Леннон посмотрел внимательно и остановил взгляд на одной из постелей. Снял со спины лук и наложил стрелу. Всей командой начали красться вглубь единственного свободного прохода, пока не добрались до гигантской непонятной машины, полной качающихся вразнобой механизмов.

— Ты что-то говорил про размах? — прошептал Бубен.

Вдруг через зал прокатился эхом громкий голос:

— Что это значит? Вам здесь не рады! Пиноккио! Пиноккио!

Сталкеры переглянулись смущённо. Первым заговорил капитан:

— Профессор Виленский?

Старик замолчал на некоторое время, после чего стал медленно спускаться на более низкую техническую платформу. Опёрся руками, испачканными в масле, о перила на консоли и ответил:

— Откуда ты меня знаешь?

Швиджинский, явно довольный ответом, велел опустить солдатам оружие.

— Мы с официальной делегацией Хрустального дворца и...

Старик рассмеялся, прервав капитана на полуслове, что явно сильно его разозлило. Они посмотрели друг другу в глаза, не скрывая взаимной вражды.

— Вы просто кучка кротов, что питаются остатками, и ваше наибольшее достижение — изведение соседней группы кротов. Вы давно перестали походить на людей. Ваши дети рождаются слепыми, а внешний мир воспринимается ими как цивилизация, построенная руками пришельцев. Кучка шимпанзе, пляшущих на свалке.

Виленский плюнул под ноги капитана, но слюна растянулась на лету и потекла по стеклу вниз. Швиджинский с отвращением отвернулся, но решил продолжить разговор:

— Нам нужны материалы, чтобы дать нашей общине выжить! Без этого люди, кого ты обозвал кронтами, просто погибнут.

— Какие материалы? — спросил небрежно профессор.

— Тротил, — серьёзно ответил Капитан.

Профессор Виленский расхохотался так громко и безумно, словно у него не было поводов для смеха много лет. Минут через десять он успокоился и холодно ответил:

— Я презираю тебя, убирайся из моего дома.

Станчик тихо рассмеялся и переглянулся с Бубном. Капитан, явно разъярённый словами собеседника, достал оружие и поднял его вверх:

— Где чёртов тротил?!

Профессор нахмурился — шальная мысль пришла ему в голову. Он снял с шеи кулон с ключом.

— Хорошее решение, — ухмыльнулся капитан.

Виленский поморщился и ответил:

— Ни за что не допущу дальнейшего уничтожения нашей цивилизации.

Профессор бросил ключ в сторону отряда, и как только Швиджинский попытался схватить летящий кулон, дёрнул за один из рычагов, что были у него под рукой. Помещение внезапно начал заполнять горячий пар.

Бубен выстрелил несколько раз туда, где ещё минуту назад стоял часовщик. Выстрелы, однако, не достигли цели, так как хозяин исчез в одном из только ему известных ходов. В помещении стало невыносимо жарко.

— Назад! — крикнул капитан Швиджинский, когда к звукам добавился металлический скрежет, после чего одна из механических зубчатых реек выпала из механизма, проломив помост, на котором стоял отряд.

Бубен, собиравшийся было приободрить товарищей, теперь лежал с выпученными глазами между шестернёй и поршнем, придавленный его оборванным концом.

— Уходим! — приказал капитан.

Отряд выбежал из часового зала и снова оказался в окружении коробок и прочего оборудования. Швиджинский огляделся и сказал коротко:

— Мы не возвращаемся с пустыми руками!

Он снял со спины свой KWz. 88 Tantal, который получил от начальника станции за многолетнюю службу (а неофициально за контрабанду предметов роскоши с поверхности), и начал бить прикладом ближайшую коробку. Подхватив мысль, Леннон вместе со Станчиком стали разбивать ящики ближайшими предметами, что подвернулись под руки.

Пар начал заполнять и жилое помещение, а горячие капли оседали на потолке. Ситуация стала напряжённой, когда разбили несколько контейнеров и ящиков, но им не удалось найти ничего существенного.

Вдруг Леннон посмотрел на кровать, состоящую из нескольких ящиков, после чего по инерции врезал по одному из них. Внезапное предчувствие и прилив адреналина подарили успех — в коробке посередине были упакованы равные куски желтоватого цвета и чёрные пронумерованные бланки.

— Бинго! — крикнул Станчик и начал кромсать верёвки, соединявшие ящики.

Втроём они начали оттаскивать их в сторону пожарной лестницы, но переход оказался слишком узким, чтобы пронести весь хабар.

— Пакуйте в рюкзаки, сколько сможете, — велел командир.

Команда быстро наполнила свои рюкзаки тротилом, положив в них по несколько двухсотграммовых кусков. Станчик взял ещё одну порцию в руки и съехал по лестнице вниз, безумно смеясь.

Сталкеры выбежали из Дворца Культуры, по пути непроизвольно перепрыгивая там, где ликвидировали мины, идя сюда. Станчик повернулся, ожидая в напряжении какого-то эффектного взрыва, но заметил лишь пар, выходящий из дыр в верхней части здания.

— *Nabemus tritolo*¹⁵, — засмеялся Станчик, что в противогазе звучало сдавленно.

---

¹⁵ Буквально: «У нас есть тротил» (лат. / ит.).

Леннон вскочил внезапно и ударил его наотмашь кулаком, и ещё раз, однако Станчик отразил удар и нанёс Леннону ответ в три быстрых приёма, что положили нападающего на лопатки. Леннон вскочил на ноги и снял маску, тяжело дыша от гнева.

— А Бубен, наверное, в отпуске, больно ублюдок?!

Станчик усмехнулся из-под противогаза. Швиджинский развёл дебоширов, предчувствуя накал страстей.

— Спокойствие, — сказал он твёрдо. — Мы получили то, за чем пришли, потом напишем об этом в отчёте. Станчик, ты идёшь на точку...

Рёв, наполненный отчаянием и яростью, прокатился по центру города.

* * *

Пиноккио мчался на бешеной скорости прямо к своей безопасной гавани, единственному родному дому, где провёл большую часть жизни. Однако монстр, что его преследовал, несмотря на усилия, вызванные родами и кровотечением, казалось, без затруднений преследовал и нагонял человечка с каждой минутой. Мальчик старался держаться подальше от выбоин на дороге, чтобы не упасть и не стать обедом для шестинога. Монстр же не заморачивался, как мальчик, потому в безумной атаке гнал напролом.

Наконец Пиноккио перепрыгнул последнее жалкое подобие автомобиля, что преграждал дорогу на стоянку перед Дворцом Культуры. Тут он заметил что-то необычное: Дворец погрузился в смутное свечение, что нарастало с каждой минутой. Перед самым зданием он увидел три силуэта, которые в первую секунду мальчик принял за «гуманоидов», подобных тому, что убил новорождённого. У Пиноккио не было особого выбора, и он побежал вперёд, надеясь на удачу.

Капитан Швиджинский посмотрел в сторону погони и остановился как вкопанный при виде многометровой несущейся твари, залитой кровью.

— Надеюсь, парень купил нам немного времени, — сказал он горько и ринулся в сторону, подальше от опасности.

— Это же всего лишь ребёнок! — крикнул Леннон, раздражённый очередным аморальным поступком в отряде. — Мы должны спасти его!

Леннон убежал в другую сторону и спрятался за одним из автомобилей на стоянке. Прицелился в гексапода и сделал несколько выстрелов тому в голову, не зная, попал ли. Если пистолет не в состоянии даже ранить монстра, нет смысла снимать любимый лук со спины. Зверь, казалось, всё более и более свирепел. Одной из своих ног тварь отбросила соседнюю машину на десять метров, прямо показывая, что с ней шутки плохи.

В какой-то миг шестиног вернулся к погоне за мальчиком, которого Леннон схватил и укрыл рядом с собой. Чудовище набросилось на капитана Швиджинского и чуть его не растоптало, если бы тот не успел перекатиться между ног монстра. Когда тварь замедлилась, чтобы повернуться, Станчик выстрелил ей в шею, попав в один из кровавых волдырей. Разъярённый зверь схватил его сразу ртом и к ужасу остальных сжал челюсти.

Станчик, даже умирая, смеялся из-под маски. Достал зажигалку из бокового кармана и приставил огонь к тротилу в другой руке.

— Чё ты... такая серьёзная? — прошептал он тихо.

Секунду спустя взрыв разворотил лицо чудовища и разметал труп сталкера в радиусе нескольких метров. Шестиног ещё какое-то время стоял неподвижно, после чего шагнул вперёд. Все в ужасе наблюдали за ним, отступая в сторону Хрустального дворца. Пиноккио едва поспевал за тянувшим его Ленноном. Единственное, о чём он думал, — это о бегстве от существ, что когда-то его привлекали, а теперь оказались смертоносными.

Не оглядываясь, команда домчалась, наконец, до гермоворот метро. По пути за ними шныряли ночные хищники, почуявшие присутствие отряда.

Швиджинский постучал нервно в заслонку несколько раз условным кодом. Несколько раз выстрелил назад, углядывая маячащие в темноте фигуры.

Парни, стоящие в карауле этой ночью, впустили их, быстро закрыли «герму», которую тут же стали царапать когтями первые хищники. Люди были в безопасности.

После обязательного «душа» Швиджинский отправился докладывать, забрав обе сумки, а Леннон остался с ребёнком, чтобы развеять все сомнения и не допустить, чтобы в метро проникла какая-нибудь серьёзная болезнь.

— Когда я вернусь к папе? — спросил Пиноккио.

Леннон посмотрел на него с лёгкой улыбкой, одной рукой помогая ему разоблачаться.

— Знаешь, это довольно сложно, — ответил Леннон.

Когда мальчик стянул шерстяной свитер, который носил на голое тело, Леннон достал из кармана небольшой кулон, открыл его и показал мальчику.

Часы на груди Пиноккио продолжали тикать.

МАРЕК ЗИКЛА ПРОТООПЕРАЦИЯ

I

Марек

Неудивительно, что ирландцы приняли меня за психа. Впрочем, мы о себе того же мнения.

Страшила

Сходил с ума. Каждая мысль сопровождалась одним из обширной коллекции тиков или классическим царапаньем по проглядывающей плещи.

Хромал. Рядом молчал болтун, обычно сыплющий такими глупостями, что от них киснет вода. Я сотни раз задавался вопросом, что делает калека в пещере с тремя лестницами. Это как если слабовидящий пойдёт на авиашоу.

Он говорил снова и снова о доверии, о том, как сильно я должен быть благодарен ему за спасение жизни. Я и был, однако доверять не мог. Это противоречило моей природе (довольно хищной, между прочим!).

Марек следил за странным электричеством. Таскал и галогеновые лампы размером с кулак, и мелкие индикаторы, проверял каждую лампочку. Чистил металл, стекло и резину, а потом мерил уровень керосина в агрегатах (три из них удалось раздобыть во время поездки в Каслкомер, а один стоял здесь с самого начала). Найти топливо несложно. Достаточно было осушить баки, стоящие в каждом дворе. Нам не пришлось вести жестокие бои. У наших ночных сталкеров не было конкуренции.

Мы запускали генераторы по очереди, — каждый тянул минимум пятнадцать киловатт. «Куда нам столько», — убеждал Марек. А своей однофазностью-трёхфазностью мне все уши прожужжал!

Я не тупой, но нельзя же за короткое время запомнить столько нового. Да и не каждому интересно. Для меня генератор — красные блоки на колёсах: гудящие, дымящие и делающие воздух дрожащим. Все тяжёлые, что мой котёл.

Я был рождён в нём, когда на голубую планету падали бомбы.

М

Бум, бах! Что есть, то есть... Сами просили.

Я читал у Бруннера, что война имеет стохастический характер — ближе к случайности, чем к продуманной стратегии. Он любит прятать судьбу неожиданно где-то между этими крайностями. Несмотря на рационализм. Несмотря на всё это, я не думаю жаловаться. Вероятно, я единственный, кто приобрёл больше, чем потерял.

Совместное правление, и это наполняет меня гордостью! Мама говорила, что надо получать от жизни всё до преждевременной смерти. Пусть переворачивается в могиле, полной гнилых досок.

Мама принадлежала к заносчивым бабам, что мужчин без футболки на пляже считали за нарушение обычаев. Сказать, что она ханжа — это как назвать медведя медведем. Пусть ей земля облучённой будет. Я любил её по-своему. Даже когда она заставляла меня читать книги.

Я его тоже люблю, к сожалению. Такой мелкий был и слабенький, словно самая тщедушная из летучих мышей, которыми он питался... Он приманивал их, выстукивая гипнотические ритмы на огромном котле, к которому он прирос или в который врос и в котором его принесли.

В нашей пещере Данмор, более пятидесяти метров под землёй, две дюжины избежали роковой судьбы, в том числе четверо детей — вкуснее летучих мышей, признаюсь честно, хотя мне тяжело об этом говорить. Малыши плохо перенесли первые недели в сырости и холоде. Мы все тут здорово болели — мне так сказали. Страшила прав, я слишком много болтаю.

Я помню начало. Люди держались вместе, настойчиво желающие общего блага и убеждённые, что теперь станет только лучше. Всё было общим, в основном несчастья.

Мы прокопали через обвал, блокирующий доступ к туннелю, тянущемуся на север. Старый экскурсовод уверял, что тот тянется к Каслкомеру. Рядом десятикилометровый ход со струйкой на дне — источником незагрязнённой воды, отфильтрованной тоннами грунта и осадочных пород. Этот успех обеспечил старпёру власть, что дала ему возможность толкать помпезные речи. А я смотрел на маленькие шипы под сводом и думал, как красиво будет натереть его на них, как на тёрке. Теперь я знаю, что это были трубчатые сталактиты — в вольном переводе с памятки — отложения кальцита цветных водорослей, поглощающими свет от лампочек. Пять тысяч лет понадобилось, чтобы они выросли на несколько сантиметров, а мой друг расправился с ними за несколько дней.

Об этом позже. Я устал.

С

Легко устаю. Мне есть что нести.

Я помню, как мы сохли на пластинах, покрытых камнями, под которыми Марек устроил грелку. Тепло успокаивало. Я тоже помню их первого предводителя. Не подходил к опасным временам. Правление хорошо начал, отправив двух бугаев наверх осмотреться, а те, небось, даже не успели привыкнуть к более яркому свету... Ушли днём, так что трава сделала своё дело — бледно-зелёная, вечно голодная. Разрослась.

Деда спустя годы заменила мать двоих детей. Грымза, способная перекричать любого. Выпытывала, кто в чём хорош, и стала заботиться о том, что у нас было, а не о том, что мы могли бы иметь. В основном о летучих мышах.

Они жили на удивление хорошо, и никто не знал, куда они улетают, когда просыпаются. Покидали пещеру ночью и возвращались с едой. Шинн Фейны — так стали их называть, когда националистические взгляды из чётко обозначенных превратились в ведущие — готовили жирный суп.

А котлы притащили ещё в эпоху старика, ночью — когда трава дремлет. Их нашли в старом приюте в Каслкомере, помнящем времена великого голода. Там ещё нашли массу семян, из которых в пещерах — там, где горел свет ламп — выросли чахлые овощи. Я бы солгал, сказав, что счастьем не было конца. Я бы солгал также, сказав, что мне жаль.

Притащили тяжёлые котлы, и в одном из них нашли меня (сплавленного с серым чугуном). Это была их ошибка. Их, а не наша.

М

Мы не совершали ошибок, я так думаю. По крайней мере, вначале. К сожалению, вечно длиться может только время. Это они начали. Мы закончили.

— Убить! — рявкнула карга, сама не дотягиваясь до оружия. — Страшила!

Дала ему имя, и, хотя малыш не понимал слов, он отреагировал, помахал ножкой. Он выглядел беззащитным, поэтому я вмешался.

— Я позабочусь об... этом, — я неожиданно вышел вперёд. — Перетащите котёл в южную комнату, пожалуйста, к кресту. — Я имел в виду место, которое обходили, с которым были связаны самые страшные истории, а температура падала едва не до нуля. Об огне — из-за отсутствия сквозняка — не было речи, грелок нет. Оставили там всего четыре лампы, в дополнение к слабому жёлтому свету. И их бы забрали, но тьма досрочно в пещере до бога. А может, дьявола? — Это людям больше нужно.

Там ещё стоял большой сталактит Ирландии. Одним он напоминал крест, другим — огромную пинту Гиннеса. В этой стране все говорили о религии или питье.

Я взял котёл — без посторонней помощи — обещая, что не пожалеют. Проклинал святых в святости, уходящего в небытие Бога, свою инвалидность и их превосходство. Я чувствовал — скорее всего, чувство это было заразно, — что выиграем, оставив Страшилу в живых. Они согласились. Кивали с серьёзными лицами ни в чём не повинных детей. Вручили мне сани, бросив коротко: «Good man».

Я притащил котёл в комнату. Удалось, и в первый раз мне не было холодно. Малыш выглядел счастливым. Снова махал ножкой, а я схватил её и осторожно потряс. Говорят, дети в первые дни после рождения вселяют в родителей положительную энергию и дарят благосклонность мира к себе. Клянусь жестокостью матери, Страшила может быть тому доказательством.

С

Страшила? Могли и хуже назвать, а ещё лучше, если бы вообще никак не назвали.

Меня опекал Марек, особенно в первые дни. Я посылал ему просьбы, что становились общими желаниями. Заблокировал узкий проход в тайную комнату с остатками металлических ступеней (много осталось; не все пошли на обогрев), по которым когда-то ходили туристы. Из плит и камней построил первый пандус — иначе в жизни не поднял бы этот котёл. А втащить мог. Втащить всегда можно.

Оставив нас в темноте, карга совершила большую ошибку. Дважды, а на третий повезло. Именно здесь включали и выключали свет. Жутко намучался, чтобы об этом не подумали. Не успели отреагировать, пытаюсь вернуть власть над ослабленными мозгами. Я вливал в них самую грязную серость! Что-то похожее на туман, смешанный с дымом и посыпанный по вкусу пеплом; пожирающий память — всё плохое, ручейком или струйкой, но достаточно сильно, чтобы получить несколько часов покоя.

Мы провели ток за баррикады и погасили лампы по всей пещере. Вскоре нас посетили, фонариками прокладывая себе путь через погружённые в чернильную тьму пещеру.

— Прекратить! — прорычала гримза, пыхтя и пытаясь оттолкнуть стальные плиты.

Смерть наступила от прикосновения. Её слабое сердце не выдержало, а взамен — почти сразу, чтобы заткнуть растущий среди людей страх — загорелся свет. Лицо Марека было удивительно спокойным, хотя только что убил кого-то.

С остальными Шинн Фейнами мы пришли к согласию. Пусти тьму и призови демона; дай свет, и тебя начнут восхвалять и, что очевидно, попросят больше. Они увидят в тебе надежду. Они увидят то, что хотят видеть.

Но сначала я должен подрасти.

(А каргу съели, представьте себе! До сих пор меня это забавляет. Конечно, с массой речей о высшей необходимости. Построили даже постамент в её честь, освятив сгрызенные остеопорозом кости. Какое это было прекрасное плохое начало!)

М

Рос прямо на глазах! Мужал на скудной диете! Поедал летучих мышей, чавкая и хихикая. Всё делал так странно, безумно.

Вторая из ножек стала со временем шевелиться, а полный живот — пульсировать от дыхания, а может, и от вздутий. Страшила начал учить первые слова. Учение давалось ему с лёгкостью. Черпал прямо из наших воспоминаний, желаний и волнений. Так приобрёл дар, впрочем, один из многих. Уже на следующий день после прихода к власти составил первое предложение:

— Служи мне. — Шутник.

Нырнул сразу же в мою голову — я чувствовал покалывание в висках и наблюдал серые видения. Обнаружил, что я боялся Шинн Фейнов, так как я не родом из Ирландии. Страх рос вместе с ростом ксенофобии среди жителей — как правило, дружелюбные, они стали смотреть на меня всё более косо. Поэтому несколько недель я пытался не разговаривать, чтобы не раздражать никого восточным акцентом. Я гулял по туннелям, бродя по ночам по дороге. Меня игнорировали.

А с тех пор, как я подружился со Страшилой, страх прошёл, и беспокойство о будущем сменило трудолюбивое настоящее. Хромой, сумасшедший Поляк приобрёл друга. Приобрёл сына.

С

Папа хромал. Вроде бы ничего особенного, но без специальной обуви не прошёл бы и ста метров. Ему не хватало большого пальца, и это проблема, потому что вся жалкая конструкция стопы тогда... перекашивается, если можно так сказать о ноге.

В этом умном человеке скрывалось больше комплексов, чем белого в кресте-сталактите. В старом мире, наверное, он был бы одиночкой, и кто знает, не стал бы он искать утешения в преступлениях. В пещере личное пространство не терпит пренебрежения. Со временем Шинн Фейны сами перегрызут себе глотки.

Я звал летучих мышей гипнотическим ритмом. Они приземлялись на краю котла и подходили ближе ко мне. Милые, пушистые и сонные. Я набирал сил. За несколько дней подрос настолько, что мог шевелиться. За несколько дней! Удивительные эти дары радиации! Я тащил котёл по влажному камню, как заключённый — шар у ноги. Я тренировался — так это можно назвать — стимулировать Марека. Мы были похожи друг на друга — в неуклюжести, потери, любви к тишине и силе. Я решил ему помочь.

Папа рассказывал мне о далёкой стране, где, наверное, никто не выжил, потому что Полякам всегда жутко не везло. Чувство превосходства зародилось в нём из-за чувства неполноценности и подкрепило себя комплексами. Он пытался обмануть самого себя, а это не здорово.

Ага, новым лидером Шинн Фейнов стал самый ловкий из сталкеров, подросток с рыльцем в пушку (родился под землёй), Имон Галлахер. Простак, зато послушный. Прорыл туннель и сделал его общедоступным. Каждый мог быть сталкером, каждый получил в собственности по два квадратных метра, так что настроения улучшились.

Какой-то странный. Он привил уважение к успехам во время прогулки. Обучал других трудному искусству выживания на поверхности, рассказывая о траве, за пределами которой практически нет жизни. Я подслушивал, нежно смотрел в его воспоминания, делал вместе с учениками уроки. Да, трава, некогда сочно-зелёная, с каплями росы на стеблях, росшая по всему острову, теперь стала ужасно агрессивной, злобной тварью. Это смешно до тех пор, пока не выйдешь на поверхность и эта дрянь не вкусит твоей крови.

М

Да это просто Имон их пугает сорняками, вот и всё. Ирландцы повёрнуты на мифологическом бреде. Везде видят лепреконов, слышат Банши и тому подобное, из языческой задницы тянут чепуху. Сборище суеверных идиотов!

Страшила обратил недавно внимание на то, что я расист. Я, который высоко оценил Ирландию во время одного выезда в страну! Лезет мне в голову и загрязняет воспоминания серостью, что, безусловно, влияет на моё поведение. С этим надо покончить! Я так решил.

Ведь я люблю ирландцев, всегда любил, только в последнее время они такие... трудные. Как горцы, что не могут произнести чертову букву «з».

Мой сын вымахал, чертовски вымахал, хотя с этим котлом на заднице выглядел смешно. Тяжёлое бельмо на глазу свободно висело. Ноги мальчика выглядели сильными, чертовски сильными, а в глазах — кроме пещерной тьмы — уверенность в себе.

— Я выйду подмету, — покрутил задницей, засмеявшись так, что ещё несколько дней мурашки по коже бегали.

Я рассказал ему историю, услышанную во время посещения пещеры, когда — каждый с билетом в руке — восхищался сталак-хренью. Старик-гид отвёл нас в комнату, где мы теперь жили, и выключил, с разрешения собравшихся, свет. Через двадцать секунд нас окутала непроглядная чернота. Вскоре включился фонарик, и сноп слабых лучей привлёк наши обалдевшие взгляды, даря покой и рассеивая страх. Сноп опустился в полость, где я с некоторых пор сплю.

Рассказал, как в пятидесятых годах привёл сюда двух подростков. У них была тяга к приключениям и пачка спичек, которые довольно быстро намокли. Не хватало фонарей — пещеру для посетителей открыли десять лет спустя. Нашли их через два дня. Их разум и тело погрузились в забытье.

У них не было плана. Они пошли просто так в поход. Нужно иметь план. Страшила полюбил эту историю и ещё не раз я рассказывал её заново, но не принял близко к сердцу. Я не знал, о чём размышлял подолгу мой могучий сын.

Шли дни, смешиваясь с ночами. Шинн Фейны нас не трогали, принося только пищу. Страшила. Странно это было. Наверное, в головах у них этой серой гнили больше, чем грифеля в карандаше. Сын иногда отключал ток баррикады и подтаскивал дары самой длинной ногой. Хихикал при этом весело, а котёл стучался о металлические пластины, что его явно забавляло. Недавно хотел убедиться, что он справится с током, но я не отважился на такой риск. Мы нужны друг другу, а при его размерах расчёты не давали уверенности.

Никто не пытался нам в чём-либо помешать. С их стороны провели, правда, что-то вроде колючей проволоки. Закрома хороши, я думаю, когда надо задержать атаку неприятеля, а, в первую очередь, когда некуда бежать. А Каслкомер может быть приятен ночью и только ночью. Днём он напускает траву.

С

Не убежали. Стояли на входе в туннель, парализованные страхом. О борьбе не слышали. Я впал в неистовство, характерное для воинов этих земель. Я начал с Имона — единственного, кто провёл контратаку, бросив в меня камень. Попал в котёл, то бишь, мимо. Такое случается с лучшими.

Остальные Шинн Фейны пали в бойне. Много красного и выпущенных кишок. Часть еды пришлось законсервировать, развесить, высушить, прокоптить, закопать. Хрустальный зал сошёл за холодильник.

Марек не хотел есть человеческое мясо после злключения первых месяцев и поедания детей. Вообще его даже немного напугала эта бойня, и даже серый цвет не помог, так испугался. Я объяснял, что теперь будет лучше, просторнее. Он сказал, что ему будет не хватать многого, потому что многое он делал с другими людьми, обща, и так проявлялась индивидуальность каждого. Его разум помутился от страха.

— Речь идёт о сексе? — спросил я, а он только махнул рукой. — Ну, говори! — крикнул я, попав ногой и голосом в каменную стену.

— Когда-то, ещё на Родине, ребёнком, я любил рыбачить. Не исключено, что уже больше никогда не встану на берегу реки. Не услышу плеска воды о камни; не трону пробковой рукоятью мушку. Не буду высматривать косяки форели, наблюдать за насекомыми. Сезон закончился навсегда. Сначала война, теперь они. Как я могу забыть о такой бойне? Что делать с совестью, с чувством вины? Ты вообще хоть что-то чувствуешь, сынок?

Он плакал, долго плакал, но я ничего не говорил, помня, какое у него было выражение лица после смерти Карги. Напрудить целый океан слёз, их у нас было вдоволь. В принципе, у нас всего было вдоволь. Овощи, фрукты, мясо, вода, пространство... вот именно, пространство. Тянуло меня в мир, чтобы познавать, и кто знает, может, и охотиться. А он? Успокойся. Со временем, с сотнями вдохов, выдохов, чихов, кашля, пуков, а, наверное, и рыгания. Цвета исчезают из памяти, уходят в серый цвет забвения. Я больше был над ним не властен, теперь он сам по себе.

— Ключёт, — буркнул я вечером, чтобы вырвать его из этого состояния. — Давай глянем на поплавок? — Я достал это из многих воспоминаний.

— Я ловил на муху! На муху! Понимаешь?!

Муха, конечно, муха, как не понять, подумал я. Ловля на муху звучит странно, я бы предпочёл поймать муху, но я понимаю — так ему и сказал. Я паук.

М

Я люблю пауков. Мать научила меня одному: это меня должны бояться. До сих пор даже получалось. Я вёл себя, как специально выведенные для охоты на крыс терьеры. Отгонял всё, что было для меня меньше, менее важным или более бедным. Я всегда терпеть не мог подлиз, собак, кошек, птиц, детей, карликов — ни одного не встретил, — лягушек, безработных, а коров и лошадей обходил по длинной дуге. Речь не об уважении, только о здравом смысле. Что-то настолько большое могло бы убить. Я преувеличиваю? А кто мне гарантирует, что они не имеют гнили в голове, как я? Вот именно. Глядя на Страшила, у меня зародились такие мысли. Он большой (все ноги выглядели одинаково сильно), а котёл на заднице...

— Эта дрянь мне жмёт, — жаловался он. — Я не могу есть. Боль невыносима, пап.

Боль в заднице бывает невыносимой, как и Страшила. Таскался, а, скорее, бегал по всей пещере. Всё вынюхивал, обстукивал, проверял. Начал проявлять паранойю, рассказывать, какие опасности подстерегают нас на улице. Мутировавшие гады противнее его могут выдерживать даже солнечный свет. Потёр котлом шипы под потолком, пока, наконец, не протёр большую дыру на дне. Он плакал от счастья в двойном смысле этого слова. Стонущий паук прислонился ко мне. Я чувствовал, как двигаются его челюсти, а на моих плечах педипальпы выстукивают успокаивающий ритм. Было мерзко и страшно.

Сын перестал только тогда, когда ему удалось сплести первую нить, как будто это было величайшее лекарство от депрессии. Ещё не видел, чтобы кто-то был так счастлив при виде чего-то вязкого, выходящего из задницы.

С

Затянул наши запасы — плотно и крепко. Никогда не хватало нити (она была, как слюна, как запах, как лёгкое дыхание). Достаточно было сидеть и пить воду со стенок и её можно было лить на многие километры. Ноги сами рвались к работе (достаточно им не мешать). Геометрия, точность, дальность, длина, ширина, вязкость или её отсутствие. Поэзия!

Я утеплил комнату, постелил бельё, свернул подушки в форме коконов, поставил ловушки на больших и маленьких, хотя не верил, чтобы что-то подобралось к нашей пещере. Изолировал старые кабели! Сразу стало уютнее! Серый цвет нити красиво контрастировал с бронзой, зеленью и белой пещерой, а над всем нависала всепоглощающая чернота.

Первый раз в жизни я чувствовал себя как дома.

М

Дом не должен так выглядеть. Стены опутаны паутиной, а всё, от мельчайших предметов, соединено линиями, тянущимися к потолку широкими полосами, которые заметно

колебались на призыв Страшилы. Я проверил. Появлялся через несколько секунд, а его скорости позавидовали бы летучие мыши. Он понюхал, зашипел и выглядел крайне напряжённо. Топорщил волосы на животе.

— Такая природа, — объяснил тот вспльчиво.

— Ты ведёшь себя, как животное, сынок.

Отпускал, с болью отрезал нити, которые снова появлялись через два дня.

— Я должен, я должен, — повторял паучью мантру.

Плёл сети и складывал их втрое, пока они не становились настолько плотными, что только он мог в них разобраться. Мешал языки, а иногда — что было самым страшным — выстукивал эти свои ритмы. Размышлял, знаю, что размышлял. Лепил, склеивал, подцеплял себя ко всему, но меня отрезал от сети, от себя.

Я стал панически бояться.

С

Я боялся того, что не понимаю. Паучество вытесняла человечность. А мне была нужна она. Я насмотрелся людей. Я не хотел отождествлять себя с таким слабым видом. В середине, где-то между лёгочными «книжками», шла борьба, в которой не было речи об уважении (это ведь они, они устроили войну, в которой не выиграл никто, кроме меня, дитя взрывов).

Я должен был выбраться с этого острова. Во что бы то ни стало! Да, я должен. Мне нужно! Я обожал это слово. Такое вкусное, шуршащее крыльями, прикрепленными к сочной сердцевине. Ох уж этот польский язык, полный шелестов, шёпотов, шипения... С-стоп! Время взять себя в руки и вернуться к истории. Впрочем, она, как и всё хорошее, подходит к концу. Подходим к нынешнему дню. Ш, тс-с.

М

Покончить с собой? Никогда!

Страх побеждает одиночество, потому что из страха можно черпать силы.

Я думаю днём и ночью над тем, как обеспечить себе безопасность. Потому что чувство безопасности — это то, чего я хочу. Одиночество — это круто, мне всегда нравилось, но не столь долго же, ей-богу! Ещё чуть-чуть, и сойдёшь с ума; когда с вершины пищевой цепочки выпадает несколько звеньев, в дополнение к этой морде.

С другой стороны, каждого из нас мучило пространство. Владеть четырьмя углами — быть правителем клочка земли, поделённой на гектары, и те, что квадратные — стали эталоном. Золотой доллар, квартира, машина — и всё больше, быстрее и чётче, чем у других. Даже в пещере горстка людей поделилась на касты. Здесь лидер, советники, сталкеры, матери, Поляк, Страшила, который однажды стоял на вершине — как полубог или демон, — а однажды на дне, как животное с человеческой тенью с зачатками изменённого радиацией интеллекта.

Борьба могла меня очистить, а с ней прийти надежда, что есть и другие пещеры, другие страны, а в них подземные ходы, бомбоубежища, бункеры, даже чёртовы сети метро. Кто-то должен был выжить. Я вас умоляю...

Я приступил к действию. Первым делом следовало найти что-нибудь шумное.

Кликер!

С

Кликал и кликал! И зачем так часто? Я уговаривал, просил и даже угрожал, но тот вконец обезумел, залил меня потоком слов настолько бессвязным, что я опешил. Перестал его контролировать, потому что это и так не работало и даже причиняло боль.

В его глазах блестело что-то, чего даже я боялся (чистый ужас). Наверное, я должен убить его, но это было бы слишком человечно. Кроме того, я нуждался в сталкере, а то, что не все листы остались у папы на месте, так даже лучше. Так проще рискнуть его жизнью.

М

— Живи, не умирай! — я помню, как в начале что-то подобное кричал старик, когда перетряхивал рюкзаки, сумки и карманы. Еда, таблетки от головной боли, другие таблетки, упаковка витаминов, перочинный нож, три одеяла, одежда, косметика, две книги, ножницы, портфели, пять мобильных телефонов, пачка прокладок, пелёнки, два плеера с кучей дисков и много мелких сокровищ. С этих дисков вы слышите наш голос, это на них записываем воспоминания. Ибо последние дни истории пещеры некому больше писать.

Были и игрушки, и среди них такой пластиковая лягушка, кликер, фотоаппарат.

Он выглядел как зелёная капля с глазками. Подходит, но надо сперва его найти.

Кости мёртвых клали во что-то наподобие небольших курганов вдоль туннеля. Небольшие курганы свободно разбросаны преимущественно в его начале — в основном детей или людей, кто имел ещё кого-то среди живых — или в конце, — если ты умер, оставив после себя только кости. Лягушонок должен находиться в одном из тех маленьких, это очевидно. Я помню, как с ним играл мальчик, который умер от пневмонии.

Сначала клали в могилы на первый взгляд ненужные вещи. Только со временем поняли ценность каждого носка. Но могилы оставили в покое. Наше табу.

Фотоаппарат я нашёл без труда и без соблюдения должного уважения. Вырыл кучу, играя на подсоединённых к земле нитях, как на ирландской арфе. Страшила появился спустя всего несколько секунд:

— Зачем? — спросил лаконично.

Я не ответил. Вместо этого захохотал, стал кликать и носиться по-детски вприпрыжку. Я чувствовал взгляд четырёх пар глаз на себе и молился, чтобы он поверил, чтобы он позволил мне быть психом. Пусть не догадается, что в этом безумии есть выход.

II

С

Методично, пядь за пядью, я опутывал пещеру сетью, а ночью, когда трава более-менее безобидна, не набирается сил от солнца, выпускаю из туннеля нити, дожидаясь, пока они зацепятся за остатки зданий Каслкомера.

Получается! Если нить находится достаточно высоко, то трава не чувствует её, не разрезает, стреляя нашипигованными кремнезёмом стеблями. Метром ниже и... Бр-р! Я не хочу об этом думать.

М

Без него, без сына, с врождённой инвалидностью и головой, полной не всегда моих мыслей, я был бы обречён на провал и презрение каждой группой людей. Ведь именно так и выглядела моя жизнь до войны: больницы, лекарства, лечения и это вечный эмоциональный разрыв в диагнозах врачей. «Гений, а такой бедняга!»

Ой, я бы, я бы так хотел заболеть чем-то другим, неврозом, депрессией, даже шизофренией. Помучиться на нейролептиках, прегабалинах или другом чуде фармацевтических компаний; переждать год или два и через десять лет — до рецидива — жить полной жизнью.

А так я псих. Стал сумасшедшим и опасным не из-за поступков, а из-за непостижимых шаблонов разума. Хреново знали те любители в белых халатах, даже уже не в белых, потому что белый — боже, до чего дошло?! — вызывал в пациентах беспокойство. Блуждали на ощупь, перечисляя названия нейромедиаторов, как если бы у них были серые мысли! Серые... Гм, паучок, ты можешь оставить меня, наконец, в покое?!

С

Оставляю его в покое, это больно. Мы поговорили (вернее, он выбросил из себя всё, а я слушал). Я плакал даже по-человечески. Я бы предпочёл сохранить интеллект, но не иметь чувств. Пусть себе ходит по туннелю, бедняга, в одиночестве, пусть себе кликает вволю.

Придёт и его время. Теперь мне нужно заняться собой. Отправиться в мир и найти место без радиации, по крайней мере, не в таких масштабах. Без этих частиц, гамма, бета или альфа. Без нейтронов и ионизации. Добравшись до знаний Марека, я узнал что-то о выбивании электронов с орбиты атома, и с меня хватит. Ещё раз повторяю: я оставил его в покое. Через несколько дней всё будет кончено.

Пусть 2033 год войдёт в историю с чем-нибудь приятным! На картах моей истории указатель человека направлен прямо на смерть. А те, кто ещё до конца не дошли, дойдут, когда встретят меня. Котёл лопается, местами протёртый толщиной с перепончатое крыло. Нужно съесть ещё несколько десятков летучих мышей.

М

Боже, как он ест! Что будет, когда, наконец, победит чугун? Будет ли дальше расти? Надеюсь, пещера станет ему слишком тесна. Пусть сваливает по этой паутине как можно дальше, в синюю или серую даль! Но он меня пугает...

Я иду в конце туннеля, потому что прогулка хорошо действует на измотанные нервы. Регулярно, каждый день, с летучими мышами на поясе и кликером в руке. Я не отвечаю на вопросы Страшилы, и мысли наполняю ядерной физикой. Может, это пугает его, мои знания, но, скорее, обескураживает; отталкивает к серым поискам. Безумие также выдвигаю вперёд. Его не касается, ему не нравится. Как ни парадоксально, мне теперь легче управлять большими мыслями. Когда подавлял их, они становились сильнее, а теперь сидят, как мышь под метлой. Мышь, которая убежала от тарантула.

Во время прогулок я вижу, что сынок не бездельничает. Толстые нити тянутся на улицу, а вокруг выходного отверстия разбросал камни, таким образом, очистив от травы большой кусок земли. Облил окрестности ядом — везде я чую этот запах — и фекалиями. Боже, как я радуюсь! Паук убежит, оставив мне пещеру.

Или нет? Лучше подготовиться к худшему сценарию. Тогда я справлюсь с серостью.

С

Серые сети висят на большинстве руин. Я пропустил только те, что выглядели крайне ветхо. Я позволяю себе ночью выбирать. Приятно чувствовать зов пространства, и этот трепет страха перед рассветом (перед светом, что разбудит бледно-зелёного монстра с миллионом стеблей). Да, я верю в то, что трава приобрела осознание, когда корни объединились между собой наподобие синапсов, а где-то там, в диком центре острова, расположен пучок, откуда бегут приказы. Думаю, трава чувствительна к волосам в человеческом носу (или тем, что у меня на панцире) и даже чувствует движение — судя по разорванной местами паутине — в двух метрах над землёй.

Интересно, она может отравиться? (Трава отравится! Какой забавный язык!) Загляну в разум Марека, но вежливо, без серого. Спрошу. Я скучаю по разговорам. Бр-р! Иногда я веду себя слишком по-человечески.

Я уже. Его ум подкинул изображения и название: кишечные ворсинки. Говорит, что, якобы, некоторые из стеблей могут перекалфицироваться в нечто подобное, покрыться однослойным или железистым паразитием, на выбор, и переваривать. Мудрый человек мой папа. Жаль, что ненормальный.

М

Поговорили. Боже, лишь бы это было в последний раз. Сын вёл себя культурно, не скатывался в прожорливую серость, только спросил. Я отбрехался от него какой-то чушью, которая, как это бывает с чушью, — может оказаться правдой. На фиг мне сдалась методика борьбы с травой, хотя её сила, её сила мне нравится невероятно! Что-то подобное мне и нужно. Трава имеет влияние и сидит на вершине пищевой цепи. Не сдвинешь.

Я бы помог ей достичь неба! Расширил бы уголья, наполнил бы впечатлениями, планами, воспоминаниями. Безусловно, она одинока. Конечно, она ищет Бога...

Как и все. Как я. Как ты.

С

К сожалению, не мы создаём мечтательное «мы». О, сколько раз я мог бы спасти Марека, но все силы стоит бросить на борьбу с травой. Думаю, она ничего мне не сделает, этими ножевыми снарядами. Жёсткий я.

Чуть не забыл о самом главном! Котёл лопнул по всей длине. Достаточно было нескольких ударов и мощных рывков, чтобы сбросить с себя панцирь. Я вылупился и могу работать! Вечером приду к выходу из туннеля чуть раньше. Безусловно, я встречу там Марека. Крутится там весь день и выжигает траву током. Разбросал кабели, притащил самый большой из агрегатов, ещё брызгает водой, накидал грелок, связанных со ступенями. Уничтожает дрянь. Повсюду видны чёрные круги, что зарастают снова через неделю. Трава плохо справляется со обугливанием.

У папы слюнки текут, когда он, как ребёнок-садист, вырывает с корнем стебли. В этом нет смысла. Я думаю, что он хочет мне помочь. Он волнуется за меня. Не разит меня током — я не знаю, из любви или из неприятия риска. Думаю, что понимает, что не проиграл бы с электричеством. По крайней мере, не сразу. И даже если не обойдётся без боя, в ходе которого я взял бы его с собой. Заключение имеет право на последний приём пищи, не правда ли?

Поэтому атаки со стороны отца я не боюсь, несмотря на то, что человек полностью сошёл с ума. Дошло даже до самоповреждения. Вскрыл ножом старые шрамы. Пахнет вкусно, надо признать. Я должен, я должен.

М

Я знаю, я упомянул только ножик. Немного не договорил, наверное, со страхом перед поспешными выводами, хотя сомневаюсь, чтобы кто-нибудь, кроме меня, слушал. Ножик-режик, по правде говоря. В принципе, это кусок ножа, такая финка военная, называется тактическим ножом, которого испугался бы даже Рэмбо.

Плохо эта железяка на меня смотрела, хотя не мешало бы им воспользоваться. Финка переходила из рук в руки руководителей, а теперь снова моя. Страшила согласился, чтобы я её сохранил. Ведь нет больших пальцев, а вреда бы ему не причинил. Слишком большого. Хелицеры у него, как клыки моржа, капает с них сок пищеварительный и яд. Да, я верю, что этот паук ядовит. Бразильский странствующий паук — самый опасный из тех, что можно было найти в покупных бананах — по сравнению с ним обыкновенный уж. Я видел, что происходило с Шинн Фейнами, как валились за одну минуту после укуса, даже без конвульсий.

С ножом вернулись воспоминания. Сны перемешивались с кошмарами и жжением, когда взрезал кожу. Это меня успокаивает, придаёт сил, а они мне нужны. Не знаю, имеет ли смысл то, что я делаю. Боюсь, что я погрузился в глубокое безумие, что я ухожу на илистое дно — увязаю, а ведь я могу быть последней надеждой человечества.

С

Надеюсь, что всё получится. Перехожу на запись в репортёрском стиле. Это поможет дистанцироваться...

Не заставляю себя долго ждать, вскакиваю на сеть. Марека заземлил; обвязал его слегка нитью. Не залепил ему рот, но я сделаю это, если только скажет, — в чём я сильно сомневаюсь, потому что молчит уже несколько недель.

Я выглядываю из пещеры, сначала выдвигая педипальпы. В мою сторону ничего не летит, не чувствую дрожания травы. Тогда папе смерть! Хватаю Марека и бросаю далеко, на бледно-зелёное одеяло. Пусть дрянь им займётся, а я в это время взберусь на одно из высоких зданий. Я посмотрю на то, как трава пожирает жертву, каковы её возможности. Я

же паук. Быстрый и грозный, с толстой кожей, со сладким хитином, что должен защитить меня от её нападков.

Бросаю и выбегаю через две секунды — так быстро, как могу — по нити, ведущей к опутанной стене, которая выглядит гораздо солиднее двух порушенных сестёр.

Я прилёг на ней и смотрю, а лёгочная «книжка» работает на полных оборотах. И я вижу его, и у меня сердце замирает, волосы встают на панцире. Марек лежит спокойно, посреди газона, а эта гадость разрезает нити, которыми я связал его, после чего переваривает их одной себе известным способом, потому что исчезает где-то в земле. Ловлю себя на том, что плачу от ужаса, борясь с инстинктом, что велит мне уйти к пещере. Интеллект побеждает. Спускаюсь со стены, а затем возвращаюсь на низко подвешенную нить, способную привлечь смерть. Человек выкинул туз из рукава. Мне нужно больше данных.

М

Необходимость — мать изобретений! Хорошо, что у нас есть плееры, из которых, немало поковырявшись в них, получились зарядные устройства. Когда я говорю это вам, чувствую себя менее одиноким. О, этот паучок тоже записывает. Повесил себе устройство на педипальпы и заполняет диск шумом тишины. Удивлён! И хорошо. Должен быть.

Удалось. Я стою очищенный от кожи ниток и смотрю на мальчика. Трава не осталась равнодушна, не думайте; вгрызлась в мои ботинки, сделав из подошвы сито. Сначала поласкала, а потом ударила пятки тонкими травинками, словно выступами аксонов. Я чувствую её не только физически. Она ждёт приказа и предлагает помощь. Уважает меня, мой интеллект и возможности.

Да, мы можем сотрудничать и распространяться по миру; съесть то, что можно съесть, и создать культуру будущего, что представлялась в зеленоватых тонах.

О! Страшила вступает в бой! Я чувствую серость.

— Ты не пройдёшь! Я гений!

Он этого не предвидел. Человек боролся с безумием, чтобы изолировать себя от всего, обуздать паранойю, задобрить суицидальные мысли, а серому показать фак.

Из-за пояса я вынимаю летучую мышь. Бросаю. Она, хотя и мёртвая, летит в сторону паука, а за ним травинки — так густо, что образуют что-то наподобие толстой верёвки. К ним присоединяются новые, а первые прицепляются к телу мёртвого млекопитающего, собирая информацию о полёте и отправляя со скоростью тока к нам, к корням трав, что тесно сплелись в простой, но интересный разум.

Вокруг меня растут изумрудно-зелёные листья шириной со слона. Я защищён, а паук нет. Он умирает, а может, уже умер, а у травы пир, если она ведаёт вкус.

Выключаю. Мне нужно отдохнуть и поговорить с союзником. Космически звучит.

С

Как?..

М

Мы планируем, делимся мечтами, воспоминаниями, летучими мышами и солнцем. Не хватает только трубки мира, но я не собираюсь упоминать о курении любого из растений. Выключил грелки. Мы экономим керосин и электричество.

Человек смог приручить тигра, льва, обуздать шторм, победить огонь. Просто хотеть, просто делать, и можно освоить даже траву.

День в день я приносил угощения в виде летучих мышей. Одни пахли моей кровью, а другие сынком — впитали его запах. Когда трава уплетала подарки, то — в случае плохого выбора — подавала десерт в виде приличных ударов током или ожогов листом и нагревом. И так несколько дней.

Она быстро поняла. Я не наносил ей тяжёлых ран, но дал пищу для размышлений. Она не знала, что может меня ожидать и откуда течёт эта сила. А больше всего мы боимся неизвестного. А когда неизвестное имеет силу, мы называем его Богом.

Уже через три дня оставила пропахшую мной летучую мышь в покое. Этот восьминогий дурак даже этого не заметил! Ещё через два начала их относить к выходу пещеры. Текли на верхушках стеблей, как рокеры на руках поклонников. Меня порадовало её творчество, это представление и чёткий сигнал для дальнейших шагов — более чем буквальных.

Ногу на изумрудном ковре я поставил на десятый день, считая, что символика этого числа наполняет оптимизмом. Десять заповедей, выстрел в яблочко, или — а давайте, почему бы и нет?! — десятка по шкале Бофорта!

Я поставил и ждал с нетерпением, а луг играл престиссимо, и тут я испугался, что меня свалит инфаркт, а не эти межвидовые эксперименты. Ничего не случилось; ну, почти ничего. Один из стеблей пробился сквозь подошву, пощекотал раз, другой, а когда я не убрал ноги, пролез под кожу, готовый к сотрудничеству. Тогда я дал первые обещания: сначала праздник, полный полисахаридов и белков, а следом завоевание мира. Поверила.

Мы пойдём на юг, а потом на восток, превращая обычную зелень в цвет морской волны. Посеем человеческие культуры — если встретим кого-нибудь, а я думаю, что да. Ведь у русских должна выжить цивилизация!

Однажды люди повсюду будут бороться, и возродится свободный человек из пойманного мной человека. Благодаря мне, он укрепит и снова заселит планету.

Я смотрю с гордостью на мои разрезы, чья форма приснилась мне всего за несколько дней до взрыва — как красиво это звучит в данном контексте — войны. Он мог бы увидеть не сына. Увидеть то, что вижу я: карту пещеры, где мы живём, делить одиночество и горести. Этот прекрасный ящеричный вид их границ.

Теперь я знаю, зачем к ней прихромал.

Что? Простите, я на минутку, трава что-то от меня хочет.

Ясно. Зеленоватый малыш просит страшную историю. Я посылаю ему мысли о демонической тьме. Расскажу историю о мальчиках, оставленных в тёмной комнате. Молодых и невинных, словно семена. На этот раз немного изменю концовку. Как дети нашли паука-дьявола — зло, что совместно преодолели.

Дьявол он, Бог я. Молитесь, чтобы вера распространялась, как сорняк!

Я. Бог Грома! Брат Солнца!

Я люблю этот бред. До свидания, до скорого. Пока.

СИМОН ЗАК ОБЕЩАНИЯ

Господь создал мир и отдал его нам, чтобы мы в нём жили. Люди, глухие к Истине, не ценили прекрасное творение и погубили его. Человеческие души, неспособные быть с Богом и кипящие от злости, бродят теперь по искалеченной поверхности.

Яд убивает душу, а без неё умирает и тело. Каждая минута на поверхности — страдание для сущности, любящей Бога. Хвала вам, кто в муках бежит, чтобы Община Святой Горы могла существовать.

Руки отцов скользили по телу новичка. Бледная кожа рук постепенно исчезала под чёрным блестящим бальзамом. Отец Аквилин нараспев повторял слова молитвы. Снова и снова погружалась рука в тарелку, позволяя избытку мази капать с пальцев. Послушник закрыл глаза, когда грубые пальцы коснулись лба.

Отец Вульмар с явным трудом повторял священные стихи. До недавнего времени он говорил красивым, низким голосом, пока не наступил рецидив, и огромная опухоль исказила его благородное лицо.

Ритуал Отбытия продолжался. Габриэлю никогда раньше не приходилось так долго ждать. Тяжёлые двери, ограждающие Общину от руин мира, притягивали его взгляд. Беспокойство с каждой минутой всё сильнее сжимало желудок. Парень коснулся плеч и живота, убедившись, что крем на его теле уже высох. Стал надевать защитный костюм. Стащил перчатки, поднял чёрные руки к лицу, вдыхая успокаивающий запах духа мазью. Провёл большим пальцем по поцарапанным стеклам очков. Оправа крошилась, рассыпалась на кусочки от прикосновения.

— Я покорил своё тело и сделал его своим рабом, — последние слова ритуала прозвучали в узком тамбуре. — Другим проповедуя учение, я не буду признан предосудительным. Таковы слова Бога.

В первый раз Габриэль должен был стать ведущим, определять темп, указывать направление. Подойдя к новичку, попытался вызвать на его лице улыбку. Заглянул в большие, взволнованные глаза ребёнка. Сколько их отличало? А может, между ними всего два года?

Злость пробралась в его мысли неожиданно. Слабые ноги задержат ход. Впалая, тощая грудная клетка... А если собьёт дыхание и упадёт всего через несколько километров?

— Я не подведу тебя, брат Габриэль, — заверил новичок дрожащим голосом. — Я не подведу вас, отцы.

Отец Аквилин переглянулся с Габриэлем. Терпение, понимание воли Господней, непоколебимая вера. Габриэль нескоро созреет, чтобы смотреть так же, как он.

— Брат Габриэль крепкий и быстрый, — Аквилин проверил, высох ли бальзам на теле новичка. Он встал на колени и помог натянуть штанины костюма. — Следуй за ним, Михаль. Выполняй любые приказы.

— Помни наставления, — слабое свистящее дыхание отца Вульмара вызывало мурашки. — Храни вас Господь, и возвращайтесь на Святую Гору.

Отцы проверили каждую застёжку, каждый фиксатор амуниции. Габриэль надел очки, убедился, что удобно держатся. Проверил обувь. Михаль повторял каждое его движение.

Последняя молитва. Четыре наклонённые головы. Четыре пары соединённых рук.

— Кто любит брата своего, тот устоит, от Света не отвернётся, — произнёс отец Аквилин. — Минула пора старого мира, но мы остаёмся верны в ожидании. Господь будет вести вас, Габриэль, Михаль.

— Мы готовы исполнить волю Господа.

За спинами Габриэля и Михалья двери в недра Святой Горы закрылись с тихим шипением.

— Когда откроются двери, мы выйдем в длинный туннель, — сказал Габриэль, не отрывая взгляда от выхода. — Будет видно только серое свечение впереди. Маршируй, делай, как я, разогрей плечи, запястья, колени. Когда станет ярче, поднимем топот. Не сходи с ума, не беги вперёд меня, смотри внимательно, куда я ставлю ноги, и ступай по моим следам. Если я останавливаюсь, ты тоже замри. Если что-то случится...

— Я знаю правила, брат Габриэль. Я тебя не подведу.

* * *

Господь не смотрит отрешённо на пепелище своего творения. Он помнит о верующих, что постоянно ждут благодати. Его Свет льётся с небес и продолжает войну с ядом. Блаженны терпеливые, ибо они достойны второго пришествия Бога. Прокляты надменные, что невооружённым глазом посмеют смотреть на Свет, ибо Господь наведёт на них вечный мрак, а верующие прогонят их из своих домов. Мир в цветах сепии. В сердце гор Гибель оставалась почти незаметной. Тот же покой царил среди гранитных скал на протяжении веков. Вершины непоколебимы, выделяются на фоне коричневого неба неровным краем.

Горячий ветер шумел постоянно, облака ржавой пыли кружились вокруг обуви путников. Первые километры тянулись полого, идеально, чтобы поймать ритм. Габриэль бежал

в абсолютном уединении. Не замедлился, когда начался подъём, только звук за спиной вырвал его из мантры дыхания. Услышав грохот падающих камней, Габриэль остановился с ужасным предчувствием. Воображение тут же нарисовало страшную картину того, что происходит у него за спиной.

— Прости, брат! Прости меня, прости! — Михаль остановился рядом. Шарф, закрывающий рот, заглушал его слова. — Я споткнулся на краю. Камень полетел вниз... сдвинул другие.

Через долю секунды что-то внутри заставило Габриэля заключить товарища в объятия, прижать как можно крепче. Он всё ещё жив!

— Колени целы? — Габриэль закашлялся, скрывая дрожь в голосе. — Мы можем бежать медленнее, у нас ещё есть время.

— Яд, брат Габриэль, яд! Вы не чувствуете его? Каждый вдох здесь — страдания для души! Не сбавляй темп, я справлюсь. Давай, иди же!

— Переведи дыхание, успокой тело. Спешка — худший советник.

— Прости, брат Габриэль. Я слишком дерзок.

Габриэль хотел сказать что-то, что не было бы очередным повторением заученных правил, что-то, что помогло бы заполнить пустоту, где не успели ещё возникнуть узы взаимопонимания.

— Спасибо за отдых. Я готов, брат Габриэль.

— Это твой первый выход, брат Михаль. Мы бежим в сектор АЗ, но... — Габриэль колебался чуть-чуть. — Рядом с АЗ сгорел пансионат. Я покажу тебе, если хочешь.

— Правда? Правда, сможем? — Михаль встрепенулся внезапно. Ребёнок в восторге от подарка. — Уже на первом выходе посмотрим?!

— Да, брат Михаль.

— Ура! Побежали!

Михаль вдруг забыл о правилах и кинулся по каменистой тропе. Худые ноги, что раньше Габриэль не оценил, несли его всё быстрее и быстрее. Габриэль крикнул раз, другой. Видя, что Михаль бежит всё скорее, бросился за ним в погоню. Ослабил шарф, позволяя горячему воздуху жалить лёгкие.

Они вбежали в узкий проход между крутыми утёсами. Вдоль дорожки вилась горная река. Холод шумящей воды вдохнул в обоих новую энергию. Габриэль неожиданно для себя решил не наказывать новичка. Они мчались. Выкрики и смех нарушали величественное спокойствие гор, возвращались эхом, прокатывались по гребням, что Свет Господний заливал неверным светом.

* * *

Силой благодати, что была нам дана, мы говорим каждому: никто не имеет о себе более высокого представления, чем следует, но пусть думает о себе трезво — по мере, что Господь каждому по вере назначил. Ибо, как в одном теле у нас много членов, но не у всех членов одно и то же призвание, — так же вместе мы составляем одно тело, одну Общину Святой Горы.

Радость прошла, когда из-за скал выбежали на потрескавшуюся, выжженную землю. Путь вёл на пологий холм. По обеим его сторонам простиралось кладбище сгоревших стволов. Скрюченные, почерневшие огрызки деревьев торчали в небо.

Юноши притормозили. Через несколько минут восхождения стояли на вершине.

Чудовищные кратеры зияли среди руин огромного города. Огромные круги от взрывов сверкали антрацитовыми полосами там, где поверхность земли спеклась в чёрное стекло.

— Боже милостивый, — сказал Михаль трижды, пока голос не скатился до шёпота.

Габриэль указал на две наклонные струи дыма, пересекающие небо вдалеке.

— Если встретим кого-то из Проклятых, побежим.

— Я помню правила.

— Вдруг разделимся, — Габриэль повернулся, указал высоко пальцем. — Святая Гора. Видишь крест Господень на вершине? Когда-то его звали Гевонт.

— Видимо, даже до Гибели этот город был закопан. Думаешь, действительно там жили под землёй, как мы сейчас? Может, кто-то из них выжил?

Габриэль проигнорировал вопрос. Сел посреди дороги, достал одну из флаг. Сделал пару глотков.

Часть флоры возродилась после Гибели. Некоторые виды зачихли, другие — как папоротники — наоборот. Именно папоротники, казалось, стали наследием деревьев, погубленных пожаром атомной войны. Тут и там они росли на предгорьях, покачиваясь на ветру жизни, разбросанные среди моря пепла.

— Мы можем вернуться другой дорогой. Увидишь большие столбы и стальные канаты толще твоего запястья. С братом Рафаэлем иногда туда доходили, — Габриэль умолк, вытер рот перчаткой. Натянул шарф обратно на лицо. — Я покажу тебе водопад на руинах станции.

— Свет Господний! Брат Габриэль, смотри! Там! Возле осыпи, на равнине.

Габриэль оживился, посмотрел в указанную сторону. Моргнул несколько раз, протёр очки.

— Лошади! Это, должно быть, лошади, брат Габриэль!

В Общине Святой Горы их раньше видели только на картинках. Застывшие картинки никак не могли передать грации существ, на которых они сейчас смотрели, как загнипнотизированные.

— Две, нет, три! Сзади ещё одна. Как прут! — Михаль покачал головой. — Отцы не поверят.

Габриэля охватило волнение, какого никогда раньше не чувствовал. Они смотрели на трёх предвестников возрождения, яркие символы, посланные им Богом? Неужто их поколение может получить благодать?

Задумчивый Габриэль не сразу среагировал.

— Не сходи с дороги! Стой, стой, стой! — с растущим ужасом смотрел, как Михаль бежит на луг, полный растениями до пояса.

— Давай! Давай посмотрим их поближе! — новичок смеялся, продолжая бежать. — Пойдём, Габриэль!

— Возвращайся на тропу! Вернись!

— Смотри, как мчатся. Вон та кра...

Михаль исчез. В доли секунды он ухнул в заросли. Габриэль услышал металлический скрежет, громкий треск, шелест рваных листьев. На несколько ударов сердца воцарилась тишина, потом до ушей Габриэля донёлся протяжный стон.

Габриэль сжал пальцы на рукояти ножа. Ждал, пока пройдёт волна страха, что сделала ноги ватными. Бормоча под нос молитву, двинулся за Михалем.

Он нашёл его лежащим на спине. Михаль всё ещё медленно подтягивал колени, словно тело по-прежнему бежало. Очки слетели с лица, он щурил глаза. Тёмный поток брызнул вдруг из ладони, что лежала на груди. Ум Гавриила долго не хотел понять, на что смотрят глаза. Михаль зажимал рукой кусок рваного металла, что торчал прямо у него из груди.

Габриэль отвернулся. Краем глаза он заметил фигуру, стелющуюся по земле. Лезвием ножа откинул папоротники, обнажая часть ржавого кузова. Михаль, видно, споткнулся и рухнул прямо на изъеденный металл.

— Помоги... — Михаль попытался приподнять голову. Протянул руку. С пальцев капали тяжёлые тёмные капли, вызывая воспоминание о ритуале Отбытия.

— Господь — наш пастырь, — Габриэль спрятал нож и присел на корточки возле умирающего. — Позволит тебе добраться до зелёных пастбищ, приведёт к чистой воде, омоет

душу от яда, — осенил Михалю крестным знаменем, после чего стал снимать с него ботинки. Слишком велики, без труда снял их с дрожащих ног.

— Помоги...

— Поведёт тебя по верной тропе, — Габриэль по очереди отцепил фляги. — Ты прошёл долиной тени, но зла ты не убоился. Господь помазует нас бальзамом, даруя Свет.

— Пом...

Грудь Михалю поднялась в последний раз. Глаза распахнулись. Зрачки остекленели.

Правила существовали для того, чтобы жила Община. Кто пренебрегал ими, рисковал жизнью не только своей, но и всех в Святой Горе. Неправильно было оставлять новичка безнаказанным после предыдущих нарушений. Нужно было обругать его за то, что он побежал вперёд, тогда, может быть, Михаль не сбился с дороги.

Габриэль провёл несколько минут, роясь в зарослях, прежде чем отблеск света, отражённый от окуляров очков, не заставил сердце биться галопом. Секунду спустя радость превратилась в ярость. Очки Михалю оказались разбиты, ремень порвался. Габриэль с трудом подавил желание пнуть лежащее тело.

Вернулся обратно на дорогу, неся взятое снаряжение. Огляделся. От лошадей не осталось и следа. Пошёл в сторону горы с крестом на вершине.

* * *

Когда нападут на меня злодеи, чтобы пожрать плоть мою, — они мне враги и неприятели, — пусть споткнутся и упадут. Пусть разобьют лагерь против меня, в сердце моём нет страха, пусть хоть война разразится против меня, даже тогда я буду верен.

Отец Аквилин толкнул в плечо спящего Габриэля.

— Каков вердикт? — тихо спросил парень, садясь на койке.

— Комитет постановил, что всё, что случилось, было волей Господней.

— Это была глупость и отсутствие дисциплины, а не воля Господня.

Отец Аквилин ударил Габриэля по лицу.

— Не богохульствуй!

Парень поджал губы, поднял глаза. Их блеск заставил Аквилина с трудом сглотнуть.

— Побежишь с Филиппом.

Габриэль схватил Аквилина за рукав.

— Ты обещал мне!

— Никто не бежит один. Никто, Габриэль.

— Я старший. С тех пор, как нет Рафаэля, не менее опытного. Как мне обрести спасение?! Я просто выполняю волю Господню без колебаний. Бог недавно забрал отца Дария, а скоро и отца Вульмара, по твоим словам. Я просто выполняю Его волю, чтобы стать достойным и присоединиться к Рафаэлю в Центре Святой Горы. Господь послал мне вчера урок за счёт жизни брата Михалю. Я служу с юных лет, без каких-либо вопросов, но, будь Его воля, сейчас меня снова удержат?!

— Богохульство! — Отец Аквилин безуспешно пытался высвободить руку.

— Ты обещал убедить их, — свет лампы отражался в каплях, бегущих по щекам. — Я просто выполняю волю Господню, со всевозможным усердием, бегаю, чтобы Община могла жить, я бегаю во спасение. Я должен бегать один!

С тех пор, как ему разрешили одиночные экспедиции, Габриэль стал регулярно выбегать за пределы зоны, отмеченной на картах. Уходил рано, возвращался поздно, часто уже во тьме. Брал самый большой рюкзак и всегда приносил его заполненным до отказа.

Отец Аквилин стоял на пороге кельи. В течение последней недели, если не считать совместных молитв, они почти перестали разговаривать.

— Зачем ты это делаешь, Габриэль?

— Почему я просто выполняю волю Господню?

Аквилин подошёл и взял руку парня. Габриэль невольно зашипел — свежие ссадины и порезы горели от грубого прикосновения.

— Яд тебя убьёт, — Аквилин понизил голос. — Это страшная, долгая смерть. Зачем ты это делаешь? Ты думал о своих братьях? Некоторые уже просят разрешение, чтобы работать дольше. Тебе хотят подражать.

— Я просто выполняю волю Господню. Другие отцы довольны моей самоотверженностью. Один ты, ты и ты хочешь меня остановить!

Отец Аквилин заметно вздрогнул. Выпустил руку Габриэля из своей.

— Габриэль... откуда эта ненависть?

Искра, что, казалось, тлела в нём уже давно, теперь, с каждым новым выходом, раздувала пламя. Гнев подпитывал его, терзал болью, позволял бежать дальше, заглушал страх и осторожность. Габриэль исследовал всё более дальние уголки. Перестал помнить, что путь часто проходит рядом с чёрными кратерами. Если десятки крыс жили здесь, если даже птицы летали над ними, не могло быть там опасно.

Однажды он наткнулся на руины больницы, на взлётной площадке которой лежал перевёрнутый каркас вертолета. Это место стало его навязчивой идеей. Вокруг комплекса было вмята земля. Спуск и подъём на другой стороне слишком долгие и требовали бесценной энергии. Габриэль искал пути мимо глубокой, смешанной с останками кучи щебня. Господь, наконец, услышал его горячие молитвы.

Когда в очередной раз он вернулся, увидел, что мачты связи на соседнем здании обрушились, и часть легла на крышу больницы.

Стая серых птиц уставилась на взбирающегося к ним Габриэля. Сорвались с недовольным кудахтаньем, когда он ударил по металлической конструкции мачты. Шум передался и в нижнюю часть. Крысы, напуганные неожиданной встряской, шмыгнули в тень.

Габриэль окинул взглядом угрюмый пейзаж Гибели. Сильные порывы ветра поднимали золу, по улицам неслись серые вихри. Руины обволакивал густой туман, будто просачивающийся между огрызками зданий.

Никто из Общины не заходил так далеко. Его имя войдёт в легенды. И, безусловно, заслужит спасение и присоединится к отдыхающим в Центре Святой Горы. Жизнерадостная улыбка раз и навсегда исчезнет с лица отца Аквилена. Ему придётся признать, что держать Габриэля под колпаком, изолируя его от других братьев, было грехом, что только задерживает спасение искренней души. А если Аквилин делал это специально?

В гневе юноша снова сжал челюсти. Господь смотрел на него теперь с горы. Первый, второй, третий шаг. Стальная конструкция скрипела, стонала под тяжестью путника. Бог осенил его своим Светом. От края больничной крыши Габриэля отделяло всего несколько метров. Господь следил, чтобы каждый шаг верного слуги был прочен и уверен. Габриэль напрягся и прыгнул. Штанина зацепилась за выступающий стержень. Пальцы не нашли опоры. Страх уколоч слишком поздно. Габриэль соскользнул, в полной тишине рухнув вниз.

* * *

Тех же, кого Он предопределил, того и призвал, а кого призвал — тех оправдал, а кого оправдал — тех одарил славой. Ну так что на это скажем? Если Бог с нами, кто против нас?

Он дрейфовал в океане Света. Веки просвечивали, неся разрывающую череп боль. Образы из воспоминаний перемешивались в хаотическом калейдоскопе.

— Я не буду признан предосудительным, — губы отца Аквилена распахиваются в бездонную пропасть. — Таковы слова Божьи.

— Я буду ждать, не волнуйтесь. Исполни волю Господню, и скоро мы снова будем вместе, — Рафаэль смотрит на свои руки. Пряди золотых волос свисают между пальцев. В миг их прощания, в день, когда Рафаэль удостоился спасения и ушёл в Сердце Святой Горы, они лезли целыми горстями.

— Они прекрасны! Бегут, бегут за спасением, — лицо Михаля с большими глазами ребёнка. — Помоги...

Габриэль очнулся. Прямо над собой он увидел её лицо, и вдруг он понял, какого цвета должно быть небо после Гибели.

Девушка заговорила, но он не мог понять ни слова. Она коснулась его головы. Пронзительный импульс вырвал из лёгких Габриэля стон. И мир сотрясся, тьма притягивала его к себе.

Когда впервые его посетил старец, Габриэль был убеждён, что каким-то непостижимым велением судьбы вернулся в Святую Гору. Седой мужчина вошёл в сноп света, бывший из горизонтальной дыры в потолке подвала. На нём была мантия, такая же, как у отцов Общины. У него короткие седые волосы и редкая борода. Покрытое обширными ожогами лицо полностью обвисло с одной стороны.

— Моя Алиса восхищена тобой.

Было что-то знакомое в его искажённой физиономии. Даже голос вызвал в Габриэле эхо воспоминания.

— Она вышла из убежища, чтобы глянуть, как ты бегаешь. Видела, как ты упал. Настояла на том, чтобы я послал людей, хотя я был уверен, что ты погиб. Я не мог поверить, когда тебя принесли. Сначала я думал, что тебе невероятно, просто невероятно повезло. Только когда помыли тебя с мазью, когда опухоль сошла с лица, я понял, что это не так. Зови меня Сергиуш.

— Давно я тут? — Габриэль дрожащей рукой взял поданную ему старцем кастрюлю.

— Ты в нашем убежище одиннадцать дней, Габриэль.

Металлический сосуд со звоном ударился о бетонный пол. Клубни рассыпались повсюду.

— Откуда ты знаешь моё имя?

— Тебе следует проявить доверие, — тёмные глаза Сергиуша смотрели необычайно пристально. — Через несколько дней ты поправишься настолько, что сможешь вернуться в Общину. Передашь Аквилину моё письмо и расскажешь обо всём, что здесь увидишь.

Габриэль почувствовал жар. Красные пятна расцветали на худом лице. Вдохнул резко, словно только что закончил изнурительный бег.

— Кто ты? — прошептал он.

— Воля Господня не всегда для нас ясна. Аквилин ответит на твои вопросы. Если я сделаю это сам, ты не поверишь ни единому моему слову.

Одиннадцать дней? Яд должен был убить его давно. Или он попал к Проклятым? С его тела смыли священный бальзам, и, несмотря на это, покраснение и волдыри исчезли с бледной кожи. Каким чудом он выжил после падения? С такой высоты — и всего несколько ран на голове? Никаких переломов? Он многого не понимал. Всю жизнь остерегался Проклятых. Их описывали как человекоподобных монстров — кипящий яд сжёг их души, они только и желали, как бы задушить и сожрать любое живое существо. Теперь оказывалось, что у монстров человеческие лица, человеческие тела, имена. Да ещё среди них живут женщины.

На следующий день Сергиуш показал Габриэлю все коридоры подземелья. Габриэль, поддерживаемый крепким лысым мужчиной, плёлся нога в ногу сквозь вонючий полумрак. Лучи света пробивались из остатков подвальных окон. Частицы пыли лениво танцевали от дуновений ветра.

— Когда-то здесь была школа. Теперь её подвал — наш дом.

В встреченных комнатках толпились как мужчины, так и женщины, хотя на первый взгляд их было трудно различить. Искажённые, часто искалеченные, тощие тела прикрывали жалкие лохмотья. На него молча смотрели, но в запавших глазах не было ненависти. Он видел только чудовищные страдания, отрешённость и безнадёгу. Чумазый ребёнок вырвался из объятий матери, подбежал посмотреть с близкого расстояния на новенького. Защебетал на незнакомом языке, и вдруг коридор наполнил шум. Габриэля окружила кучка малышей. Самый храбрый стал гладить его пальцами обезображенной ручонки. Когда Габриэль глянул вниз, лицо малыша растянулось в мёртвой улыбке. Обе глазницы почти полностью закрывала обширная опухоль.

Алиса знала его язык. Она говорила медленно, с тяжёлым акцентом, смягчая слова.

— У вас бункере есть дети?

Габриэль прервал молитву, посмотрел на девушку.

— Бог создал мир и отдал его людям, — прошептал он, отрывая взгляд от больших голубых глаз. — Люди оказались недостойны, они уничтожили его. Их души бродят, ядом наполненные...

— Почему ты не хочешь со мной нормально разговаривать?

— Ядом наполненные... — Габриэль зажмурился.

— Нет никакого яда, только радиация от бомб. Свет? Война выжгла небо. Вы же это знаете, тоже прикрываете глаза, защищаете кожу, носите костюмы!

— Книга Общины гласит...

Алиса фыркнула.

— Отец прав, — она обернулась в дверях. — Совершенно без собственных мыслей.

* * *

*Et in terra pax*¹⁶

Габриэль никогда раньше не видел, чтобы что-то произвело подобное впечатление на отца Аквилина. Старик весь дрожал, по его лицу снова текли слезы. С возвращения Габриэля в Общину Святой Горы он перечитал письмо несколько десятков раз.

— У меня было впечатление, будто я знал его, — Габриэль прервал молчание. — Откуда он узнал, как меня зовут? Откуда он знал твоё имя?

Отец Аквилин сложил и спрятал листок.

— Бог послал чудо, — он с трудом владел голосом. — Настоящее чудо.

— Ты знаешь, кто такой Сергиуш, да? Он сказал, что ты объяснишь мне все, а ему я бы не поверил.

— Отцы хотят, чтобы ты ещё раз поведал обо всём. Вечером поговорим.

Шли дни, а времени наконец-то поговорить не находилось. Габриэль послушно, раз за разом, повторял свой рассказ перед Комитетом Отцов. Не сопротивлялся, когда старики один за другим требовали показать шрамы на голове.

Габриэль наблюдал, как меняется поведение отца Аквилина, как несказанную радость и облегчение быстро сменяют душевная боль, разочарование, а потом чёткая ярость.

Габриэль ни словом не упомянул об огне, что рос в его собственной душе.

Однажды вечером отец Аквилин бесцеремонно вошёл в келью Габриэля. Захлопнул за собой дверь и запер на засов. Опустился на табурет. Вытер вспотевшее лицо. И быстро заговорил. Взгляд упёрся в пол.

---

¹⁶ «И на земле мир» (лат.) Цитата из древнего христианского богослужебного гимна «Слава в вышних Богу».

— Именно Сергиуш помог тебе прийти в этот мир. Первые годы своей жизни он провёл среди нас. Община, прежде чем ты родился, выглядела иначе. Под Горой укрылось несколько десятков семей. Были среди нас женщины и дети. Мы пережили день Гибели, а потом вместе стали думать, как жить дальше.

Габриэль присел на край койки. От слов отца Аквилина глаза парня распахивались всё шире.

— Потом пришла чума, и ад вырвался на свободу. Решили, что... — Отец Аквилин неожиданно заплакал. Вздрыгнул. — Надо было спасти тех, кто всё ещё был здоров. Тех, кто имел ещё шанс.

Старик сквозь слёзы посмотрел на Габриэля.

— Сначала заболели все женщины и девочки. Мы боролись с чумой, как могли, но мы проигрывали. Вскоре было принято ужасное решение. Нужно было изгнать заражённых. Либо так, либо бункер ждала смерть. Часть стояла на стороне больных. Началась борьба, Боже милостивый...

Отец Аквилин задрожал. Долго пытался сдержаться.

— Твоя мать заставила меня поклясться, что я позабочусь о тебе. Я обещал ей! Ей-Богу, я сделал это! За выгнанными ворота закрылась на многие годы. В центре остались мы. Всего двадцать три человека, мужчины, юноши и дети. Современный бункер с огромными запасами, с генераторами тока, с чистой, горячей водой из геотермальных источников. Почти полные склады. На Двадцать три человека.

Габриэль не мог произнести ни слова. Весь дрожал. Раненая голова начала пульсировать тупой болью, всё сильнее и сильнее.

— Священник Феодор начал объяснять нам всё, что случилось... Он провёл нас через это ужасное время. Спустя много лет даже я поверил, даже я погрузился в это безумие, в этот новый порядок и смысл, в великую миссию создания нового Евангелия для умершего мира. Изгнанные пытались вернуться. Два раза штурмовали ворота. Это были погромы. Феодор был сумасшедшим, и этим безумием он заразил нас всех. Теперь, спустя столько лет, случилось настоящее чудо. Возможность искупления! Слова прощения и примирения с людьми, которых тогда изгнали. Которых прокляли!

— Это письмо, — прошептал Габриэль.

Отец Аквилин зарыдал. Спрятал лицо в ладонях.

— А Комитет не согласен. Отказывает им, — добавил Габриэль.

Следующие полные напряжения дни слились в единое целое в уме Аквилина. Ему постоянно снились ссоры, лихорадочные попытки убедить Комитет.

Кто-то разбудил его внезапно. Святой отец моргнул в замешательстве.

— Габриэль?

Свет лампы бросал в дрожь. Низкий гул заполнил пространство. Аквилин оживился, вышел в коридор. Когда узнал отдалённое эхо выстрелов, замер.

— Габриэль! — он повернулся в сторону кельи парня.

Глаза женщины, возникшей перед ним, горели ненавистью. Он не успел даже заслониться.

Рывок вырвал Аквилина из небытия. Висок горел адской болью. Мужчина моргнул, пытаясь сфокусировать взгляд. Сильные руки толкнули его, он упал на колени. Огляделся.

От массивных главных ворот Святой Горы не осталось и следа. Вооружённые люди стояли возле пробоины, их соратники сновали туда-сюда. Изнутри доносились крики, ритмичные удары тяжёлых молотов о металл, одиночные выстрелы. Последние лучи солнца огненными стрелами точно поджигали кружащую в воздухе пыль.

Острый металл коснулся щеки Аквилина.

— Узнаёшь меня? — обезображенное шрамами лицо Сергиуша низко склонилось. — Вижу, что да.

В полном страданий возгласе Аквилин узнал голос Габриэля. Парень стоял на коленях всего в нескольких шагах от него.

— Ты обещал! Ты же пообещал! — Габриэль дёрнул связанными за спиной руками.

Возвышающаяся над ним фигура схватила парня за волосы.

— Обещания! — Сергиуш истерически засмеялся. Провёл штыком по голове Аквилена. — Мы знаем, что слова больше не имеют значения. Правда, Лин? Правда?!

— О, Боже...

— Бог?! Бог?! Бог сгорел в атомном огне вместе с остальными! Теперь кто-то другой стоит за рулём этой радиоактивной помойки. Я обещал тебе, что вернусь. Помнишь, Аквилин? Марта!!! Ольга! Юдифь! Гошка! — Произнося каждое имя, Сергиуш бил старика. Когда закончил, приподнял его голову. Приложил лезвие к шее. — Возвращайся сюда, не уходи. Ты знаешь? Я уж было смирился, что придётся умереть в несправедливости, и угадай, что случилось. Твой мальчик буквально упал ко мне с неба. Наивный, божий одуванчик. Неплохой удар судьбы, а? А может, именно это стоит назвать Божьей волей? Достаточно было показать ему кусок нашего мира, пробудить жалость, посеять зерно сомнения, заставить принести тебе письмо. *Et in terra pax hominibus bonae voluntatis!* — неистовый смех подхватило эхо. — Не поверил бы? Но он поверил. Он впустил нас с бокового входа.

Сергиуш наклонился так близко, что Аквилин почувствовал жгучее дыхание.

— Нам открыл дверь твой собственный сын, — прошептал Сергиуш прямо в ухо старика.

Аквилин завыл, дёрнулся отчаянно.

— Ты клялся на Алисе, — голос Габриэля дрожал. — На собственной дочери!

Сергиуш подскочил к нему. Штык исчез за спиной парня. Лезвие вспорол узел.

— Беги! Беги к ней. Алиса ведёт группу пожилых людей, наверное, они уже близко. Я обещал, что она тебя увидит. Беги! Расскажи моей Алисе о предательстве.

Габриэль вскочил. Для него это последний шанс. Если кто и мог остановить безумие отца, так только она. Алиса ведь тоже пообещала, что никто не пострадает. Отец клялся, глядя ей в глаза.

— Беги!!!

Габриэль бросился вперёд. Сергиуш стоял над коленопреклонённым Аквилином. Кивнул проходящей женщине. Протянул руку в её сторону.

— Я смотрел, как умирают мои жена и дети. Я держал Ольгу за руку, когда она умирала, и тогда я принёс единственную клятву, что ещё имеет значение. Бессилие — самая страшная из пыток, Аквилин. Сейчас увидишь.

Женщина подала командиру винтовку. Аквилин крикнул удаляющемуся сыну.

— Беги, Габриэль! — Сергиуш поднял оружие к плечу. — Беги во спасение!

Павел Майка. Родился в июне 1972 года в Кракове. Автор романов "Метро 2033: Район обетованный", "Покой миров" и "Небесные пастбища". Его рассказы можно найти в антологиях: "Новые идут", "Science Fiction", "Канон варваров", "Tempus Fugit", "Год до конца света". Председатель жюри конкурса, чьим плодом стал данный сборник.

Анета Паздан. Родилась в 1991 г. в Кракове. Учится по специальности "Лекарственные растения и профилактика здоровья". Увлекается футболом, особенно английским, мечтает поехать по Европе, особенно по скандинавским странам. Дебютировала в этом сборнике.

Дагмара Адвентовская. Редактор и корректор таких журналов, как "Истерия" и "Шортал". Её рассказы можно найти в "Истерии", на "Шортале", и в антологиях: "Теории заговоров", "Зеленогорские фантазии IV", "Eldasop II", "Ужасы Розточья: Бессовица".

Маргдалена Куценты. Профессиональный инженер, частным образом закончившая учёбу вместе с самым терпеливым мужем на свете. Дебютировала на бумаге в "Smokopolitan" (3/2015).

Давид Аворский. Родился в 1991 г. Днём студент-медик, ночью заядлый читатель и писатель-любитель. На его полках можно найти фантази, постап, триллеры, книги по медицине и о путешествиях. Увлекается португальской культурой, любит готовить и играть на гитаре.

Пётр Едлинский. Родился в 1991 г., учится в Щецине, пишет уже несколько лет и публикуется тут и там, работая при этом над формами повествования. Воспитан на фантастике, от Пратчетта и Сапковского до Лема и Дюкая, но читает всё, что привлекает его внимание.

Анна Волошак-Томашевская. Родилась в 1995 г., по образованию классический филолог, по профессии — библиотекарь. Поклонница античности, космоса и вестернов: фанатка "Звёздного пути", Муми-троллей и Артура Кларка. Рассказы в "Эссенции", "Зеленогорских фантазиях", антологии "Wolsung" и на "Шортале". Ведёт блог fraa-farara.blogspot.com.

Илона Подгайна. Студентка англистики, живёт в Кельце. Любит кофе, рок и книги — от фантастики и хорроров до психологических триллеров. Мечтает, чтобы рассказы, написанные ею в стол, нашли своего читателя.

Матеј „Kotodo” Маркевка. Родился в 1997 г. в Блаховне (Силезское воев.). Профессиональный продавец, в свободное время — журналист и любитель видеоигр. На его счету множество статей, участие в антологии "Шёпоты убиенных", а также опубликованная книга.

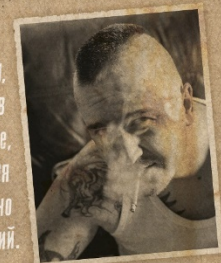
Юстина Мицота. Родилась в 2000 г. в Варшаве. Читает всё, пишет чушь, рисует, путешествует и иногда стреляет. Это её первый конкурсный рассказ. Хочет объездить весь свет, выучить шесть языков, стать известным писателем или пресектировать военные самолёты.

Томаш Пшилупский (род. в 1991 г.). Дебютировал в "Шёпотах убиенных". Лауреат "Хрустальных драконов 2015". Публикует прозу в "Smokopolitan", "Софии" и "Lost&Found". Читает меньше, чем ему бы хотелось. Каждый день работает с детьми и молодёжью и пишет роман.

Матеј „Sarajas” Гловацкий. Родился в 1997 г. Как и положено отшельнику, ждёт конца света. Provokator, крайне неуравновешенный тролль, поливающий сновтворный кофе. Выпил бы с Гербертом и сыграл бы в русскую рупетку с Глоком 17.

Мареk Зикла. Работает бухгалтером, кадровиком и опекуном инвалидов в Центре KCAT Art&Study в Калпани, графство Килкени. В свободное время публикует рассказы, которые можно найти в ряде антологий.

Симон Зак. Родился в 1979 г., писатель, любитель фантастики, ветеран РПГ и настольных игр. Завсегдагай фантастических конвентов, неутомимый рассказчик. Любит кино, книги, фильмы золотой эпохи Голливуда и Эррола Флинна. Фанат Ктулху, "Звёздного пути" и "Светлячка". Сайт: simonzack.pl.

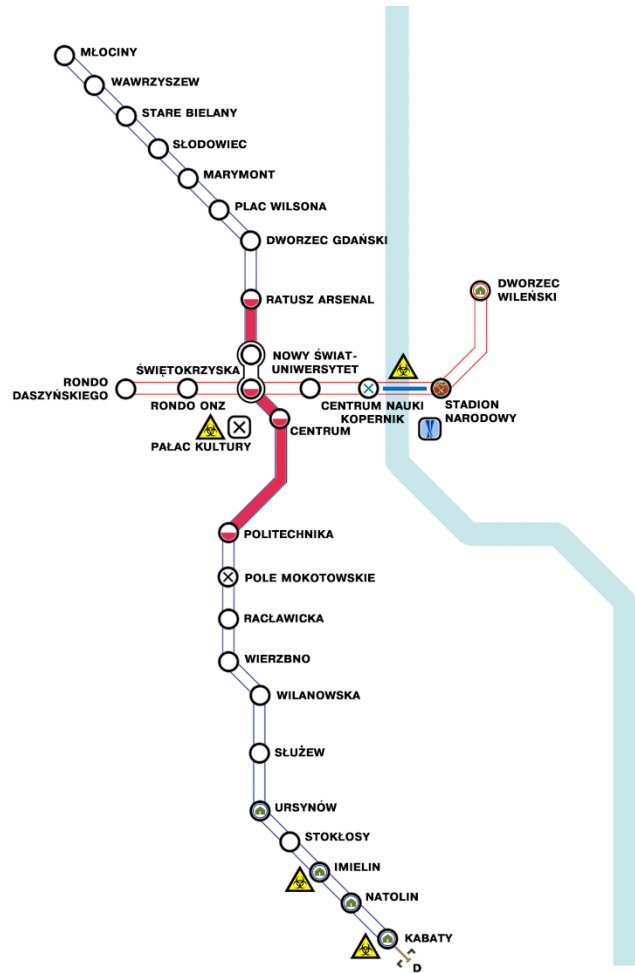
МЕСТА ДЕЙСТВИЯ РАССКАЗОВ

«Горный» — Краков
«Эдем в аду» — Стокгольм
«Открой глаза» — Вроцлав
«Орел и решка» — Гданьск
«Чистильщик» — Верхняя Силезия
«Пария» — Москва
«Хексенгрунд» — Гдыня

«В шкуре человека» — Глушица
«320» — Забже
«Немой» — Москва
«Город-33» — Варшава
«Пиноккио» — Варшава
«Протокооперация» — Графство Килкенни, Данмор
«Обещания» — Закопане

КАРТЫ ВАРШАВСКОГО И СТОКГОЛЬМСКОГО МЕТРОПОЛИТЕНОВ

- ВАРШАВСКОЕ ГЕРЦОГСТВО
- ЛЮДИ-МУТАНТЫ
- ЖИЛЫЕ СТАНЦИИ
- НАЦИОНАЛЬНЫЙ БАССЕЙН
- БИОЛОГИЧЕСКАЯ УГРОЗА
- НЕИССЛЕДОВАННЫЕ СТАНЦИИ
- ЗАБРОШЕННЫЕ СТАНЦИИ И ПОСЕЛЕНИЯ
- ЗАТОПЛЕННЫЕ СТАНЦИИ
- ДЕПО
- НАЗЕМНЫЕ УЧАСТКИ ПУТЕЙ
- ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПУТИ И ТОННЕЛИ
- ЗАТОПЛЕННЫЕ ТУННЕЛИ

- ФЕРМЫ И ФАКТОРИИ
- ЖИЛЫЕ СТАНЦИИ
- НЕИССЛЕДОВАННЫЕ СТАНЦИИ
- ЗАБРОШЕННЫЕ СТАНЦИИ
- РАЗРУШЕННЫЕ СТАНЦИИ
- ДЕПО
- НАЗЕМНЫЕ УЧАСТКИ ПУТЕЙ
- ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПУТИ И ТОННЕЛИ
- РАЗЛИЧНЫЕ УГРОЗЫ

СОДЕРЖАНИЕ

Павел Майка. ГОРНЫЙ.....	4
Анета Паздан. ЭДЕМ В АДУ.....	15
Дагмара Адвентовская. ОТКРОЙ ГЛАЗА.....	25
Магдалена Куценты. ОРЁЛ И РЕШКА.....	34
Давид Яворский. ЧИСТИЛЬЩИК.....	44
Пётр Едлинский. ПАРИЯ.....	54
Анна Волошак-Томашевская. ХЕКСЕНГРУНД.....	65
Илона Подгайна. В ШКУРЕ ЧЕЛОВЕКА.....	75
Мацей «Komodo» Маркевка. 320.....	87
Юстина Мицота. НЕМОЙ.....	97
Томаш Пшилудцкий. ГОРОД-33.....	107
Мацей «Sarajas» Гловацкий. ПИНОККИО.....	121
Марек Зикла. ПРОТОКООПЕРАЦИЯ.....	131
Симон Зак. ОБЕЩАНИЯ.....	142